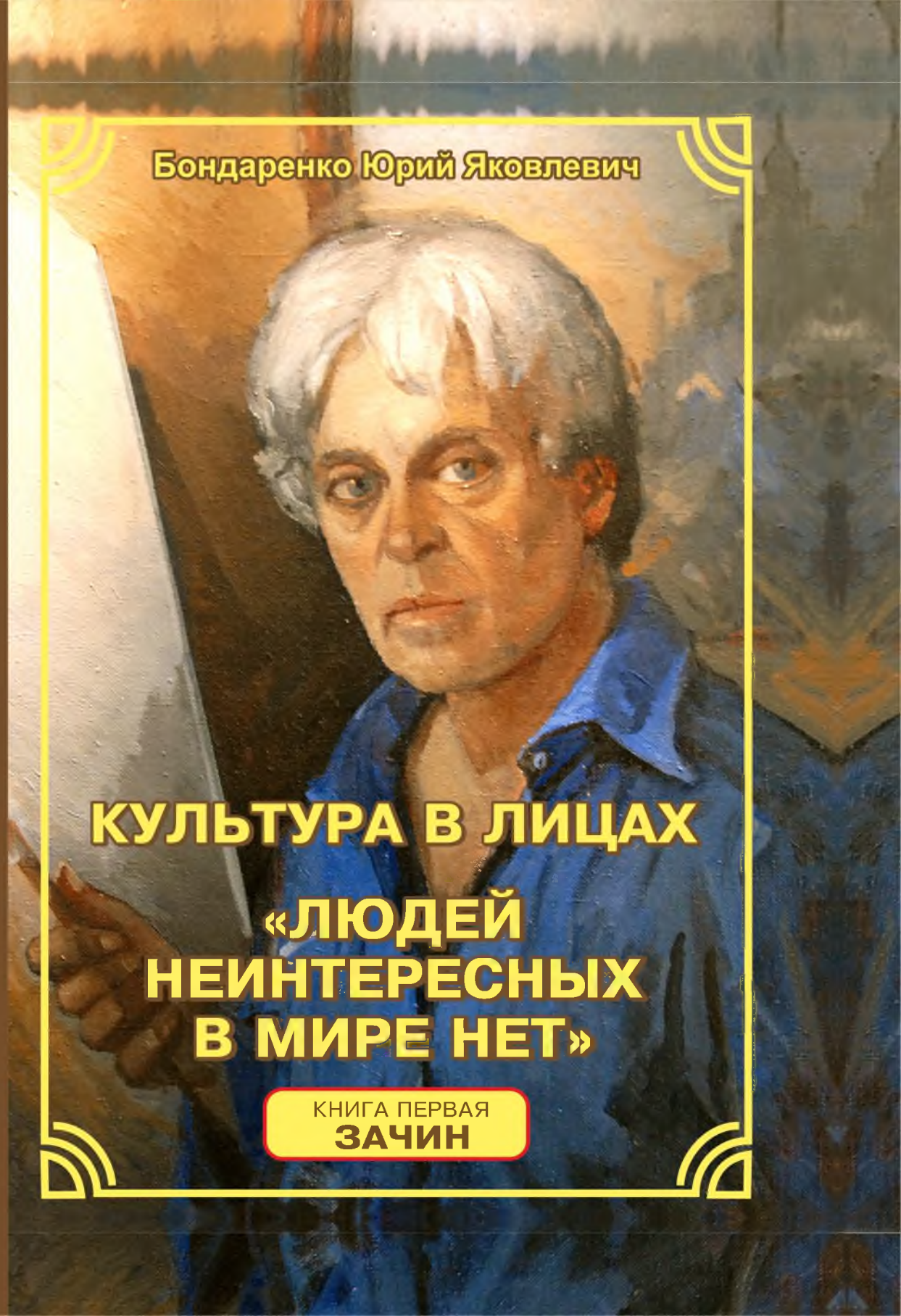


**БОНДАРЕНКО**  
Юрий Яковлевич

**КУЛЬТУРА В ЛИЦАХ**  
«ЛЮДЕЙ НЕИНТЕРЕСНЫХ В МИРЕ НЕТ»

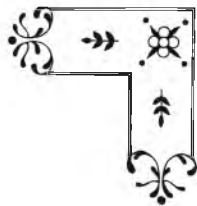
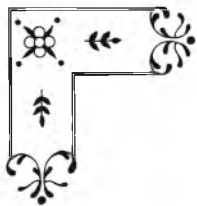
КНИГА ПЕРВАЯ  
**ЗАЧИН**

**Бондаренко Юрий Яковлевич**

A detailed oil painting of an elderly man with short, wavy white hair and a serious expression. He is wearing a vibrant blue button-down shirt. The background is a mix of warm, golden-brown and cool, blue-grey tones, suggesting an interior setting. The entire portrait is framed by a thin yellow border with decorative corner elements.

**КУЛЬТУРА В ЛИЦАХ**  
**«ЛЮДЕЙ**  
**НЕИНТЕРЕСНЫХ**  
**В МИРЕ НЕТ»**

КНИГА ПЕРВАЯ  
**ЗАЧИН**

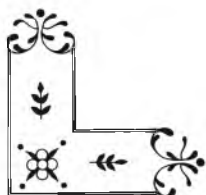


Бондаренко  
Юрий Яковлевич

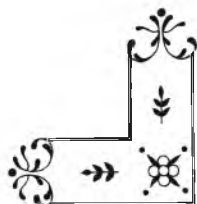
# КУЛЬТУРА В ЛИЦАХ

## «ЛЮДЕЙ НЕИНТЕРЕСНЫХ В МИРЕ НЕТ»

Книга первая  
ЗАЧИН



Костанай,  
2014 год



УДК 008  
ББК 71  
Б81

Рецензенты: **Римма Чингизовна Бектурганова**  
Доктор педагогических наук  
**Еркен Аманжолович Абиль**  
Доктор исторических наук

**Бондаренко Ю.Я.**

**Б81 Культура в лицах. «Людей неинтересных в мире нет».**  
Книга первая. Зачин./ Ю.Я. Бондаренко. – Костанай:  
ТОО «Центрум», 2014. – 308 с.

ISBN 978-601-7551-01-8

Книга является сборником очерков о тех представителях Костанайской интеллигенции, чья жизнь так или иначе была связана с творчеством, миром культуры, включая художников, литераторов, педагогов и представителей ряда иных профессий, объединенных любовью к своему делу.

Книга дополнена авторскими размышлениями о культуре.

УДК 008  
ББК 71

ISBN 978-601-7551-01-8

© Бондаренко Ю.Я., 2014

*Автор выражает благодарность  
коллективам областной научной  
библиотеки им. Л.Н.Толстого,  
областной картинной галереи,  
Ольге Львовне Куперман  
за сердечную помощь  
в подготовке этой книги.  
Особая благодарность  
тонкому ценителю слова  
Михаилу Калашееву.*

*Рисунки Торшина Н.В.*

## СОДЕРЖАНИЕ

<b>КОНТУРЫ .....</b>	<b>9</b>
И.Алтынсарин и творческий подход к изучению социально-гуманитарных дисциплин .....	11
Учитель с большой буквы Мейлахс М.А. ....	16
Кто мы? О поэзии Досова А.С. ....	23
«Я – актриса второго плана...» Творчество А.Сусловой и возможности его использования в педагогической деятельности .....	31
Параллельные миры Николая Кочина .....	42
«Будем жить вопреки...» О стихах нашего земляка Анатолия Коштенко .....	52
«... Но я вижу тот дом, где живет мое вечное солнце» Краткие заметки о стихах Алексея Олексюка .....	58
Посланцы Украины на казахской земле Заруба А.В. ....	66
Судьба и краски Соков Г.М. ....	72
Учитель – это судьба? Барабанов В.Н. ....	83
Просто библиотекарь Давиденко Т.И. ....	91
«Почетный бич города Костаная» Лоскутников В.А. ....	97
Творчество - философия жизни Луговой С.Д. ....	106

«Я ничем не выделялся» Труханов А.В. ....	115
Голос степи Акылбек Шаяхмет .....	121
Философия и жизнь Зекрист Р.И. (Еникеева) .....	133
Мастер с большими руками Гончаров Н.В. ....	139
Выпускница «Репинки» Баталова Б.Ж. ....	149
«Логично, убедительно, интересно» Румянцева М.В. ....	159
Как стать хорошим ювелиром? Игошин Л.А. ....	167
«Так сложилась судьба» Калинова С.Н. ....	175
«Жизнь интересна» Шалунова С.И. ....	180
«Я не считаю себя живописцем...» Новоселов Ю.Д. ....	187
Увидеть красоту Торшин Н.В. ....	197
Блики жизни и творчества Орехов А.Е. ....	207
«Строитель номер один» Куперман Л.А. ....	216
Слово и жизнь Тарасенко А.В. ....	227
Русскоязычная литература Костанайщины .....	235

<b>МЫСЛИ О КУЛЬТУРЕ .....</b>	<b>237</b>
Словесное творчество детей .....	239
Есть такой «Ежик» .....	254
Слово о библиотеке .....	264
Прикосновение к поэзии .....	266
«Не славы, и не коровы...» .....	268
С чего начинается музыка? .....	270
О языке искусства .....	271
Птица с одним крылом? .....	278
Улитка на склоне эпохи О фантастической повести братьев Стругацких .....	282
«Хищные вещи века» и мы .....	288
Современное искусство – фантом или реальность? .....	295
Эта непростая нагота .....	298
Что можно увидеть сквозь дыры в плаще философа? .....	300
Об этике журналиста .....	302





## Предисловие

Эта книга – сборник очерков о различных представителях нашей Костанайской творческой интеллигенции – от библиотекаря, литераторов, до художников и педагогов. Она не претендует на углубление в психологию и личную жизнь тех, кто в ней упомянут. Здесь – лишь краткое знакомство с различными судьбами людей, жизнь которых так или иначе оказалась связанной с художественной культурой и образованием. Книга – своего рода мозаика, горстка эскизных описаний того, что сделали в сфере культуры наши земляки. Описаний, естественно, очень неполных, почему и сама часть работы, требующей несравненно большего размаха, названа «Зачин». Иными словами, это только начало, только прикосновение к тому, что могут продолжить и другие, а, если силы позволят, и сам автор. В перспективе, работая в этом направлении, нельзя будет обойти ни архивы, ни подшивки газет, ни воспоминания друзей и близких. В своем же более полном объеме книга должна вобрать не только больше имен, включая и тех, кого нет сейчас на Костанайщине, но и музыкантов, актеров, служителей театра в целом, библиофилов, возможно, кого-то из бардов... Требуется и более развернутая библиография потому, что хотя именно такого издания, издания, специально посвященного людям культуры и образования, по крайней мере, в последние десятилетия, в области еще не было, об очень многих здесь упомянутых и не упомянутых уже писали и, подчас, блестяще и рельефно.

Совершенно очевидно, что целенаправленно такую работу надо было начинать на десятилетия раньше. Тем более, что газетные публикации нередко изобилуют неточностями, которые задним числом уже не выявишь. Поэтому-то автор, точнее, коллекционер биографических зарисовок, стремился, насколько это возможно, каждому из упомянутых здесь, давать посвященный ему текст для вычитки и проверки на точность, что, естественно, не может дать абсолютной гарантии от неточностей, но, тем не менее, позволяет сократить их число.





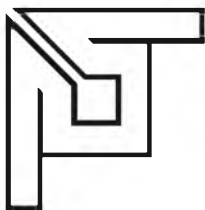
В идеале необходима и развернутая электронная версия такой работы. Версия, которая позволила бы более красочно и объемно представить творчество художников, актеров, музыкантов, дополнив текст видео- и аудиоматериалами.

Автор глубоко убежден, что подобные очерковые портреты представителей «провинциальной» интеллигенции с точки зрения истории интересны не только костанайцам. Они помогут будущим поколениям внимательнее всмотреться в прошлое, увидеть его более объемно. А это уже немало. Главное же то, что очень и очень многие могли бы, и необязательно для печати, продолжать дело, начатое задолго до появления самой этой книжечки, - дело бережного сохранения всего того, чем жили и живут люди разных поколений...

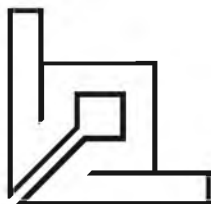
За небольшими исключениями очерки расположены в порядке их написания, а не значимости написанного.

Завершая это краткое вступление, хотелось бы заметить, что для кого-то очерки могут показаться идеализацией. В них отсутствуют те или иные детали личной жизни, нет накала борьбы. А ведь каждый из нас что-то принимает, а что-то нет. У многих немало проблем и дома, и на работе. Но такие проблемы – сфера собственно литературы художественной, а не очерков, задача которых гораздо скромнее: сохранить хотя бы отдельные черточки бесконечно интересного и многообразного бытия, в котором нет ни бесспорных центров, ни провинции. И задача эта уже сама по себе увлекательна, и, как думается, практически значима.

Вполне понятно, что многие из представителей нашей интеллигенции попали на страницы различных книг задолго до появления именно этого издания. В идеале было бы желательно соединить в издании будущего, возможно, не одномомном и то, что оказалось и могло бы оказаться здесь, и то, что уже было сделано прежде. Конечно же, нужна и более полная библиография. Но все это – дело энтузиастов будущего.



# КОНТУРЫ







## **И.Алтынсарин и творческий подход к изучению социально-гуманитарных дисциплин**

Жизнь и творчество Ибрая Алтынсарина неотделимы от его педагогической деятельности. Педагогическая же деятельность, в свою очередь, пронизана духом творчества. Об Алтынсарине написано, казалось бы, очень много; и, все-таки, хотелось бы без стандартных славословий и дифирамбов коснуться именно творческих аспектов его педагогической деятельности и того, как эти грани подвижнической работы знаменитого просветителя перекликаются с современным педагогическим поиском.

Как отмечают специалисты, в педагогической деятельности И.Алтынсарина было немало новаторского и даже революционного для Казахстана его времени: «Алтынсарин, творчески усваивая теорию обучения, разработанную выдающимися русскими педагогами (19-го столетия) ... создал в соответствии со специфическими особенностями Степного края оригинальную систему преподавания и обучения детей в русско-казахских школах. Он ввел в школах также обучение ремеслам... «сообразно с нуждами местного населения, находящегося в переходном уже состоянии из кочевого быта к оседлости. Мальчики обучались плотнично-столярному, кузнечному и другим ремеслам, а ученицы-казашки – шитью и кройке...» (1)

Однако здесь мы остановимся лишь на тех моментах, которые непосредственно связаны с широко известной «Киргизской хрестоматией». Первый момент – это использование звонкого стихотворного слова в дидактических, воспитательных и полемических целях. Такое использование соответствует давней традиции Востока, по которой наставления и афоризмы очень часто облекались в форму звучных стихов. Но акценты у Алтынсарина новые: с достаточно узкого круга образованных они смещаются к тем, кто еще должен получать образование, овладевать его начальными степенями:



Дети, в школу идите!..  
Знайте – неграмотный бродит,  
Словно слепой во тьме.

Образование же поможет вам не только самим встать на ноги, но и отвести уверенною рукой бедность от своих стареющих и слабеющих родителей. (2)

Особенно настоятельной стала эта мысль в период потрясавших воображение открытий и технических достижений, когда, говоря языком Алтынсарина, люди стали спорить «с быстротой птиц, парящих в небесах», строя при этом «дивные дворцы» и изумляя мир скоростью распространения известий. (3)

Этот, передаваемый детям восторг от поступи науки не мешает видеть и язвы своего времени, и давать наставления, предостерегающие от «пустых дел» Здесь и боль за несчастный народ, над которым всемогущие ханы, по-зверски обирающие бедняков, богатых же, наоборот, одаривающие. А рядом – хлесткие строки стихов о чванном и бесчестном мулле и судьбе, чьи суждения определяет не закон, а взятка. Перевернешь страницу – и вот уже замороженность красотой природы, мощью речных вод, замороженность, которая без не требующихся здесь назиданий, учит детей любовно всматриваться в окружающий мир. (4)

Прошли десятилетия. Но и сегодня эта, казалось бы, устаревшая традиция соединять обучение и воспитание со звонким словом жива и даже обретает новое звучание. Один из наглядных примеров - творчество отличника народного образования, почетного члена Академии педагогических наук РК А.И. Сусловой. Тонкая лирика и юмор ее книг органично включают в себя и стихи познавательного характера, скромно названные: «Портреты к урокам». Здесь перед нами словно оживают Будда, Фалес, Сократ, Аристотель. Платон, Демокрит, Сенека. Вслушайтесь только в строки, посвященные последнему виднейшему представителю величавого Рима, названному в свое время «дядей христианства», но вынужденному покончить с собой из-за своеволия тирана:



Он звал к покорности судьбе,  
А оставался непокорным.  
Но проиграл ли он в борьбе  
С высокомерьем власти черной? (5)

В этом, уже современном педагогическом поиске, столь созвучном с новаторским движением мысли И.Алтынсарина, намечаются и новые, очень интересные повороты: уже студентки пишут стихи о философии, о жизни; и тем самым рождается симбиоз новых форм обучения и творчества.

Вторая же грань творческого подхода Алтынсарина к педагогике – это его использование фольклора вкупе с собственными произведениями познавательного-воспитательного характера, которые при этом написаны просто, живо и увлекательно, являя нам ту богатую мыслью и образностью простоту, которой сегодня нередко так не достает иным авторам научных и учебных изданий. Эта грань творчества Алтынсарина являет собой то, что можно было бы назвать «мудростью без униформы». Здесь перед читателем сквозь нехитрые вроде бы образы и истории проступает самая подлинная философия – философия жизни, традиции которой восходят к библейским притчам, Анахарсису, басням Эзопа, имеющим и глубокие древневосточные корни. В его рассказах, историях и сказках мы встречаем и басенные персонажи, и обитателей степи, и многих иных. Как и в стихах, здесь Алтынсарин бичует и высмеивает невежество и жадность, в том числе невежество и жадность мулл, равно как и суеверия простонародья. Замечательный пример этого – рассказик о том, как двое услышав кукованье кукушки, подрались оттого, что каждому показалось, что именно ему та науковала богатство. Лекарь же, к которому пришли те с разбитыми носами, сказал им: «Эх, дураки же вы! Та кукушка не вам, а мне науковала. Если бы она не куковала, то не было бы у вас драки; а если бы драки не было, я не получил бы с вас за лечение и не заработал бы».

(6)

Но все это отнюдь не означает, что сегодня мы должны прямолинейно характеризовать отношение Алтынсарина к вопросам веры. Во-первых, потому, что сама эта тема



чрезвычайно сложна и деликатна, а, во-вторых, потому что Алтынсарин отнюдь не укладывается в упрощенные схемы. Об этом, в частности, ярко свидетельствует его коротенькая история об ученом человеке, которому задан вопрос: «как ... научиться верить?» Ученый ответил вроде бы странно: «Учись у восходящего солнца, а также у неба и земли, ветра и воды, света и дождя». Когда же вопрошавший застыл в недоумении, «не зная, как понять сказанные слова... ученый добавил: «Если выйдешь в степь- небо и землю, солнце и луну, горы, скалы, ветры, дожди, звезды в небе увидишь ты. Мог ли все это сделать человек? А если так, нужно думать, что все это сотворено какой-то сверхъестественной силой, которую мы не знаем, и если ты дойдешь до такого умозаключения, то ты уже наполовину уверовал». (7)

Вполне понятно, что здесь при желании можно спорить, но сам вопрос и его развертывание – сугубо философские, причем варьировавшиеся в той или иной форме на протяжении тысячелетий.

Образный язык такой философии – язык живого разговора, живой полемики становится все более востребованным и сегодня, когда иные философские тексты напоминают гербарии засушенной мысли. Причем не только востребованными, но и получающими свое дальнейшее развитие. Непосредственно в школах дети не только участвуют в работе так называемой Малой Академии Наук, где, к сожалению, на взгляд автора, слишком много формализма, но, выполняя задания учителей, пишут сказки, эссе, подчас неожиданные и очень интересные. Скажем, историю о «Сказочном появлении на свет учебника литературы» или сказку «о том, как поспорили корни «лаг», лож» и «касс», «кос». И вот уже сухие правила грамматики оживают и начинают играть новыми красками. В костанайской же поэтической студии «Крылья» оттачивают свои «перья» юные любители поэзии – как школьники, так и студенты; и со временем многие из них заслуженно становятся обладателями премий в поэтических конкурсах.

Но и это далеко не все. Представляется, что совершенно необходимо расширять использование живого языка, причт,



занимательных и в то же время заставляющих поломать голову историй, парадоксальных суждений и высказываний и в работе высшей школы. Такая работа, к примеру, уже проводится в КГУ, где на занятиях по философии студентам предлагаются самые разнообразные задания – от поиска притч и историй, соответствующих той или иной теме или духу изучаемой страны и эпохи, до письменных и устных комментариев к этим высказываниям и историям, даваемых так, чтобы они помогали глубже уяснить суть изучаемого. Наиболее творческие студенты, не ограничиваясь этим, сами сочиняют собственные истории, иллюстрирующие те проблемы, которые разбираются на занятиях. Таким образом, наследие Востока, живая, ищущая мысль древних мудрецов и просветителей недавних столетий продолжает пульсировать в уже сегодняшних педагогических поисках, находках и раздумьях. И, думается, что, при всех хорошо известных проблемах современного образования, порою буквально задыхающегося от чрезмерной регламентации учебной деятельности и захлебывающегося в потоках избыточных бумаг, рождаемых фантазией и рвением чиновников, очень и очень далеких от понимания сущности педагогики и реальных задач, стоящих перед отечественным образованием, приведенные примеры, наряду со многими и многими иными, свидетельствуют о том, что дело Алтынсарина продолжается в делах энтузиастов педагогов; и пока есть такие энтузиасты, пока есть и жаждающая знаний молодежь, это дело будет жить. И это живое дело - лучший памятник просветителю, как и любому творческому человеку.

#### Литература.

1. Сулейменов Б.С Жизнь и деятельность Ибрагима Алтынсарина (1841 – 1889). – В кн.: И.Алтынсарин. Собрание сочинений в трех томах. – Алма-Ата, 1976, -Том 1. с.35)
2. И. Алтынсарин. Избранные произведения. – Алма-Ата, 1957. сс.44 – 45.
3. Там же, с. 47.





4. И. Алтынсарин... Т 1-й, сс.61 – 69.
5. Сулова А. Рябиновый привкус. – Костанай, 2009. с.114.
6. Собрание соч. Т.1-й, с.100.
7. Избранные произведения ...с.177.

*(Публиковалось в: кн.: – Социальный, педагогический, нравственный потенциал наследия И.Алтынсарина и современность. Сборник докладов. – Костанай, 2011, сс.126 – 130).*



## **Учитель с большой буквы**

**МЕЙЛАХС М.А.**

Мое поколение студентов конца шестидесятых – самого начала семидесятых было приучено к книге. И я тут не исключение. Заучивались, запоминались, анализировались и сопоставлялись тексты – и это была замечательная школа, прежде всего школа мысли. А вот люди, которые рядом, воспринимались, как нечто само собой разумеющееся – как воздух, как деревья, как земля, по которой мы ходим, и небо над нами. Может быть, поэтому, но и не только, говорить о тех, кто был рядом и даже не одно десятилетие, гораздо труднее, чем о том, что когда-то видел на экране или о чем читал: всегда остается что-то неуловимое и ускользающее, как от памяти, так и от слов, которыми пытаешься передать то, что вспомнилось. Потому-то и эти воспоминания – лишь легкая тень того, что могло бы ожить, сохранилось оно в дневниках или как-то иначе. И, все-таки, и эта тень стоит того, чтобы пытаться, хотя бы очень поверхностно, эскизно, очертить ее словами.

Однако, к счастью, в Костаное сохранилась, хотя и небогатая, но своего рода «официальная информация» с биографическими сведениями о Мейлахсе. В выпущен-



ной в 2009 г. объемистой «Истории Костанайского государственного педагогического института» мы можем прочесть: «Мейлахс Мотель Аврумович. (Поскольку мы, студенты, и я, в том числе знали его, как Марка Абрамовича, постольку здесь я использую именно это имя. – Ю.Б.)... «родился в 1909 г. в Винницкой области. В 1933 г. окончил Киевский институт профессионального образования. В 1936 г. – аспирантуру при Украинской Академии наук. Работал в техникуме, преподавателем в Киевском государственном университете, учителем истории и немецкого языка в Сталинградской и Акмолинской областях. С 1945 г. – преподаватель учительского института, затем в институте истории АН СССР, в школе Кокчетавской области. 25 августа 1961 г. зачислен в штат кафедры истории Кустанайского пединститута старшим преподавателем истории и археологии. Работал до 1967 года. В 1967 году ушел на пенсию. Он оставил о себе память, как великолепный преподаватель, доброй души человек, тонкий психолог, интеллектуал, человек высокой культуры» (1, с.116).

Правда, и здесь, по крайней мере, одна неточность или же опечатка: в 1967 – 1968 учебном году Марк Абрамович еще не только не был на пенсии, но и был с нами на нашей летней археологической практике при раскопках под с. Садчиковка. Если же дата его рождения указана точно, то на пенсию он мог уйти не раньше 1969 г. (видимо так оно и было, хотя и после этого Марк Абрамович постоянно был с людьми). «Скромно» опущены и те моменты его биографии, которые объясняют некоторые странные повороты в трудовой деятельности – то вузовский педагог..., то – школьный учитель. Не имея возможности должным образом восполнить пробелы, хотелось бы, тем не менее, сказать то, что знал я сам об этом, таком неброском внешне, и таком изумительном по своей сути человеке.

Марка Абрамовича все мы - студенты-первокурсники 1967 г. впервые близко увидели на учебных занятиях на историческом отделении Кустанайского педагогического института, и он оказался одним из тех, кто остался в памяти очень и очень многих, причем не только его студен-



тов. В те годы Марк Абрамович вел археологию и историю Древнего мира. Доброжелательный и при этом интеллигентно-требовательный и уже достаточно «взрослый» в сравнении со многими иными нашими преподавателями, он не поражал своей эксцентричностью, стремлением блеснуть оригинальностью или чем-нибудь еще. Да и лекции, не его лично, а лекции вообще, молодым, в которых кровь бурлила, казались при своей систематичности занятием частенько чересчур уж утомительным и однообразным. Иными словами, сам я, хотя и учился шутя, к чересчур прилежным, ловившим каждое слово, не относился. Особо замечая это, потому что при всем при этом в той атмосфере обыденности, вроде бы, между прочим, прозвучали слова Марка Абрамовича об английском историке Арнольде Тойнби. Прозвучали они, когда мы еще только начинали учиться. Но... прошло несколько лет после окончания пединститута, вобравших в себя и службу в армии, и многое, многое иное. Я оказался стажером-исследователем на философском факультете МГУ, и именно творчество Тойнби, о котором я впервые услышал от Марка Абрамовича, стало темой моей кандидатской диссертации. Диссертации, в работу над которой я окунулся с величайшим наслаждением. Так как же надо было упомянуть это, диковинное для тогдашней провинции имя, чтобы оно запало в память и через годы после окончания вуза определило круг научных интересов?

Само собой вспоминается и не только это, хотя повторяюсь, Марк Абрамович вовсе не стремился чем-то поражать студентов. Более того, нам, студентам, мягкость его иной раз казалась мягкотелостью. Как-то один из моих однокурсников – мыслящий и «общественно активный» парень однажды обронил что-то вроде: «А, этот еврей», мол, он никогда прямо не ответит. Но сейчас-то я хорошо понимаю, что не на всякий лобовой вопрос преподаватель может давать такой же «лобовой ответ». Тогда – тем более. Однако это отнюдь не глушило свежесть и силу мысли. Маленький штрих, подтверждающий сказанное: мимолетное упоминание (рассказывавшего о войнах, сотрясавших мир в древности) Марка Абрамовича о том, что в ходе этих



войн практически всякий захватчик приходил не агрессором, а «освободителем» - от прежних захватчиков и тиранов. Эта мысль была так естественна и органична для известной нам истории древности. Но при этом она так ложилась и продолжает ложиться на историю двадцатого века и наших нынешних дней, что поневоле будит собственные размышления, в том числе и о том, почему те или иные народы не могут быть вечно благодарны даже тем, кто в свое время освободил их без всяких кавычек от тех или иных чужеродных сил. Выражаясь конкретней, уже в те далекие годы начинали прорастать семена размышлений о том, почему народы Европы могли со временем тяготиться теми, кто освобождал их то от Наполеона, то от несомненного зла – гитлеровского нацизма, который, растекаясь бурным пятном по Европе, сам пытался себя представить в виде «освободителя» от «еврейского капитализма», «большевизма» и прочая.

Позже, когда я сам стал преподавателем, уже целенаправленно ходил на лекции старших. Так случилось, что один год Марку Абрамовичу довелось читать тот же курс, что недолго читал и я: историю философии (домарксистский период). Не буду приукрашивать: студентами, пожалуй, воспринималось не все – слишком уж непросто был этот курс. Но во мне до сих пор живет ощущение удивительной силы того, что говорилось о стоиках. К сожалению, сейчас трудно найти свои записи этих лекций. Но ощущение живо. Позже мне довелось слушать об этом же в стенах МГУ лекции ведущих профессоров Союза, но, рассказываемое именно Марком Абрамовичем, было не сравнимо ни с чем. В его лекциях прорастал опыт именно его нелегкой жизни, которая в иные годы сама требовала беззаветного стоицизма. Дело в том, что Мейлахс прошел через Гулаг, который для него стал и школой жизни в самом широком смысле этого слова, и школой стойкости, и человечности. Руки мягчайшего интеллигента так закалились (насколько я помню, на лесоповале), что и в морозы он мог ходить без перчаток. Мы нередко, уже после моего окончания вуза, беседовали с Марком Абрамовичем, то прохаживаясь по



улицам Кустаная, то у него дома: в скромной двухкомнатной квартирке, настолько заполненной книгами, что оказалась уместной небольшая библиотечная лесенка, позволявшая добираться до тех, что были под самым потолком. Но о лагерях упоминалось вскользь и изредка.

Так, однажды Марк Абрамович, который, несмотря на то, что уже будучи очень не молодым и сменившим место жительства с Кустаная на Ленинград (ближе к детям), прожил (если я не ошибаюсь) почти 94 года, обронил, что те, кто доносил и сам боялся доносов, давным- давно уже ушли из жизни. В другой раз, глядя на меня, заметил: «Вам, Юра, было бы легче выжить там...» Почему? – Ведь я не блистал мощью. Вот именно, поэтому. Мелким и худощавым могла найтись работа физически менее изнурительная, чем более рослым и могучим с виду. Позже, уже Варлам Шаламов в своих «Колымских рассказах» неожиданно добавил к услышанному: богатыри вымирали в первую очередь еще и потому, что лагерной пайки для них было недостаточно. Запомнился и любопытный рассказ о беседах с одним из «сидельцев», прошедшим еще царские тюрьмы. Тот поведал молодому тогда еще Мейлахсу, что как-то, слушая жаркие споры политзаключенных, начальник царской тюрьмы заметил: «Господа! Да что же будет, если вы победите? Вы же друг друга перебьете!»

Так что лагерь оказался одновременно и местом нелегких испытаний, и такой вот школой. Испытания же эти лагерем не ограничивались. Написавший, как говорили, две диссертации, Марк Абрамович в силу обстоятельств так и не защитил ни одной, хотя, по своей сути, это был настоящий ученый-просветитель. Знавший о жизни так много, он не озлобился, а наоборот, словно излучал свет при всей критичности и трезвости своего ума. Уже уйдя из вуза, Марк Абрамович читал лекции «по линии» организаций того времени. Прежде всего, по этике, этике руководителей. И спустя годы после таких встреч внимательные слушатели вспоминали, как Марк Абрамович зачитывал те или иные тексты (на лекциях он использовал не конспекты, а маленькие библиотечные карточки с записями, которые легко



можно было тасовать, придавая каждой новой лекции свою свежесть). Особенно эффектным и интригующим был текст, в котором бранилась «современная молодежь». Жесткий, написанный с болью. И когда слушатели раздумчиво и согласно начинали кивать головами: мол, да, многое здесь метко подмечено, оказывалось, что текст этот был написан ... еще в Древнем Египте. Поистине перед человечеством немало «вечных проблем»!

Как-то сам собой запомнился и мимолетный разговор в летнем молодежном лагере «Романтик», куда Марк Абрамович, насколько помню, приехал, как лектор, не забывавший о своем призвании и на пенсии, а я, как сказали бы сейчас, просто «потусоваться». Работа в лагере была организована четко. Жизнь «била ключом». А Марк Абрамович обронил: «Когда же они бывают наедине собой?» Слова, может быть, звучали и несколько иначе, но суть запала мне в память. В молодости (да и только ли?) так естественно стремиться к людям. Еще на первом курсе наши девчонки хранили в блокнотиках строчки: «Не создан человек для одиночества. С дремучими инстинктами в крови он может жить без имени и отчества. Но никогда без ласки и любви». Все здесь - правда. Но, оказывается правда, и то, что человеку точно так же необходимы, необходимы, как сон, как отдых, минуты и часы, когда он остается наедине с самим собой. И, наверное, не случайно то, что пророк Мухаммед в детстве был пастушонком, остававшимся один на один с небом, а Пушкин был бы неполон, как творец, без Болдинской осени... Зерна этих размышлений, посеянных во мне Марком Абрамовичем, дали свои всходы лишь через годы. Но как много они значат для того, кто соприкасается с историей культуры и религии!

Бывало, что Марк Абрамович открывал что-то новое и в, казалось бы, достаточно известном. Так, кто не слышал в те годы о Евгении Евтушенко? – И, развевавшаяся за его плечами слава поэта и песенника, скандалы, и просто оттепельная новизна тем и строк превратили его в знаменитость. Но не образец. Помнится, как к нам, студентам-первокурсникам, из обкома пришел звучный оратор,



который эффектно отчеканил: «Слава Еvtушенко выше его таланта, а талант – выше его личности». И вот в это самое время мне довелось задиристо спорить с Марком Абрамовичем о стихах Еvtушенко, о его «Балладе о ласточке». Марк Абрамович пытался подтолкнуть меня к строкам, в которых он видел красоту и силу: «восток синел, алел и верещал», «так лишь о детях, больше ни о ком»... а я настаивал на том, что стихи фальшивы. Надо же! Девушка отказала во внимании крановщику Сысоеву. Когда же тот спас ласточкино гнездо, «она уже не ежилась под ситчиком», хотя ласточку «спас он просто так».

Сегодня я уже не столь воинственно настроен в отношении этих стихов, чувствую (или, может, так кажется?) легкую иронию, спасающую от чрезмерной прямолинейности и назидательности. А спор тот помнится. И не только он. Именно Марк Абрамович открыл для меня потрясающий для тех лет «Монолог голубого песка»:

Я голубой на звероферме серой.  
Но цветом обреченный на убой...  
Не утешаюсь тем, что голубой.

Кто в рабстве зачат,  
Тот по рабству плачет...

В те годы, когда слово «голубой» еще не имело современного подтекста, стихи во всей их целостности звучали с поразительной мощностью, будоражили мысль, подымали ее на дыбы.

Но при всем этом Марк Абрамович не звал, что говоритьсь «лезть на рожон». Он не раз употреблял выражение «Бросить кость собаке», то есть пойти на выполнение каких-то формальных требований, подсыпать в статью или выступление приличествующих случаю цитат, чтобы тем самым сохранить собственную живую мысль и т.п. Он органически не принимал чиновное хамство, грубость, надменность и зло как таковое, но всей своей жизнью прочувствовал, что борьба за добро совсем не обязательно требует открытого вызова, эпатажа либо готовности броситься с шашкой на пулемет. Поэтому-то умел сам и



учил нас видеть то, что за привычной формой, то, что за стандартом, и своим собственным примером учил не быть высокомерным к той «уступчивости», которая именно благодаря своей мягкости позволяла дышать, творить и двигаться вперед даже там, где это было очень непросто...

Написанного здесь ничтожно мало для полновесной статьи. Но, даст Бог, упомянутое будет кирпичиком в стене памяти достойных людей. Остается только добавить, что один из сыновей Марка Абрамовича – известный российский писатель Александра Мелихов; и он по праву может гордиться своим отцом, обогатив и нас, казахстанцев тем, что знает и о чем бы хотел сказать сам и, может быть, уточнив то, что дано здесь неполно или неточно.

#### Литература.

1. Терновой И.К., Баймырзаев К.М., Ибатулин А.Ш. История Костанайского государственного института. Костанай, 2009.



## Кто мы?

### О ПОЭЗИИ ДОСОВА А.С.

Эта статья – не юбилейная заздравица и не панегирик. Но и не то, что принято называть «критическим анализом». Я лично не против такого анализа. Более того, убежден, что он совершенно необходим, как школа мысли, школа вкуса, школа творчества. Однако одно дело, когда ношу такого, пусть и не беспристрастного анализа взваливают на себя мэтры либо товарищи в живой беседе за дружеским столом, и совсем другое, когда за это берутся культурологи, порой даже профессиональные критики и (не дай Бог!) люди с чинами. Тут всякий раз тенью начинает нависать ощущение того, что критик знает, чувствует и понимает глубже, тоньше и эпохальнее, чем автор, распластанный под скальпе-





лем критической мысли. К тому же разностороннего анализа не допускает и скромный объем этой статьи. Так о чем же тогда речь? - О совместном проникновении в мир поэтических образов и строк, когда, перелистывая страницы, так и хочется воскликнуть: «Посмотрите, что я нашел!» И в самом деле, вслушайтесь только, всмотритесь в образную ткань, казалось бы, так традиционно сложенных строк: «... я память ночи, словно скульптор мну» или:

Кричи тревога, бей в колокола,  
плачу за то, что долго был беспечен.  
Сгорает день в костре золы дотла  
И в ночь раздумий опускает вечер.  
Разбит шатер и звездная вуаль  
струится на плечах цыганки-ночи,  
И Млечный Путь, как вечности асфальт,  
в колдобинах раздумий-многоточий (1, сс. 121, 135)

А вот еще находка – целая россыпь ненавязчивых, в чем-то традиционных, но входящих в тебя, словно запах леса, строк:

Храм земной любви построив  
На фундаменте из боли,  
Ночь раздумьями покрыла  
Тихо дремлющее поле.  
Из страны глухонемой  
Я попал в страну слепую...

И тут же «бархат черной ночи», взрезанный «острым лезвием рассвета».

Или - совсем неожиданное, где раздумья о собственной жизни и живописный образ слиты в единое целое:

К людям шел, а вышел к одиночеству.  
Чутко спит, качаясь, поплавок.  
Месяц в воду, как ребенок мочится,  
серебро рассыпав между ног... (2, с.46)

Ты – читатель, словно на лесной тропинке, и находок столько, что поначалу даже теряешься: как назвать ту статью-корзиночку, которую ты хотел бы донести другим, чтобы поделиться радостью своих микро-открытий. Может быть: «**Как хочется порою просто жить**», «отринув прочь



все догмы, постулаты», когда видишь, как «лохматый шмель над клумбою кружит, природы вольной флагман полосатый»? (1, с.112)

Но... всплывают строки: «Мы – дети Солнца в царстве черной тьмы, бредем порой куда не знаем сами...» (1, с.113). «Мы – дети Солнца...» Прикасаешься к строке, и сразу вспоминается «Мы дети Галактики. Но самое главное – мы дети твои, дорогая Земля» и куда более позднее, постперестроечное, выдохнутое А.Вознесенским: «Мы итоги распада. Наши боги распяты».

Перед нами три блика, три отсвета одной вековечной проблемы: «Кто мы?». Есть и множество иных бликов и сполохов. Но именно эти три, всплывшие в памяти сами собой, удивительно рельефно высвечивают грани этой заковыристой, как загадка Сфинкса, проблемы нашего общего человеческого бытия. Стихи Вознесенского потрясающе социальны той не сиюминутной социальностью, в которой разорванная «нить времен» сплетается с надвременностью.

«Дети Галактики» - пронизанный светом и устремленностью в космос гимн человеческому духу и разуму начала той эры, что была с искренней горделивостью и надеждой названа космической. Эры, когда рождались песни: «Утверждают космонавты и мечтатели: и на Марсе будут яблони цвести!», песни, которые, словно эстафетную палочку, несли в будущее энергетику масштабных строек минувших десятилетий, громогласно возвещавших: «Я знаю: город будет. Я знаю: саду цвести, когда такие люди в стране советской есть».

В детях же Солнца, «в царстве черной тьмы», перед нами совершенно иная, вселенская грань проблемы. Причем грань, представленная очень просто и при этом зримо; и сколько бы раз на протяжении веков и тысячелетий человечество не прикасалось к граням этой проблемы, она будет вставать перед ним, как вечно новая и вечно насущная. И пусть вопросы выше наших сил – это вопросы Вселенной к Человеку, вопросы, от которых не уйти: «Задавать Всевышний хочет нам вопросы без ответов...» (1, 114)



Эти же мысли, неминуемые для каждого, кто сохранил детскую раздумчивость, мысли о нас и Вселенной, сами собой без науги и искусственности сплетаются с размышлениями о том, а кто же такой я сам? И опять-таки, вероятно, миллиардный раз встает вопрос:

Если взвесить меня в моем собственном «я»  
с обнаженностью чувств на пределе  
от начал моего на земле бытия –  
как же все уместается в теле? (2, с.21)

И в самом деле, поэт, как и любой из нас, людей, не только тело, но и помыслы, устремления, переливы чувств. Видимо поэтому и рождаются строки, которые так и хочется привести здесь с максимально возможной полнотой:

За мыслями я вслед опять стремлюсь...  
я – каторжник, закованный за грусть  
и кандалы отлиты из печали.  
Бреду один, котомка на плечах.  
И дни мои, как конвоиры строги...

Но оригинальны ли такого рода строки? – Не берусь судить в масштабах всей поэзии, лишь хочется в ответ спросить: а оригинальны ли зеленые листочки, которые мириадами пробиваются из весенних почек? И, может быть, поэтические, да и иные, строки так влекут нас потому, что в них и блики нас самих, и тех, кто веками жил до нас, нечто постоянно-изменчивое, но уловленное поэтом и перелитое им в слова? И не будь этой повторяемости болей, кружева чувств, раздумий были ли бы мы вообще способны понимать друг друга?

Однако поэт – не просто аккумулятор личных, хотя и созвучных миллионам чувств, но и своего рода окно в мир, синтез внутреннего и внешнего, становящегося в груди автора поэтических строк частью его собственного внутреннего, но уже не сугубо индивидуального мира. Потому-то вслед за цитируемыми строками мы слышим:

Я научился слушать тишину,  
глаза прикрыв, в себя вбирая звуки.  
Вот чей-то плач, мольба простить вину  
вплетается в протяжный вздох разлуки.



Вот тайный шепот перешел на крик,  
суровый окрик в коридорах власти.  
А вот бормочет нежности родник  
и опускает миг в бездонность страсти...  
Забит мой череп, в камере тесно,  
пока мы живы – память наша с нами,  
и через душу в мир земной окно  
я прорубаю этими стихами.

Стихами, эпиграфом к которым стали строки нашего же местного поэта Ивана Данилова «Череп мой – это камера пыток, узники мысли мои...» ((1, с.131) Заметьте, Досов не боится показать читателю истоки своих собственных размышлений. Да так оно и должно быть, так и бывает многократно – ведь творцы поэтических строк, как и все живое – ворсинки и нити выходящего из бездны тысячелетий полотна жизни, полотна, которое нашу индивидуальную память расширяет до границ памяти народной и общечеловеческой.

Так стоит ли удивляться, что эта память способна сохранить кадры, оставленные детством, но обретающие глубинный, недетский, полный символизма смысл при всей своей внешней обыденности и простоте?

... мы строим новый дом,  
Я на коне топчу солому с глиной...  
хрустят войной надорванные спины...  
Рос дом, как в сказке, прямо на глазах...  
трудились дружно русский и казах,  
седой Петро с далекой Украины... (1, с.118)

Но... наступает время, когда единый «отчий дом» оказывается разделенным и рождаются строки, безыскусные, но напоенные болью тысяч и тысяч еще недавних соотечественников, так и названные «Граница»:

Не диссидент, не тать, не вор,  
чтоб подаваться за «бугор».  
Осталось все за рубежом:  
мои родные, отчий дом  
и дорогие мне могилы  
стеной граница разделила,



прошла она через меня...  
что ни затрону – все болит,  
хоть с виду цел, но инвалид...  
Я стал сочувствовать Христу –  
Распят на карте на версту. (2, с.9)

Нет, эти строки вовсе не отмечают любви к Казахстану, где уже более 30 лет живет, рожденный в России поэт. Вслушайтесь только каким безпафосным, но таким теплым чувством дышат слова:

... раскрыв молитвенно ладони,  
мазар минуя на бугре,  
возница аруахов вспомнит...  
и дым кизячный из аула  
вдруг за версту обдаст теплом.  
Увидишь – бабушка проснулась,  
колдует вновь над казаном. (1, с.113)

Здесь нет ни полслова о любви к Родине, к своему народу. Да они, эти специальные слова и не нужны, ведь любовь эта разлита в звуках, в самом воздухе стиха, очарованного краем, где «вьюги мчатся по степи на тройках». Но эта зачарованность неотделима от грусти:

Пишу, и тихо защемила грусть –  
я Степь пою, а сын – ржаную Русь. (1, с.117)

Такая раздвоенность – от самой жизни. А.С.Досов рожден в Челябинской области, в 1946 г. Среднюю же школу закончил в Ленинграде. Три года прослужил в Советской армии, в железнодорожных войсках. 15 лет проработал на Крайнем Севере. Так что, вспоминая свою «внешнюю» биографию, Досов вполне мог бы сказать, что он из тех, «чей адрес – не дом и не улица», а «Советский Союз». Что, впрочем, отнюдь не помешало ему остаться казахом. И не только остаться, но и реально, без словесной трескотни внести посильную лепту в дело превращения культуры своего народа из «культуры в себе», в «культуру для мира». Изданная тысячным тиражом книга «Гортанные мелодии степи» (Костанай, 2004) представляет собой переводы произведений казахских авторов на русский язык. (3, сс.20 – 21). И это – лишь одна из целого ряда книг, изданных в



самых разных городах. В числе последних выпущенная в 2011 г. книга А.Шаяхмета «Гуси-лебеди», большая часть переводов в которой принадлежит А.Досову.

Здесь можно было бы добавить, что А.С.Досов – «лауреат литературной премии меценатов и многих литературных конкурсов нашей страны, дипломант московского международного конкурса детско-юношеской литературы им. А.Толстого». (3, с.21). На московский конкурс, по словам самого Абдурахмана Сергалиевича, было представлено 980 работ из различных стран мира. Из казахстанцев особо отмечены были двое, и одним из отмеченных стал костанаец Досов. Обо всех этих достижениях не случайно упомянуто вскользь и в конце статьи. Представляется, что, когда речь заходит о творчестве, главное заметить и высветить живое слово того, с чьим миром мы соприкасаемся, тогда как награды, звания, хотя и значимы, но все же вторичны. Сколько еще в недавней (да и давней) истории осталось тех, кто был осыпан и званиями, и наградами, но чьи творения можно было бы вспомнить лишь как грустные штрихи к портрету той или иной эпохи?

И тут мы, опять-таки, неожиданно, ведь, как обронил еще В.Маяковский, поэзия – вся «езда в незнаемое», соприкасаемся с еще одним поворотом – с темой многоголосости уже не казахской, а русской литературы, которую, когда речь идет именно о литературе, как-то язык не поворачивается приниженно назвать русскоязычной:

«... поляки, немцы, как всегда, евреи,  
в своей душе носили русский слог  
и на лугах одной большой Расеи  
поэзии растили вешний стог.  
Не оттого ли так она пахуча,  
Глаза закрыв, вдыхай в себя дурман!»

И в самом деле, чем больше культура, литература, поэзия, язык вбирают в себя из безбрежного мира людей, тем богаче они и тем сочнее их национальный колорит. И, кто знает, может быть, и те или иные строки нашего земляка станут капельками, влившимися в океан русской поэзии, возвысив тем самым и поэзию казахскую.



Но сами стихи поэта об этническом многоголосье русской поэзии заканчиваются не бравурно, а грустно:

«Поэзия – судьбы счастливый случай  
был ... дан оправиться от ран.  
«Служить бы рад, прислуживаться тошно» -  
один девиз приверженцев пера,  
и в бурном море славы суматошной  
горьки и одиноки вечера». (2, сс.4-5)

Горечь эта отчасти и оттого, что старая истина «талантам надо помогать, бездарности пробьются сами» слишком уж часто стала забываться в наше непростое время. Сколько у нас различных центров, чиновников, конгрессов и прочего, и прочего! А и Досов, и известная своими успехами за пределами Казахстана наша землячка Сулова, стали известны за пределами Костаная прежде всего благодаря своей личной инициативе, а не поддержке тех, кто, казалось бы, кровно заинтересован в развитии культуры и «пропаганде» (простите за это официозное слово) достижений собственных народов. Здесь остается добавить только маленький штрих А.С.Досов из-за нехватки средств так и не смог выехать в Москву для того, чтобы там лично получить награду.

Но поддержка – поддержкой, награды – наградами, а стихи – стихами. Да, как всегда и всюду, не все из них совершенны. Что-то – звучит как отзвуки былых десятилетий (и могут ли искусство, как таковое, поэзия, как таковая, рождаться и крепнуть без этой переключки образов и созвучий?) ... Что-то может быть спорным, а что-то - просто незамеченным теми, кто нас окружает. Но, сквозь книжные страницы проступают Досовские «Фуги Баха»:

«Звучал орган...  
Душа парила,  
тело невесомо...

Звучал орган,  
утратив чувство страха,  
я заглянул за вечности порог –  
к торжественно плывущим звукам Баха  
задумчиво прислушивался Бог». (1, с.129)



Вдыхаешь это – и забываешь: что первозданно, а что навеяно, что будет взлелеяно людскою славой, а что, словно полевые цветы, останется на периферии истории культуры. Если в Звуке и Слове есть хотя бы капли Поэзии и Правды, то раньше или позже всегда появиться Тот, кто к нему задумчиво прислушается.

#### Литература.

1. Досов А. Гортанные мелодии степи. (Поэзия, проза, драматургия, переводы с казахского). – Костанай, 2004..
2. Досов А. Метроном Стихи последних лет. – С. Октябрьское, 2002.
3. Досов А. «Алтын дала тарих айнасында». – Костанай, 2011.

*(Интеллект..., 2012, №1, сс.86 – 89. Опубликовано также в журнале «Нива, 2012, №5, сс.123 – 128 под названием «Кто мы?»).*



### **«Я – актриса второго плана...»**

#### **ТВОРЧЕСТВО А.СУСЛОВОЙ И ВОЗМОЖНОСТИ ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Преподавание общественных дисциплин и, в частности, философии, социологии, культурологии, не говоря уже об истории, которая по своей воспитательной сути тоже очень близка к упомянутым дисциплинам, всегда обогащается при использовании того, что на несколько казенном языке называется «местным материалом». В костанайской области и самом Костане мы встречаем немало образцов подлинно творческой жизни, которые, даже при самом придирчивом отношении, никак не назовешь провинциальными. Один из самых живых примеров таких образцов дает нам творчество Александры Ильиничны Суслевой, особенно интерес-





ное, как для вузовского, так и для школьного педагога тем, что Сулова – сама педагог, а ее стихи и проза без какой бы то ни было «обмундиренной» дидактики пронизаны ее профессией, как сосновый лес ароматом хвои: ненавязчиво, но почти осязаемо. Слова же, вынесенные в заголовок статьи, взяты из ее стихотворения и по своему очень точно передают суть деятельности педагога, чья жизнь оказалась слитой с жизнью школы и колледжа. Имена таких тружеников не столь часто звучат, как имена их более титулованных вузовских коллег. И в этом смысле они похожи на актеров второго плана. Но именно без них, без их сердец, знаний, жизненной энергии не может быть полноценным образование ни в одной из стран нашей планеты.

Преломленная в художественном творчестве судьба Суловой для нас, казахстанцев, интересна и тем, что она – пример скрещения путей и судеб ныне отдельных, независимых государств – России и Казахстана. Александра родилась в далеком от казахстанских степей городе Волхове, в Ленинградской области, в 1952 году. Когда она была еще трехлетней крохой, а ее младшему брату было и того меньше – всего полтора годика, в 1955 году, отец ее вместе с семьей приехал на целину. В памяти Александры на все последующие долгие годы осталась эта жизнь в степи, в палатке со всеми атрибутами быта новоселов: печкой-буржуйкой, названной так, видно, из-за своей «пузатой» округлости, раскладушками, не снимаемыми из-за холода шубками и заменявшим обычную дверь, покрытым мерзлым снегом пологом из двойных одеял. За этим же пологом какие-то «дядьки снегом умывались». Дядьками этими были солдаты тоже оказавшиеся тогда на Целине. И вот такая, палаточная жизнь, продолжалась до глубокой зимы – до седьмого декабря.

Но район, который ныне называется Мендыгаринским, а вместе с ним и Каменец-Уральский поселок, в котором прошли школьные годы Александры, росли и поднимались. Сулова, тогда еще Самохвалова в 1970 г. закончила сельскую школу. С золотой медалью. Прошли годы и годы, а она с совершенно искренней, лишенной всякого официоза



теплотой вспоминает своих подвижников учителей: «Если б не они, навряд ли я бы стала педагогом ... О каждом из них можно роман писать...» Слушаешь таких, как она, и грустно становится, когда сопоставляешь эти воспоминания с ерничаньем иных московских «именитостей», которые соревнуются в язвительности и высокомерной ироничности при упоминании той, «совковой» школы. Конечно же, та школа была разной. Но сколько же при всех проблемах, болях, ошибках было и света, и тепла, если оно до сих пор согревает многих из нас!

Это тепло и определило выбор жизненного пути Александры. Таким выбором стал истфак тогда еще Кустанайского педа, или, выражаясь иначе, историко-педагогический факультет педагогического института. В те годы учеба в педвузе была неотделима от различных форм педпрактики; и Сулова 17 сезонов провела в пионерских лагерях, в том числе среди лучших, несколько месяцев – в лагере мечты советских детей Артеке. Окончив учебу некоторое время проработала в кустанайском горкоме ВЛКСМ. Но такая работа оказалась не по душе, поэтому на 10 лет ушла в 17-ю городскую школу, после чего 22 года, основную часть своей педагогической деятельности отдала Костанайскому педагогическому колледжу, где преподавала целый ряд дисциплин и среди них – полюбившуюся философию. И не просто преподавала, а увлекала. В конце двадцатого века ее студентки выпустили «самиздатовский» (что здесь отнюдь не значит «диссидентский») сборник стихов, интересный и поучительный своей непосредственностью и наглядными примерами того, что может студент, не усыпленный академизмом. Эта, в буквальном смысле бурная деятельность получила достойную оценку не только у студентов. Сулова – отличник образования РК, почетный член Академии педагогических наук РК, победитель областного конкурса «Урок 21-го века». При этом она автор свыше пятидесяти научных и научно-методических статей, изданных в казахстанских и российских журналах.

Показательно, что при колоссальной педагогической загруженности Сулова сумела себя проявить и как профес-



сиональный литератор. На сегодняшний день она из тех костанайцев, которые известны не только за пределами области, но и Казахстана и даже СНГ.

Она активно участвует в разнообразных литературно-поэтических конкурсах. В 2009 г. в Интернет – конкурсе русскоязычных авторов, организованном в Дюссельдорфе представителями издания с ироничным названием «Зарубежные задворки», где только стихотворцев было более ста, Сулова, как автор детских стихов, получила памятный диплом за третье место.

На протяжении двух лет участвовала в керченском конкурсе песенного творчества «Зов Нимфея». В 2010 г. по итогам годового конкурса был подготовлен альманах, куда вошло 17 песен Александры. В 2010 и в 2011 г. были и приглашения на фестиваль, призванный увенчать конкурс. В последнем приглашении было сказано, что поэтесса из Костаная стала лауреатом и дипломатом конкурса в 8 номинациях. В тексте официального письма звучали слова: приглашаем Вас, «как неоднократного победителя в различных номинациях литературного конкурса песенной поэзии, претендента на премию «Несущая Свет», претендента на приз «Лучший автор» в шести номинациях. В конце того же, 2011 года, Сулова в числе номинантов конкурса, посвященного 190-летию Н.А.Некрасова, была приглашена в Москву. В ноябре 2013 года Сулова участвовала в международном фестивале иронической поэзии в городе Кетово Нижегородской области. Фестивале, о котором привезла домой удивительно теплые, лучащиеся светом воспоминания.

Свои произведения Сулова публиковала в Красноярске, Москве, республиканских изданиях, и, конечно же, в Костанаяе. Одно только перечисление газет, журналов, альманахов и коллективных сборников, в которых публиковались произведения Александры Ильиничны, могло бы занять более страницы. Однако и это далеко не все. В 2003 г. вышла ее первая книга стихов «Прикосновение», а в 2009-м. – вторая, включающая и стихи, и прозу: «Рябиновый привкус». В 2012 г. увидела свет ее первая книга детских стихов «Давай дружить!» с замечательными, красоч-



ными иллюстрациями молодой костанайской художницы Нины Коровиной. Готовится к печати и вторая книга для детей: «Солнце на ресничках». Параллельно с ней Александра Ильинична готовит к изданию и «взрослую» книгу «Мелодии дождя».

Очень значимо и то, что Сулова никогда не ограничивала себя ни строго учебной аудиторией, ни письменным столом. Она из тех, кто всегда тянется к людям, постоянно где-то выступает (причем блестяще), часто в разъездах по области. И везде ее ждут с замиранием сердца и благодарностью слушатели самого разного возраста. Может быть, именно потому ее деятельность столь объемна, что одна из составляющих этой деятельности прорастает сквозь другую. И наоборот. Александра - Поэт в педагогике и Учитель в поэзии, причем учитель в самом высоком смысле этого слова – не ментор, а Ведущий По Жизни, заряжающий собственной энергией, демонстрирующий всем своим естеством завораживающий созидательный потенциал Человека.

Но что же несет своим творчеством Александра Ильинична? – Ответить объемно на этот вопрос в краткой статье просто невозможно – настолько она полифонична: здесь и стихи о нашем крае, о России и Казахстане, и стихи о педагогике, о философии и философах, и лирика, и задиристо-ироничные строки. Однако, поскольку перед нами стоит конкретная задача: высветить именно то, что может быть непосредственно использовано в работе преподавателя-обществоведа, остановимся здесь, хотя и вкратце, именно на тех моментах, которые непосредственно вплетаются в эту работу, оживляя занятия, которые без художественного слова оказываются куда менее плодотворными.

Наш краткий разговор о ее творчестве хотелось бы начать с, казалось бы, самого избитого – с любви к своему краю, стране и даже странам, связующей нитью которых стала в поэзии Суловой ее собственная судьба:

Я – казахстанка, русская, во мне  
Судьба давно в коктейль перемешала  
Трель соловьев на курской стороне,  
Где сталось моего отца начало,



И запах свежевымытых полов  
В деревне под Воронежем, у мамы...

И перестук усердных топоров  
На целине, в родившемся совхозе,  
И Костанай с капризами ветров...

Мою к байге неукротимой страсть,  
Азарт неугомонного кокпара,  
И христианских заповедей власть,  
И скромное величие мазара.

И песни, что в одном венке сплелись. (1, с.28)

И слово **песни** здесь не случайно: так песенны, так ненатурно, так естественно мелодичны многие строки стихов о нашей земле, о Костанайе. Вслушайтесь только в такие безыскусные и простые, как само дыхание, строки:

На ладони степи, весь дождями умыт  
И просушен ветрами, и солнцем прошит,  
Запорошен метелью своих тополей  
Костанай, город юности светлой моей...

Слышу музыку в гулком шуршании шин,  
Чертыханье водителей автомашин,  
Тормозящих по кромкам хронических ям.  
Город мой, ты, наверно, немного упрям....

Ты в любви мне, пожалуйста, не изменяй,  
Мой доверчивый город, родной Кустанай.

Придирчивый критик мог бы, наверно, заметить здесь и подобие штампов, вроде «города юности светлой моей», и что-то иное, что достойно критического «пера». И по своему, это могло бы быть справедливым. Но вот ведь удивительная вещь! Стихи, особенно стихи песенного звучания напоминают девушек. Одна будет эталонно красива, другая продуманно неординарна, а третья – и без изысков



косметики, и с чертами лица. которые кажутся самыми обыкновенными, но именно она, эта третья будет притягивать своим обаянием, своим внутренним светом. Таковы и песенные стихи Сусловой – вроде бы донельзя простые, не претенциозные, но органичные в своей естественной внутренней озаренности и потому притягивающие губы, так как может притягивать колодезная вода тех, кто подустал от пелси и прочих распиаренных напитков.

Но представляется, что существенно не только это. В наше время постмодернистских игрищ в литературе и искусстве, когда пляска на «традиционно совковых ценностях», словно на костях поверженного врага, становится среди какой-то части интеллигенции чуть ли не правилом хорошего тона, Сулова, по сути, реабилитирует патриотизм. Не буффонадный либо кумысно-квасной, а наполненный живым человеческим чувством. Читаешь ее патриотические строки и думаешь: конечно же, у нас тьма проблем, но почему же мы, как и в советское, и в далекие досоветские времена не вправе привязываться к земле, на которой живем долгие и долгие годы? Ведь и это чувство привязанности, если оно искренне, может столь же трогать душу, как и жажда полета, «охота к перемене мест», либо боль за то, что на твоей земле что-то не так.

Да и только ли к земле? – Ведь патриотизм по самой своей сути неотделим от чувства сопричастности с историей собственной Родины, которая, какой бы она ни была, всегда остается и историей отцов. Историей, которая прорастает в настоящем, всаивая его и своей болью, и своими триумфами, подчас, головокружительными, а то и леденящими сердца поворотами, когда личное и надличностное сливаются в Единое. Как в незатейливом внешне, но цепляющим, задевающим за живое коротеньком стихотворении:

Ищу в военной хронике отца  
И безуспешно вглядываюсь в лица  
И в серых кадрах старого кино,  
Мне кажется, отец идет в атаку...  
Над полем облаков багровых тень.  
Бегут фашисты. Получайте, нате!



Молю я: «Пуля-дура, не задень  
Солдатику, похожего на батю!»  
(Цитируется по рукописи)

При этом в своей поэзии Александра всегда остается женщиной – и деловой, и волевой, и заботливой, не всегда показательно смелой, но любящей. Поэтому-то...

Мир беспокойный и безбрежный,  
Своей любовью согревая,  
Меняет женщина и нежная,  
и хрупкая, и деловая. (1, с.15)

Характерно, что как бы ни закручивала ее лирическую героиню жизненная круговерть, в самой этой круговерти никогда не исчезает некий стержень, позволяющий устоять на ногах, как бы не неистовствовали жизненные бури. И стержень этот – творчество:

Я не приемлю одиночества,  
Но тороплюсь в уединение,  
Как в храм нескромного пророчества,  
Как в сад безумного сомнения.

И упоительное творчество  
На хрупких крыльях вдохновения  
Есть превращенье одиночества  
В счастливый час уединения. (1, с.11)

Уединение же для поэтессы, в свою очередь, оказывается трамплином, взлетной полосой для полета к людям. Ведь учитель без людей, без учеников – все равно, что заколоченное окно, не пропускающее свет – иными словами нечто, противоречащее самой своей сути. Учитель же с учениками – тот, в чьем существе свое и не-свое слито воедино, как поток света; и это Единое затягивает, определяет пульс бытия:

Мелькает дней круговорот,  
Живу, звонками отмечая,  
Своих годов не замечая,  
Очередной учебный год. (1, с.43)

Как все просто! Тысячи и тысячи учителей могли бы сказать или повторить эти слова. Но это - бесценная



простота, простота самой жизни. Однако к ней все отнюдь не сводится. Вдруг, словно зарница, вспыхивают слова в стихах, посвященных вроде бы банальнейшей вещи – уроку:

«И в многоцветной тишине  
Живут цветаевские строки,  
И разрушаются во мне  
Незарожденные пороки. (1, с.44)

И просто, и многослойно, и свежо, нестандартно. Это – уже философские стихи. Таких немало. И среди них – миниатюры, скромно названные даже не стихами, а лишь зарифмованными «Портретами к урокам». Наверное, и тут о чем-то можно спорить, что-то увидеть иначе. Но нам, педагогам, эти портреты философов представляются не просто творческой удачей, а зримым примером того, как можно витающую в облаках философию приблизить к учащимся, студентам, сделать ее живой, почти осязаемой, и при этом сохранять информативность, соответствие тому, что нам известно о мыслителях далекого прошлого. Да и только ли о прошлом эти строки? Вот, например, как завершаются стихи о Будде:

И ведет за собою три тысячи лет  
Миллионы людей, что похоже на чудо,  
Чтоб оставить могли человеческий след  
И в себе отыскать Просветленного – Будду. (!, с.104)

А вот по горстке строк о других колоссах мысли. Сначала Платон:

Бьет памяти в глаза слепящий свет,  
Платон велик, попробуйте – измерьте!  
Он в жизни спорил восемьдесят лет  
И более двух тысяч – после смерти.

Не остался лишь в туманном прошлом и философский антипод Платона – Демокрит:

И жив в умах наивный абдерит,  
Поверивший в разумность человека,  
Из прошлого он с нами говорит  
О будущем начавшегося века. (1., с.113)





Уже эти строки демонстрируют блики удивительного таланта, таланта, дарованного далеко не каждому профессору и академику - превращать философию из «вещи в себе» в «вещь для нас». Образно говоря, Сулова – замечательный образец того типа педагогов, который, говоря словами великого русского историка В.О.Ключевского, любит и то, что преподает, и тех, кому преподает, что и позволяет стать профессионалом в подлинном смысле слова. Стихи же и проза Александры Ильиничны, давая немало пищи и для эмоций, и для размышлений, несомненно, способны стать действенным подспорьем в работе преподавателя социально-гуманитарных дисциплин и занять на библиотечных полках достойное место не только среди собственно художественных книг, но и рядом с методическими изданиями, ибо они демонстрируют методику в действии, что очень значимо для любого преподавателя, преданного своему делу.

Александра Ильинична, как, наверное, и любой другой истинный представитель этой профессии, остается учителем и в своих увлечениях, казалось бы (но это только на первый взгляд!), напрямую не связанных с собственно работой. Она с наслаждением окунается в мир путешествий, мир иных стран и культур. Среди тех, где ей довелось побывать – западная Германия (Гессен), Эмираты – «сказка на песке», Турция, Израиль и Черногория – место проживания одной из трех ее замечательных дочерей. Правда, сегодня вояжами в «дальнее зарубежье» мало кого удивишь. Были бы деньги – и вы с юных лет можете колесить по миру. Но колесить, и даже запечатлеть, на фото и т.п. – это одно, а вобрать в себя, подметить детали, которые исподволь становятся неотъемлемой частью твоего собственного внутреннего мира и составляющей педагогического труда – совсем иное. Рассказы Александры Ильиничны о поездках в ту или иную страну так сочны, так наполнены живостью восприятия и меткостью наблюдений, что буквально просятся на бумагу. И во всех этих рассказах она остается Учителем, который, словно пчела собирает нектар впечатлений, чтобы потом, превратив его в мед, передать другим. Такова уж природа учителя – вбирать в себя, чтобы отдавать. И таким вот



учителем предстает перед нами и Александра Ильинична, интересная и для собеседника, и для читателя не претензиями на уникальность («я самая обыкновенная женщина», - любит говорить она о себе), а именно концентрацией всего того, что передает само дыхание творческой педагогики в действии. Ведь и стихи, как и любое иное подлинное творчество, всегда учат. И чем менее чувствуется назидание, тем действеннее учение.

Все сказанное наводит на мысль, что перед нами женщина, парящая над всем «земным». Но нет, это совсем не так. Александра Ильинична и мама трех дочерей, и заботливая бабушка. Ей по плечу все, что сопряжено с бытом женщины-хозяйки: и шитье, и вязка, и оклейка квартиры обоями, и, конечно же, засолка всех видов, и пышущие жаром пирожки. Даже первая рубашка для мужа была сшита ее собственными руками. А сколько сил, как и многие-многие женщины, она отдала детям – дочерям, которые уже сами повзрослели. Так случилось, что сегодня все ее дочери – журналистки. Старшая – мать двоих детей, специалист по связям с общественностью, чья работа связана одновременно и с Россией (откуда ее муж), и с Миланом. Вторая – пиар-директор молодежной группы Московского театра оперетты. Младшая – тоже журналист, ныне в декрете, воспитывает собственную маленькую дочурку, с которой так любит гулять и бабушка. Обычный с виду быт. Хотя, впрочем, не такой уж и «обычный», если он не заслоняет бытие. Бытие мысли и чувства. Чувства живой сопричастности с миром, а не только с личным узеньким мирком. Но во всем этом нет ничего недостижимо-богемного. И в самом деле, разве Вы сами, где бы не довелось Вам жить, не смогли бы, пусть по своему, хотя бы попробовать соединить в своей жизни быт и бытие, наполнив творчеством повседневность, которая без него, этого творчества, могла бы показаться такой рутинной и утомительно однообразной?

Литература.

1. Сулова А. Рябиновый привкус. – Костанай, 2009.



## Параллельные миры Николая Кочина

В старинных японских стихах, звучащих на русском языке лаконично и выразительно, есть такие слова:

Презренен раб в селении глухом,  
Далеком от тебя, как своды неба эти,  
Но если женщина небес грустит о нем,  
Я вижу в этом знак, что стоит жить на свете.

Слова эти, как несложно понять, о любви, о той, которая, как и в пронзительном симоновском «Жди меня», умеет «ждать», наделяя думающего о ней незримой духовной силой. Но только ли о любви? – Для меня лично эти строки – своеобразный ключик к сердцу человека и тому, что помогает нам одолевая «виражи» Судьбы. Они – о необходимости мира, параллельного миру нашего в чем-то «успешного», в чем-то – не вполне, но нашего привычного круга бытия. Для одного этим параллельным миром способна стать религия, озаряющая высшим Светом прозаичность обыденности. Для кого-то – спорт, иные страстные увлечения. Думается, что для Николая Кочина такой «женщиной небес» стала Поэзия, причем самая подлинная, с большой буквы. Недаром его, совсем еще молодого, заметил известнейший в те годы поэт Константин Симонов. И не просто заметил. Стихи Кочина прозвучали на Всесоюзном радио.

Это вовсе не значит, что вся остальная жизнь, в далеком от известных культурных центров Костаная, оказалась серой. Отнюдь нет. О ней, как и о жизни многих наших земляков, можно было бы писать книги. Не выпрение. Не штампованные этикетно-оберточные повести о трудовом энтузиазме либо показательной диссидентшине, а живые, сочные, полнокровные, ибо для реальной жизни, жизни, достойной пера писателя, нет ни столиц, ни захолустий, как нет одних лишь вершин и сверкающих во мраке звезд.

И в самом деле. Уроженец села, да не просто села, а села тех лет и тех мест, где еще знали, что такое землянки, не фронтовые, а те, в которых жили семьями, маленький Николай рос в семье, где отец имел лишь два класса



образования, а мать по нашим нынешним меркам считалась бы безграмотной. Но именно в этом селе (Молокановке), в этой семье он вырос парнем, в сердце которого на всю жизнь вошла любовь к технике. Статный и поджарый, как молодой Евтушенко, Кочин уже с четырнадцати лет, еще школьником, окунается в то, что было принято называть «трудовыми буднями». Сельская техника стала его вторым «я», а трактор, комбайн, автомобиль – близкими друзьями. Параллельно же с этим миром, миром живой и податливой стали, миром целинных полей в нем вырастал и иной мир – мир стихов – звонких, задиристых, так что сведущие в слове люди советовали после десятого класса поступать в Литературный институт. Но что такое этот далекий, почти мифический институт для подростка, околдованного окружающим его миром техники? Во всяком случае жизнь сложилась так, что именно техника стала судьбой: сначала техникум механизации и электрификации сельского хозяйства, труд в автобазе со стремительным взлетом от слесаря до начальника колонны. Потом пединститут с отделением общетехнических дисциплин. Школа... и 36 лет, отданных костанайскому автодорожному техникуму, где преподавалась отнюдь не лирика, а машиностроительное черчение и техническая механика с тем самым сопроматом, который заставлял попотеть не одно поколение студентов в самых разных городах и весях огромной страны. Более того - его учебное пособие стало известно всему Казахстану. Размышления же о работе педагога, его проблемах, болях и трудностях – размышления острые и живые не раз звучали на страницах газет. (См., например: «Учитель должен учить...» - Наша Газета, 23 августа 2013 г, с.5)

А стихи? - Стихи продолжали рождаться. Сами собой. Звучные. Крепкие, как рабочие руки. И профессиональные, безо всякого снисхождения. Делющие жизнь еще более объемной, еще более причастной к тому огромному миру, в котором всем нам довелось жить. Но, ох уж этот профессионализм! Ох уж это болезненно тонкое чувство слова! Когда на одной из комсомольских конференций Николай Кочин, говоря о поэзии, обронил с трибуны, что из двух кандида-



тур, предлагавшихся в те годы для соискания престижной премии, более достоин ее не Леонид Мартынов, а Евг. Евтушенко, крупный комсомольский деятель попытался его одернуть. В ответ же прозвучало неожиданно резкое, в духе того, «да что Вы понимаете в литературе». Правда, потом Николай смягчил свою «неполиткорректность», ибо кому неизвестно, что по давней традиции человек в чине у нас понимает во всем, чего только не коснутся его золотые уста. Но трещинка осталась, и лет десять, по словам самого Кочина, он нигде не публиковался, что, впрочем, не мешало ему заниматься своим любимым делом.

Да и стихи не исчезли в никуда. Одно из них – «Ленинская площадь» могло бы стать украшением многих сборников – от раннеоттепелевских додиссидентских. Впрочем, судите сами о строках, рожденных, вызывающей тошноту, парадностью времен «застоя»:

Что может быть раскованней и проще.  
О смутно наболевшем, о своем,  
С утра взойдя на Ленинскую площадь,  
Поговорить негромко с Ильичем.

Но не о наших радужных победах  
И не о третьей Золотой Звезде –  
(Сегодняшнему молодому читателю будет и невдомек,  
насколько колок этот намек (Ю.Б.)

Хочу ему Великому поведать  
О тихо подступающей беде,

Которая отчаянно маячит,  
Когда без всяких видимых причин  
Кричим на всех трибунах об удачах,  
О неудачах скромненько молчим...

Еще живых несем на пьедесталы,  
Былых заслуг приумножая счет.  
И им в подметки не годится Сталин,  
Тем более, волонтарист Хрущев.



Нам осознать пока, дано едва ли,  
Что ждет их, горемычных, впереди.  
Мы всех великих дружно заплевали.  
Остался незаплеванным один...

Уже в грязи по самые колени,  
и воздух посерел от нечистот.  
Но нам твердят, что так задумал Ленин,  
И требуют: вперед, вперед, вперед!

Порядком охамевшая элита  
С восторгом от зари и до зари  
О том, что мы едины, монолитны,  
От имени народа говорит.

Одних бросает вниз, других возносит...

Я опасаясь, скоро имя Ленин  
Утратит свой первоначальный смысл.

Но партии надежные солдаты  
Опять ведем какие-то бои,  
Идем вперед, преодолев преграды.  
А, может, мы давно уже стоим?

Что может быть рискованней и проще:  
О смутно наболевшем, о своем,  
С утра, войдя на Ленинскую площадь,  
Поговорить негромко с Ильичем.

Спросить: Ильич, и как вы не устали  
От лозунгов, от половодья слов?  
Ильич молчит. Цветы на пьедестале.  
Живой Ильич уходит от цветов. (1, сс. 74- 75)

Поразительно! С одной стороны, эти, к сожалению, процитированные в сокращении строки, перекликаются со знаменитым комнатным «Разговором с Лениным» классика



советской поэзии В.Маяковского. С другой же – они нить в ткани совсем иной эпохи и созвучны призывному крику А.Вознесенского: «Уберите Ленина с денег. Он для сердца и для знамен» и его же строкам из поэмы, где звучат слова о том, что, когда мы входим в мавзолей, «Ленин, как рентген, просвечивает нас».

Сегодня можно, как угодно оценивать Ленина, но совершенно очевидно, что в приведенных стихах Ленин, как и средневековый Христос, – эталон, который поминают, но с которым не торопятся сверять свою собственную жизнь; и, быть может, поэтому, если взглянуть на стихи с высот мировой культуры в целом, то они зазвучат в унисон со словами, брошенными в лицо клирикам былых столетий одним из христианских святых: «В золоте ваши стены. В золоте ваши купола. А нагой и алчущий Христос в образе нищего замерзает перед вашими дверями».

Как бы то ни было, а соотнесение с эталоном, с образом, по которому, вроде бы, призывают равняться, именем, словом, из которого ветры Истории выдули его изначальный смысл («Мы забыли, забыли с вами, не забыли самих названий. а забыли, зачем назвали» (А.Вознесенский) в самых разных культурах и в самые разные эпохи оказывается важнейшей составляющей протестных движений. И не только протестных в нашем современном их понимании. Достаточно вспомнить конфуцианское требование «исправления имен», прозвучавшее две с половиной тысячи лет назад.

И только ли об эталонах речь, когда под меняющимися с годами цветами одежд чувствуется самоуверенность и фанфаронство? – Отсюда и язвительные строки:

Возможно, вы его читали.  
Он выставляет напоказ:  
«Сквозь годы, мрак и облака  
Я коммунизма вижу дали!»

Зачем излишние вопросы,  
При встрече с ним легко понять:  
Хоть песни звонкие звучат,  
Но видит он не дальше носа. (2, с.50)



Однако Кочин – не из записных диссидентов, которые, спустя долгие десятилетия, словно постаревшие дамы былыми романами, кокетничают своим пикированием с прежними властями. Горькие, а подчас и резкие, до явной неосторожности протестные ноты продолжают звучать и в иные времена. Не зря он с присущей ему самоиронией словно мимоходом роняет:

Ах, каким я неумным бываю –  
Наживаю врагов, наживаю.  
Ах, каким я неумным бываю –  
Дурака дураком называю. (2, с.24)

Эта ироничная язвительность звучит во многих строках. Но не она только делает стихи стихами, а не подборкой брюзгливых сентенций. Умение увидеть в капле поток Времени и остановить его – именно умение видеть – сначала было Око и лишь потом – Слово – вот что делает любого автора причастным к собственно Поэзии.

Спросите, к примеру, «а что такое Перестройка»? – И услышите:

Переуклад?  
Переворот?  
Дед что-то ищет на помойке,  
Разинув свой беззубый рот. (3, с.33)

Перед нами словно моментальный снимок. Вроде бы бытовой, но при этом так беспощадно зримо запечатлевший одну из ипостасей транзитного времени. Времени, когда, казалось бы, что только не продается, а, если и не продается, то оказывается просто невостребованным:

Опять навязчивые сны,  
В которых бодро раздается:  
«Здесь только честность без цены –  
Все остальное продается.

А следом голос сатаны  
Вплетается вполне уместно:  
Коль ваша честность без цены,  
Кому нужна такая честность?» (2, с.71)

И вот уже по иному начинает звучать, рожденное в динамичных Штатах, классическое: «Время – деньги». Гимн





движению – но куда, если неясны смысл и вектор самой скорости? Той стремительности, когда... «Купи-продай», с утра вставая, и поздно, падая в кровать,  
Себя к порядку призывать;  
«Не опоздать, не опоздать!»

И жизнь уже не жизнь – агония.  
На самолетах, в поездах,  
Идет нелепая погоня  
За уходящим в никуда.

Идет борьба без сантиментов –  
Не ты его, так он тебя... (3, с.26)

Сколько людей подписалось бы под этими безыскусными строчками, предельно простыми, но острыми, как лезвие топора, цель которого не услаждать взгляд, а рубить, бить наотмашь!

Но как же при этом оценить картинные стычки пикирующих политических и иных противников? Требуется ли здесь многословие? – Для кого-то, может, и да, но для поэтического слова – нет:

Как видно, так тому и быть:  
Всегда, везде на поле брани  
Трещат, соударяясь лбы,  
Когда встречаются бараны. (2, с.71)

При желании здесь можно спорить об отточенности слов, но картинка четка и лаконична. Как еще сказать короче о том же самом?

Стоит ли удивляться, что чувство слова, словно конь с отпущенными поводьями. бывает выводит прямо туда, куда и логика? Хотя и иными путями. Так, то всплывают незатейливые вопросы: «где истинная истина, где истинная ложь», то неожиданно ставит в тупик почти детское:

«две полуправды – это правда  
или заведомая ложь?» (2, с.47)

Привычная нам со школьной скамьи арифметика тут явно буксует. А вот ирония, как когда-то и ирония Сократа, шевелит мысль, не дает ей застояться...



Ироничность и способность ощущать вкус слова сами собой подвели Николая к жанру пародии. Жанру не бесспорному, порой рождающему подобие сожаления: к чему такая трата сил, ведь куда резоннее пародировать тех, кто куда более известен, чем местные костанайские поэты.

Но и здесь Кочин остается Кочиным, как, скажем, А.Иванов – Ивановым, кого бы он не пародировал. Одну же из пародий здесь уместно вспомнить и как образец владения словом, и как строки, посвященные одному из самых интересных и «креативных» представителей нашей молодежи, который, если колесо Фортуны повернется для него удачно, сможет стать заслуженно известным (причем совсем не обязательно, как поэт или лишь, как поэт) далеко не только в масштабах Костаная. Пародия эта – «Доигрался». И посвящена она Сергею Шевченко, автору стихов «Хеопсы ритма» и «Куб Гекубы...», «Игра в слова...»:

Ты для меня, Сергей, Орфей.  
Признаюсь к стати и нектати:  
Среди бесчисленных друзей  
Я твой бесхитростный читатель.

Прочел стихи и раз, и два,  
Потом смущенно улыбнулся,  
Решил, как ты, играть в слова,  
Но поиграв, гекубанулся. (2, сс.20 -21).

Но было бы совершенно неверно, листая эту, очень ограниченную подборку, видеть костанайского поэта лишь таким. Кочин может быть и лириком – лириком в самом полном смысле этого слова. Вслушайтесь только в пронзительные звуки этих строк:

Уходя, оглянись, оглянись,  
И руками небо потрогай...

Погубивший свои корабли,  
Возвратившись из дальней дали,  
Вспомни: было, тебя здесь ждали.  
Не дождавшись, ушли. (4, с.83)



И совсем неудивительно, что у Николая Кочина, как, наверное, почти у всякого пишущего есть и строки о творчестве, о слове. Ведь для такого человека поэтическая жизнь, жизнь в слове такая же, а то и куда более значимая частица жизни, чем тот осязаемо - зримый мир, в который с рождения своего погружен каждый из нас.

А, впрочем, не оказывается ли и само Слово не только демиургом, но и детищем этого самого мира?

Порой подумаешь тайком,  
Не в том ли суть поэзии –  
Водить шершавым языком  
По бритвенному лезвию? (2,4)

А если слова не находятся или повисают в воздухе – «не слова – кисея», тогда сам собой, из глубины, неведомой и самому поэту, рождается образ: «Перо без дела, как смертник на плахе». (3, с.23)

И разве не бывает наоборот, когда слова-штампы, слова-клише, слова – вата прилипают к стихотворной строке, да так, что не отодрать? Бывает, и тогда рождаются строки:

Слова липучие, как ложь.  
Размяк. Размок. Обабился.  
И не понять, и не поймешь,  
Как от таких избавиться

И мне, покамест, невдомек,  
Чего я с дури мучаюсь.  
А где-то светит огонек  
И обещает лучшее.

Но не могу, но не могу  
От липких слов избавиться  
И я от них бегу, бегу.  
Но ноги заплетаются. (3. с.11)

Вроде бы это сказано о себе самом, таком близком и таком не совершенном. Но сколь многие из нас, тех, кто не утратил хотя бы относительную трезвость взгляда, могли бы сказать, что уже не у поэта, а у нас самих заплетаются ноги, когда «бежим» по жизни.



Казалось бы, на этом можно было бы и поставить точку. Но остается вопрос: а перекрещиваются ли как-то те параллельные миры Кочина, с которыми мы только что соприкоснулись? Ведь совершенно очевидно, что без опыта войны не было бы ни объемности творчества, ни пацифизма Л.Н.Толстого. Точно так же, мы, даже не осмысливая сути, чувствуем, что без Высоцкого-актера не было бы песен-миниспектаклей Высоцкого-барда, а без архитектурного, возможно, не было бы зримой вещности, присущей неожиданным, но таким запоминающимся образам А.Вознесенского. Но и не сравнивая масштабы, и уходя от пустых в нашем случае разговоров об исторической значимости и прочем (ибо это – тема особая и отнюдь не снабжающая нас загодя заготовленными ответами) мы остаемся с вопросом о перекрещивании или, напротив, расхождении творческих и жизненных путей.

Ответить на этот вопрос с ходу не берусь. Но, думаю, что, все-таки, в строках Кочина, как и в строках всякого пишущего, если только тот не графоман, проступает его собственное лицо – лицо, вычеканенное жизнью, всем тем, чему эта жизнь оказалась посвященной. И кто знает, может быть, без согретой любовью техники, без сопромата не было бы и этих, философских по своей сути строк? Впрочем, судите сами:

...Блуждаем лабиринтами науки.  
Но кто сказал, что вижу я. как все,  
И кто решил, что слышу те же звуки?  
Мой взгляд скользит в упругой тишине,  
Настроенный на землю, как локатор.  
Мой мир – он формируется во мне.  
А внешний мир – всего лишь резонатор  
Моих, таких несовершенных чувств,  
Моих, порой раздраенных желаний.  
Моих надежд, что впрямь не по плечу.  
За все плачу. Увы, за все плачу:  
За каждый вздох, написанное слово.  
За доброту, чрезмерную суровость,  
За глубину невысказанных чувств.



По ходу нескончаемых бесед,  
высказывая мненья и сомненья,  
Мы ищем однозначное решение,  
Которого, по-видимому, нет. (1, с.18)

Литература.

1. Кочин Николай. Камлание Шамана. – Костанай, 2009.
2. Кочин Николай. Пикантная соль. Ироническая смесь. - Костанай: ТОО «Центрум», 2009.
3. Эхо в пыли. Ироническая смесь. – Костанай. 2002.
4. Кочин Николай. Это наша с тобой биография. – Костанай, 1999.



**«Будем жить вопреки...»**

О СТИХАХ НАШЕГО ЗЕМЛЯКА АНАТОЛИЯ  
КОШТЕНКО

От злых кошмаров не надо маяться.  
Бессильны сонмы когтистых недугов.  
Мы не уходим – мы растворяемся...  
В глазах и жилах. Друзей и недругов.  
Василий Бон.

Мы внимаем громким именам, ценим пришедшее издалека, порой не придавая особого значенья своему, родному, тому, что рядом. А это, родное бывает не меньше достойно внимания, чем то, что широко известно далеко за пределами нашего собственного края. О рано, очень рано ушедшем из жизни Анатолии Коштенко, который не прожил и тридцати, не забыли. Его памяти посвящены ежегодные поэтические конкурсы, проводящиеся энтузиастами в городе Костанае. Но, думается, он, как и всякий Поэт, достоин не только этого, а и раздумчивого разговора о его собствен-



ных стихах. Если забыто Слово, то чего стоят все конкурсы, звания, лауреатства и ритуально-юбилейные чествования?

Этот разговор о стихах Коштенко и предлагается читателю, разговор не по поводу, а именно о стихах. Автор статьи не собирается на критических весах взвешивать меру таланта Анатолия либо рассыпаться в похвалах его «мало оцененному величию». Слишком уж модной стала сегодня фабрикация великих. Парадоксально, но факт! Забывая, порою просто по недообразованности, одно, мы, словно боясь остаться ни с чем, лихорадочно штампуем кумиров, людей необычных, не преминув, как водится, упомянуть при этом и о себе родимом, который сподобился некогда причаститься этим величием, то ли распив общую бутылочку, то ли пройдясь рядом по тротуару... да и так ли уж это важно? – Главное, чтобы старательно раздутое величие одних, возвышало нас самих. По крайней мере, в наших же глазах.

Как бы то ни было, а здесь традиционной критико-аналитической оценки стихов не будет. Мы лишь постараемся вместе с читателями стать камертонами, попытаться почувствовать Слово – то есть устремимся к тому, от чего нас так старательно отучает наше нынешнее слишком уж ревностно заэентованное и опэгэкашенное (1) образование. Поскольку же речь идет о стихах, то тут уж никуда не деться и от своего собственного, личного их ощущения. Ведь, как это ни банально, а стихи – это не формулы или уравнения, которые на разных континентах должны прочитываться одинаково. Стихи – это облитые светом или погружающиеся в тень миры, своего рода селения духа, будь то мегаполисы или крохотные хутора – они видятся, ощущаются и в зависимости от льющегося на них дневного ли, вечернего ли света и нашего собственного состояния, того ракурса, который определяет чье-то восприятие Поэта.

Я не случайно заострил внимание на этом. Дело в том, что, читая сегодня стихи Коштенко, мы уже знаем, что он так рано ушел из жизни. И причина этого ухода – не трагическая случайность, а болезнь, возможно связанная с его срочной службой на подводном флоте. И от знания



этого уже никуда не деться. Читаешь – и чувствуешь, разлитую в стихах печаль. Но, говоря уже пушкинским языком, эта печаль светла, она дышит жизнью, несет в себе острее ощущение малейших ее нюансов. Вроде бы нет в этих стихах ни великих строк, ни разлитого во флаконы громких строк запаха Целины, ни фанфар строителей Светлого Будущего, как нет и «дули в кармане», «двойного дна» или каких-то диссидентских «штучек». И этим он напоминает Н.Рубцова. Но перед нами не Рубцов, а другой человек. Если хотите – советский человек, ведь он – из того мира... Да, да из того, мира. Только выходящий не на парад или упорный труд «во благо», а на улицы и обычные тропки, и неоглядные пути-дороги, еще не ведающие ни таможен, ни регистраций. Человек, внутренне совершенно свободный, не «замороженный», как сказали бы сейчас, бумажной суетой и необходимостью проламываться к успеху, а то и просто мыслями о физическом выживании в неоджунглях. Утренний человек со свежим взглядом, оставляющий брызги своих, личных ощущений жизни на листах бумаги.

Он не гонится за Временем, не спешит запечатлеть Его портрет. Но Время само естественно и ненавязчиво проступает то в тех, то в иных стихотворных строках. То всплывают слова «машины частников» (2. с.17), мимоле- том несущие сквозь десятилетия одну из черточек времени. То «старые хоккейные катки», которые вместе с дворовыми турниками и теннисными столами давно потесненные беспорядочным новостроем и грудями авто. Роняя эти слова, поэт, равно как и все мы тогдашние, наверное, и подумать не мог, что вот так, мимоходом, словно в случайной блиц вспышке сохраняет черточки преходящего.

И при все при том, в его стихах свой мир. Но, думается, главное, что этот мир – поэтический, мир образов, обретающих собственное существование. Те же «старые хоккейные катки», судя по всему уже весной, но когда деревья еще голы, «словно у лотошников лотки, после распродажи опустели» (2, с.6) Образы перетекают в звуки, звуки струятся образами: «душа настоroje, как пес в сторожке» (2, с.5), и «робко каменные зданья в ладонях города стоят». (2, с.9)



Эта образность, словно неяркий свет, льется на читателя. Легкая и органичная. Вот прорисовывается безыскусственно очерченная «сухая осень». Костры картофельной ботвы и ... «память на приколе, как старая разбитая ладья». (2, с.4) Вот, уже в совсем иных стихах, «легким строем трирем разворачиваются облака» (2, с.20), а полевой осенний ветер, «как бард над элегическим простором гуляет с непокрытой головой» (2,с.17) То тысячелетней тайной, «привстав на носки, серебрясь на воде и двоясь в объективе балкона расплывается солнце – египетский образ тоски». – И светоч, и образ и символ, несущий в себе, как магическая матрешка другую матрешку – уже иную загадку – загадку человеческой жизни:

Это ж надо поверить,  
что солнце – отец мой и бог!  
Анонимность творенья,  
как боль не давала покоя.  
Я пощады просил.  
Я любовью к нему занемог.

- Только жизнь у меня, объясни, что это такое! (2, с.27)

А сколько мягкого очарованья в строках о мартовских ночах, которые словно влага в знойный день сами льнут к губам:

... Лепетанье что ли Парки  
В парк увлек ночные мысли?  
На снегу лиловом в парке  
Тени стропами повисли.

Чуткий снег – на грани сказки  
– залил землю... и казалось  
К звездной перистой окраске  
Кисть Ван Гога прикасалась.

Нет не книжность самоучки,  
Нет, поверьте, ее цитата –  
Видно в длительной отлучке  
Был я где-то, жил когда-то





Ночи марта, вы – изгнанье.  
Не с того ль глаза мне сузил  
Узелком напоминанья –  
Давней грусти жесткий узел,

Что завязан на дорогу  
Расставаньем на вокзале,  
чтоб сквозь годы, через сроки,  
мы друг друга осязали... (2, с.28)

Но, случайно или нет, в том, что сохранилось, а, сохранившись, вошло в крохотный сборник стихов «Утренний человек», выпущенный тиражом сто экземпляров литературно-художественным объединением «Берега», проступает предощущение(?) боли и краткости отмерянной поэту жизни. То всплывает «овал стекла, похожий на слезу»... Может, пока это только молодая грусть с ее невестребованно-нерастраченным избытком сил? А Может?.. То – «воздух даровой». Миллиарды людей вдыхают его. Но ощутить этот дар обычно так же трудно, как здоровому – способность ходить и бегать. И, словно делая недостающий мазок в картине, рисующей раннюю весну с ее последним снегом и грязью, Коштенко роняет: «не хватает гнезд над головой, как после болезни витаминов». (2, с.6)

И в завершение пронзительное:  
... Но однажды в больничной палате  
Медсестра в белоснежном халате  
Журавлихой над ним отпоет.  
Но сквозь немочь, смежившую веки,  
Вдруг ударит щемящей из нот  
Сквозь года зазвучавшие реки  
Над раздольем осенних немот.  
И деревья. Что были любимы,  
А теперь – поотбились от рук,  
Только крошечком красной рябины  
По дорогам кровавят каблук.  
Только слышно, как ветром продуты,  
Под звездой замирают леса...



И в тиши уходящей минуты  
Ничего не пропеть, не связать. (2,с.23)

Но в завершение ли?- Ведь молодость до самого конца не приемлет возможность своего ухода из этого мира. Не потому ли она так бесшабашна, так отчаянно готова к решительным ответам на самые отчаянные вызовы? Не отсюда ли и вызывающе дерзкое восклицание: «Будем быть навсегда. Мы не будем прекращаться, друг друга лишая – это слишком несвойственно людям...»

Хватит всем! Жизнь такая большая.  
Будем жить вопреки. Будем снова  
После нас.  
И в году сорок первом –  
Беспокойная наша основа –  
Снова ударит по нервам.

Свет заводит мосты через лету  
От химер и хароньих схоластик.  
О, как странно несвойственны свету  
паутинные тени от свастик,  
от колючек голодного гетто...  
Мы – не те, что потеряны где-то.  
Нас нельзя потерять  
Мы при свете. (2, с.11)

С какой поразительной силой сплавлены в этих строках наше прошлое и еще неразличимое в те не столь уж далекие годы, наше настоящее, сугубо личное, индивидуально живое и наше общее! Какой новый, глубинный смысл проступает в этих раскаленных строках сегодня, когда судьбы наших культур и народов колеблются над пропастью небытия, а «несвойственные свету паутинные тени от свастик» можно узреть на земле, напоенной кровью миллионов своих сынов и дочерей, рвавших эту паутину и погибавших за свет, либо, говоря менее пафосно, просто не выживших в годы страшной, всемирной битвы со Злом, которое, увы, так и не искоренили.

И, может быть, в этом-то чудо Реальной, Живой Поэзии, что, вопреки постмодернизму, она, не утрачивая смыслов, вложенных определенным временем и определенным, но



обязательно живым, личным опытом, опытом пусть не событий, а сердца, в новые времена продолжает играть новыми красками и ощущается волнующе современной?..

Конечно же, сборник, выпущенный почти через тридцать лет после ухода из жизни Анатолия, далеко не полон. Конечно же, что-то в его строках может показаться несовершенно, неотшлифованным, как и всякая молодость. И это естественно. Ведь в какой-то мере собранные стихи – это не просто творчество, а и разминка перед стартом. Стартом, которому не суждено было одарить нас, возможно, совсем иными, более зрелыми стихами. Но стартом, который думается, все же состоялся. И свидетельство тому наша память и тоненький сборник, который, словно выпорхнувший из гнезда (а, может быть, клетки?) птенец, продолжает жить своей собственной жизнью.

#### Литература.

1. ЕНТ – своеобразный казахстанский аналог российского ЕГЭ, но только более привязанный к тестам. Возможно ныне и необходимый, но имеющий немало минусов феномент. ПГК – Пограничный гос. контроль – тестовая форма проверки знаний по ряду предметов, включающих и философию, у вузовских студентов, заканчивающих второй курс. Ныне отменен.
2. А.Коштенко. Утренний человек Костанай, 2009.



### **«... Но я вижу тот дом, где живет мое вечное солнце»**

#### **КРАТКИЕ ЗАМЕТКИ О СТИХАХ АЛЕКСЕЯ ОЛЕКСЮКА**

Алексей Олексюк – удивительный, но, по своему, очень характерный пример «провинциального интеллигента». Встречаешься с ним – и кажется, что его кредо:



не выделяться, не бросаться в глаза. Даже ростом он сам по себе кажется меньше, чем на самом деле. И лишь, когда видишь Алексея рядом с отнюдь не «малышами», неожиданно открываешь для себя, что он, такой неприметный, не так уж мал...

Строки, которые стали названием этих заметок, может быть, и не самые колоритные и оригинальные, но, на мой взгляд, очень точно выражающие суть не одной только любви, а двойственности ограниченно материального, локального и беспредельного в потенции духовного плана бытия. Той двойственности, напряженность которой оказывается одной из важнейших составляющих так называемой «провинциальной культуры». Эта двойственность стала стержнем и самого Олексюка. Внешне не приметный. Пластилинно мягкий. Явно не мачо. Хотя и жгучий брюнет с ярко выраженным природным мужским началом. Но слишком, слишком уж мягок...

Да и канва жизненного пути начисто лишена экзотики и даже намеков на бесшабашность «крутого» литератора. Родился в 1976 г. в городе Костанае. И нет за его плечами «ни Крыма, ни Рима», ни хотя бы мальчишеских приключений на ту или иную часть тела. А есть родители-рабочие, книгочей-дедушка и самая обычная школа. И при этом совсем не будничная жизнь духа. Прикоснувшись к новым стихам Олексюка, я, знавший его не один год, неожиданно для себя ощутил силу чувства, наполняющего строки. Что-то, наверно, надо гранить и шлифовать, как шлифуют ценные камни, над чем-то работать и работать. Но именно в сточках Олексюка почувствовалось что-то живое, то, чего так часто не хватает многим нашим «молодым» (если относить к таковым тех, кому еще нет 55-ти): рельефности мысли и насыщенности чувством.

Когда пытаешься понять человека, всегда интересно: откуда же его корни? – Корни Алексея – украинские. Все его предки с Украины. Читать Алексея учил книгочей дедушка, имевший богатую библиотеку на русском и украинском языках. Но книгочей этот не был «книжным червем», подменявшим книгами собственно жизнь. Годы дедовой



молодости, пришедшиеся на Мировую войну, могли бы стать основой лихо закрученной приключенческой повести: здесь и угон в Германию, и, сменявшие последовательно друг друга, три концлагеря, и спасительный побег – и многое иное.

Любили книги и родители, хотя, как и дед, непосредственно к гуманитариям они никак не относились. Если дедушка был техником-инженером, то его сын – отец Алексея – электриком. Мать тоже была электриком, причем не просто электриком, а своего рода мастером, выполнявшим монтажные работы при сооружении КСК и других известных сооружений. Электриком стал и младший брат.

А вот Алексей получил редчайшую для мужчины профессию – профессию библиотекаря. Это оказалось и случайным, и не случайным. Маленький Алеша с детства тянулся к книгам. Когда ему доводилось приходить в гости, то он устремлялся не к игрушкам, а книжным полкам. Эта любовь во многом была навеяна дедушкой и родителями. Алексей и сейчас вспоминает, как отец вслух читал ему, совсем еще малышу, «Одиссею капитана Блада». Вполне понятно, что, когда мальчик подрос, он вместе со многими своими ровесниками, стал увлекаться фантастикой и приключенческими книгами. Позже был очарован «Мастером и Маргаритой».

С раннего детства любивший книги Алексей хотел стать... писателем. Нечастое желание для мальчика. Но, так или иначе, а уже лет в пять сочинил первую сказку, которую отец записал на открытке. Поскольку сам Алеша писать еще не умел. Потом стали появляться и коротенькие рассказы.

Подкатили школьные годы. Разное вспоминают о них бывшие ученики. Алексей же, словно стесняясь, говорит: «Я шел в школу всегда с удовольствием... Это сейчас звучит дико». Но так оно и было. «Я шел туда за общением. Не скажу, что был хорошим учеником». По математике и английскому были и четверки, и тройки. Да и те, по мне, натягивали – «честно говоря, даже на двойку знал». А вот историю обожал. Очень любил литературу и географию и читал гораздо больше положенного по программе.



Что до кружков – таковых Алексей не припоминает. Никуда особенно не тянули. Что, по его характеру и к лучшему. Правда, один раз в школьной пьеске довелось играть роль солдата и целовать девушку. Поцелуй? – Это уже интригует? Хотя, что такое какой-то там поцелуй для нашего искушенного современника? Но воспоминания о сценке остались не самые радужные. Ребята потом поддразнивали, что было явно не по душе стеснительному с детских лет Алексею.

Школу он закончил в 1993 г., тяжелом для многих стран СНГ и, в том числе, для Казахстана. В самом центре Костаная можно было видеть «недострой», с гулявшим по нему ветром. С зарплатой было непросто. Да и «рынок» начинал всюю показывать свои быстро отраставшие зубы. В высшем образовании, по воспоминанию Алексея, «все стало платным», грантов не было. Поэтому, хотя школьная учительница настоятельно советовала поступать на исторический факультет, приходилось выбирать доступное. Одним из немногих бесплатных мест стало место в училище культуры, в здании которого ныне расположен суд. Там даже платили стипендию, 4 тысячи. Что по тем временам было немало. Так Алексей поступил на библиотечный факультет. Там он стал единственным юношей на курсе. Но и здесь никакого ощущения петуха в курятнике не появилось. И в училище Алексей предпочитал, когда его не выделяют.

Мне как раз в то время доводилось подрабатывать в этом училище. И работа эта доставляла особое удовольствие. Библиотекари были одними из любимейших... Но и при мне Алексей не выделялся. Осталась память, как о светлом, почти неосязаемом облачке, дышавшем интеллектом и интеллигентностью, но никак не стремившемся привлечь к себе внимание.

Позже Алексей получил высшее образование в Центрально-азиатском университете на отделении библиотекведения и библиографии. Точнее в его костанайском филиале. Завершающие же экзамены довелось уже сдавать в Алматы. Это было в 2004 г. И совсем недавно – в феврале 2013 г. завершил учебу в магистратуре ЧЕЛГУ, защитив



диплом, посвященный «Электронным изданиям в библиотеке». Да и работа его связана с библиотекой. Немало лет проработал в областной библиотеке им. Толстого. Возглавлял работу библиотеки в костанайском филиале ЧЕЛГУ ныне же – в библиотеке ИУУ. За пределами Костаная оказывался не часто. Был в Алматы, в том числе и тогда, когда та была еще Алма-Атой. В Челябинске. Но больше всего впечатлила поездка в Санкт-Петербург. Да это и понятно.

Жена Алексея – Нина замечательный художник иллюстратор, чьи работы известны не только в нашем городе и республике.

Таковы контуры внешнего плана бытия причастного к творчеству, да что там причастного! – преданного творчеству «провинциального интеллигента». Кружащие голову «дальние страны», экстра-впечатления – не для карманов обычного труженика наших дней.

А вот мир внутренний поразительно контрастирует с этим обыденным миром внешнего. И этот контраст в немалой мере рожден стихами. Правда, сам Алексей, который, как мы помним, с измальства хотел стать писателем, «никогда не стремился стать поэтом...». Он же считал и продолжает считать себя «прозаиком, пишущим стихи». Да и пришли к нему стихи позже прозы.

По настоящему серьезно занялся стихами (если только здесь приемлемо это само по себе не поэтическое слово), когда пришел в «Ковчег» – литературное объединение, которое, несмотря на все перипетии времени и коллизии, действует в нашем городе уже более полутора десятилетий.

Запомнился и посвященный Пастернаку вечер в училище культуры. Именно тогда почувствовал, что такое поэзия. Пушкин и иные, знакомые со школьных лет, были понятны. А когда что-то понятно, то скользишь по поверхности. Пастернак же рождал желание «докопаться». Приходилось вчитываться. Вчитываясь же, углубляться в суть поэзии как таковой.

Так Алексей прикоснулся к миру поэзии. Стал публиковаться. В «Берегах», где какое-то время был и заместите-



лем главного редактора В.Растегина. Наряду с другими костанайскими поэтами в годы редакторства Гундарева публиковался в республиканском журнале «Нива».

Был призером областного конкурса «Молодые 21-му веку». Высшее же внешнее достижение – разделенный с Еленой Преображенской Гран-при в очередном конкурсе, посвященном памяти Анатолия Коштенко.

Но, конечно же, конкурсы и публикации вторичны по отношению к собственно творчеству. Особенно в наши дни. Поэтому прикоснемся к самим стихам Олексюка. Не претендуя на профессиональный анализ, хотелось бы обратить внимание на его поэтическую игру со словом и звуком, которая при этом наполнена личным чувством. Что в его строках – отблески иных огней, что внове – судить не здесь. Но чувство, как степной ветер, везде свое, неподдельное.

Вот, например, строки из стихов «Памяти Бориса Пастернака»:

Снег идет, снег идет,  
Словно музыка со сцены  
Или строчки из поэмы,  
Кружит белый хоровод.

Снег идет густой-густой  
В небе грустно-сером  
Вертит хлопья в танце белом  
Над моею головой.

Снег идет морозной ночью  
По наитию души.  
В вальсе вьюжном фонари,  
Разорвавши время в клочья.  
Кружат окна и дворы,  
Кружат мысли, судьбы, сны... (1)

Скажу честно, я сам бы вместо «вертит хлопья», написал бы более банально «кружит». Но, заметьте(!), как начинает играть переливами смыслов уже «белый танец»! И это немало.





А вот гораздо более поздние строки с эпиграфом И.Бродского: «На Васильевский остров я приду умирать». Строки эти отталкиваются от эпиграфа, словно волны от окаймляющего их гранита, и при этом кажутся воздушно невесомыми:

Я пойду на ваш остров  
И почувствую остро,  
Как еще не хочу умирать.

Я увижу там солнце,  
Я увижу там сон о  
Том, что есть повод верить и ждать.

Я вдохну этот воздух,  
Я войду в эту воду  
И вновь линии лягут судьбой.  
Меня примет ваш город,  
И сожмет мое горло  
Тишина. Я вернулся домой.  
(25 февраля 2013 г.)

Такие стихи не хочется анализировать. Их просто вдыхаешь, как ветер на берегу Тобола.

Переливы звуков и образов, навеивающих мысли о Вознесенском и Цветаевой, навеивающих, но при этом не отталкивающих, не кажущихся вторичными звучат в стихотворении «1 мая»:

Луженые тусклые лужи  
Утюжит холодная хмарь.  
**Здесь ветер – и тот простужен:**  
не май, а какой-то январь.

Так зябко и так неуютно.  
Пронзительно жалко цветы.  
Пронизывает поминутно –  
Как будто клинком со спины.  
И все же, и все же, и все же  
**Не блажь, а блаженство во всем...**  
Зачем же мы лезем из кожи



Под этим бездомным дождем?  
( 1 мая 2012 г.)

Если «луженые лужи» еще кажутся не бесспорной игрой со звуками, то в целом строки оставляют ощущение свежести. Обратите внимание на выделенное. И замрите: а что бы вы выделили сами?

А вот стихи «Кустанай – костистый рай...» выглядят совершенно необычными стихами о Костанае.

Прочитированное – словно разминка мускулов перед выходом на поэтический ринг. Есть ощущение, чувства, полутона, образность и эфирная невесомость. Возможно, это – именно то, что и питает живую реку поэзии. Но сам Олексюк – не только в этом. Он владеет и языков смыслов, отливаемых в четкие формулы фраз. Наглядный образец – небольшое стихотворение 2011 г. (?):

Нам в детстве дается искусство,  
Как данность, как дань красоте.  
И краски ложатся так густо,  
Так часто в своей черед.

Нам в юности свойственно драться  
За правду, за право творить  
Безумство, за светлое братство,  
Что даже водой не разлить.

Нас в зрелости гложут заботы,  
Забутые Богом мечты,  
мы все до поры Дон-Кихоты,  
Но жизнь не прощает понты...

Нам старость подводит итоги,  
Стирает случайностей пыль...  
Искусство дается немногим...  
Как данность, как даль и как был.

Какие богатые строки! Сколько в них внутренней полноты! Правда, я бы поразмыслил над четвертой строкой первой строфы. И дело тут не в неточной рифме. Такая



рифмовка может придавать особый шарм. Просто строка мне кажется менее насыщенной смысло-образами, чем ее соседки. Я бы поискал, при возможности, иные варианты. Например: «На белом, как воздух(?), листе». Но тут решать автору. Хотя именно обсуждение, именно совместные поиски путей к совершенству столь значимы в мире слова.

К сожалению, таким, как Алексей, не достает не только живого общения, но и плеча того, кто мог бы поддержать, помочь подняться на иные этажи литературы. Подняться в буквальном смысле: заметить и ввести в тот круг творческого общения, которого он достоин. Сам Алексей, как и немалое число иных способных людей, сделать этого не может. Такой уж у него характер. А, может быть, и такова глубинная природа творчества? – Не зря же сказано: «талантам надо помогать...»

Литература.

1.Берега. – 2002, №43, с.4.



## **Посланцы Украины на казахской земле**

**ЗАРУБА А.В.**

Впервые я увидел его в самом конце шестидесятых. В парке культуры и отдыха, где еще не было нынешних аттракционов, но были и танцплощадка – место извечных потасовок, и волейбольная площадка, и настольный теннис, и бильярд, и длинные дощатые столы для любителей шахмат и шашек, где чуть ли не каждое летнее воскресенье устраивались турниры. Вот возле одного из таких столов я и встретил этого довольно высокого по тем временам (176), стройного человека, который, к тому же, очень неплохо играл в шашки. Это и был Анатолий Васильевич Заруба, ныне художественный руководитель и дирижер оркестра русских народных инструментов города Костаная, к тому же



преподающий вместе со своей супругой Надеждой Марковной в музыкальной школе.

Анатолий Васильевич, как и его жена, уроженец далекой Украины. Уже родители Анатолия, по его словам, увлекались искусством. Были «синеглазниками» - членами своего рода агитбригад, которые в тридцатые ездили с концертами по селам. По своей основной специальности отец был бухгалтером, Мать же была домохозяйкой с двумя классами образования, что не мешало им отдавать себя самодеятельному искусству. Прожившая 82 года мать, всю жизнь пела в хоре. Отец же в самодеятельном театре обычно исполнял главные роли, включая и роли героев-любовников. Но он прожил не долго и умер в 1947 г, когда ему еще не было сорока. Видимо, сказалась война, на которой бывало всякое. Однажды после бомбежки лейтенант-артиллерист заснул в окопе. Когда же проснулся, рука его была покрыта снегом. А сколько еще тягот выпадало на долю бойцов? Он заболел туберкулезом, который излечить не удалось. Мать же осталась с тремя детьми, сумев и поднять их на ноги, и вырастить людьми.

Сам Анатолий Васильевич был младшим из братьев, родившимся накануне войны, 19 апреля 1941 г., в поселке Долинская Кировоградской области, и годы раннего детства провел в оккупации. Правда, запомнилась она ему не так, как показывают в кино. Оказавшиеся на постое в их доме немцы тосковали по собственным семьям и угощали мальчика то хлебом с маслом, то маленькими, своеобразной формы конфетами. Конфет было столько, что Толик, играя, выкладывал ими целый стол; а, игнорируемые постояльцами, старшие братья, когда малыш отворачивался, смахивали целые горсти со стола. Еще запомнилось множество дымов на огромном открытом пространстве. Это немцы, уже отступая, жгли свою технику, застревавшую в черноземе.

Музыка же входила в Анатолия с самых ранних лет. Бабушка, у которой какое-то время жил, пела украинские песни. «Бывало ночью просыпаюсь, а она поет». Родители «таскали» с собой по концертам. Не случайно



один из его старших братьев - Игорь, будучи еще мальчишкой лет десяти организовал дворовый оркестр, в который входило человек тридцать детей. Но чрезмерная активность и «организаторская жилка» могли этому братцу и, что говорится, «выйти боком». Будучи уже постарше и прочитав «Молодую Гвардию», брат на случай будущей войны собрал мальчишек в «Гвардию непокоренных». Учились стрелять – из мелкашки, составляли карты улиц. Я, - вспоминает с улыбкой Анатолий Васильевич, - «был начальником разведки». Вроде бы игра. Но дошло до КГБ. Вызвали туда брата. Предупредили и директоров: что же это у вас дети не охвачены работой. Когда же дело дошло до восьмого класса, Игоря не хотели брать. Мать пошла в КГБ и сотрудник именно этой организации настоял на том, чтобы парень смог закончить среднюю школу. Как видим и здесь все было далеко не так линейно, как порою сегодня любят изображать.

Анатолий же еще и в школе увлекался музыкой. «Чистый гуманитарий», он пел в хоре, солировал, играл на мандолине. Вместе с другими соучениками выступал на районных и областных олимпиадах, музыкой сопровождали спектакли. Был настолько увлечен, что классная руководительница вспоминала, как он и на уроках размахивал рукой, имитируя движения дирижера. Дирижеры вообще поразили воображение Анатолия очень рано. Листая журналы, он дивился, тому, что на фото рука одного человека приковывает внимание и подчиняет себе целую группу людей.

Вполне понятно, что после школы поступил в музыкальное училище Ивано-Франковска, где уже учился его старший брат. Но «из-за материальных соображений» вскоре перевелся в житомирское. В этом городе уже твердо встал на ноги его другой старший брат и мог как-то поддерживать. Там-то молодой музыкант и встретил свою судьбу – миловидную Надю – Надежду Марковну. Надя была на год младше его. Она родилась в 1942 г. в Житомирской области. Тоже была в оккупации. Отца ее призвали лишь после освобождения, и он погиб сразу же, в первом бою. Как рассказывали, даже до боя. Неосторожно высунулся из окопа и был сражен пулей снайпера. Мать же осталась



в колхозе с пятью детьми, среди которых была и будущая супруга Зарубы. Маленького роста девушка оказалась поклонницей спорта – она и бегала, и прыгала. Причем и в длину, и в высоту. И еще чудесно пела: в дуэте и соло. Пела она настолько хорошо, что еще школьницей выступала в дуэте на сцене Киевского театра оперы и балета на заключительном конкурсе одной из олимпиад. В училище она тоже оказалось заметной и ее рекомендовали во Львовскую консерваторию. Но к тому времени Анатолий в составе группы из 15 человек оказался уже посланцем Украины в республику-побратим – Казахстан, куда их направили для поднятия «культурной целины». Отработав год, он приехал в отпуск и увез свою Надю в казахстанские степи. Впрочем, как раз ожидаемой голой степи она и не увидела. Ожидала палатки, пустыню, а оказалась в городе, где растут деревья, цветет сирень – Кустанай к началу семидесятых быстро рос и зеленел.

Так, семья и пустила корни в Кустанае (ныне Костанай). Из тех, кто закрепился здесь, вместе с ними были, ставший широко известным руководителем Академического хора В.Д. Граб и директор музыкальной школы А.В. Заика. Жизнь же Анатолия Васильевича, как и Надежды Марковны, оказалась навсегда неразрывно связанной с музыкой. Это и работа в музыкальной школе, где сейчас он ведет занятия по классу гитары и занимается оркестром, и многолетняя работа в ныне закрытом «кульке» - училище культуры, наряду с которой долгие годы Анатолий Васильевич является художественным руководителем и дирижером оркестра русских народных инструментов. Есть у Анатолия Васильевича и написанные им самим песни и романсы. В годы же, когда наш Дворец профсоюзов славился своими кружками, принимал активнейшее участие в работе оперной (!) студии, которой руководил В.Д. Граб. Там, как вспоминает Анатолий Васильевич, были поставлены опера «Наталка-Полтавка» и оперетта «Свадьба в Малиновке». Причем с учетом нового варианта, чем немало удивил и знатоков. Так, в ранней постановке еще не было колоритной песни известного юмористического персонажа: «На морском



песочке я Марусю встретил. В розовых чулочках. Талия в корсете». А вот в Кустанае она прозвучала...

«Любимое дело не надоедает. Повезло, - говорит Заруба, - хобби совпало с работой». И сейчас, когда ему уже за семьдесят и иные знакомые спрашивают: «Что же Вы работаете на пенсии, не пора ли отдохнуть?», он не представляет себя без работы.

Эта искренняя любовь к делу не осталась незамеченной. Анатолий Васильевич – отличник народного просвещения, заслуженный работник культуры, лауреат премии меценатов. Лауреатом этой же премии является и руководимый им оркестр русских народных инструментов, успешно дающий множество концертов, включая и правительственные. Его же супруга – Надежда Марковна - не только преподаватель музыкальной школы по классу фортепиано (учившая, кстати, и мою собственную дочь), но и многолетняя солистка хора Граба и Костанайской филармонии. Многие ее бывшие ученики уже стали коллегами. А это ли не высшая награда педагогу, сумевшему передать искорки своей любви тем, кого он учит?

Что же касается самого Анатолия Васильевича, то он еще и рисует, и, как показалось мне, непрофессионалу, пейзажи Зарубы – и украинские, и казахстанские, очень неплохи. Пишет любительские, для себя стихи – как на украинском, так и на русском. Но и эти любительские, подчас сугубо личные, строки для музыканта – школа мысли и чувства. А кое-что может быть любопытным не только для него самого и его ближайшего круга. Взять хотя бы эти непретенциозные строки о птицах нашего сквера, которые, возможно, могли бы оспорить орнитологи, но не те, кто задумывается над тем, кто же такие - мы сами:

Вы видели, чтоб голуби дрались?

Они спокойно крошки собирают.

А вот воронам – только попадись-

Кусок из горла с криком выдирают.

А как же чтение? – Здесь с годами пристрастия изменились. В свое время, особенно в молодости, перечитал и мировую, и русскую, и украинскую классику. А сейчас



«не принимает просто душа» художественную литературу. Современные авторы как-то не влекут. Еще бывает, руки доходят до детективов. Но больше тянет к книгам об авторах, композиторах, охотниках... Упомянув об этом, Анатолий Васильевич оживает. «Знаешь ли ты Скрынского? Вот он выпустил книгу-пособие по философии. Для заочников. И читаю с интересом. Мало того, я, православный по корням человек, неожиданно для себя обнаружил, что мне многое близко в буддизме»...

Но не стоит думать, что жизнь Анатолия Васильевича проходит лишь в заоблачных высотах искусства и мировой философии. Он заядлый охотник и рыбак. Любитель нелегких походов. Был на Урале, в Красноярском крае, Туве, где с товарищами сплавлился на плоту. Правда, вспоминает он, «плоты я не вязал. Моей задачей была добыча пищи. На одних консервах не протянешь. Поэтому со мной всегда были ружье и спиннинг. И удавалось обеспечивать добычей группу в пять, а, как-то раз и в десять человек. Но потом охоту забросил: «птичку жалко».

Считая главной своей чертой любознательность, Анатолий Васильевич вспоминает и увлекательные турпоездки за рубеж: в Болгарию, Турцию и Германию. «Хотелось бы и в Америку, - добавляет он, - но пока не случилось». Таковы несколько беглых штрихов о жизни одного из тех, о ком можно писать целые романы...

Подвижного и подтянутого Зарубу и сегодня можно почти каждое утро видеть в нашем Центральном Сквере, где он по утрам совершает прогулки, стараясь выбрать время пораньше, когда еще слышно пение птиц, а сквер не оглушают назойливо повторяющиеся звуки рекламы, перемежающейся с музыкой, далеко не всегда улаждающей слух человека, посвятившего искусству всю свою жизнь.







## Судьба и краски

СОКОВ Г.М.

Сюрпризами для нас судьба полна:  
То глубина, то риф, то снова мели.  
Не тот убит, кто выбит из седла,  
А тот, кто и в седле не видит цели.

Г.М.Соков

Город, тем более не такой старый, как Костанай. – это, прежде всего, люди. А в каком городе нет интересных людей? В Кустанае же, который стал одним из мест пересечения культур и судеб, особенно. И совсем не обязательно такие люди должны быть чем-то знамениты в расхожем смысле слова. Ведь, как восклицал поэт: «Людей неинтересных в мире нет». Но и среди множества разнообразных судеб выделяются те, которые примагничивают нас своим творчеством, своей увлеченностью делом, которому они не жертвенно, а с великой увлеченностью готовы отдать и отдают собственную жизнь. Такие люди всегда украшают наши города, нашу историю, наше настоящее, хотя далеко не всегда они бросаются в глаза, а их имена – постоянно на слуху. Среди этих людей – Георгий Михайлович Соков, известный прежде всего, а, пожалуй, и только своей преданностью творчеству, работе. О нем немало упоминали в газетах. Его образ, живой и естественный, не раз являлся на телеэкранах. Но всегда в связи с тем, что он делал и делает и, в первую очередь, в связи с многочисленными выставками. Ведь Георгий Михайлович – из самых узнаваемых и маститых художников города. Художник ищущий, прикоснувшийся к таинству самых разнообразных видов и жанров, вплоть до книжных иллюстраций, получивших, как и его картины, известность и за пределами Казахстана. Тот, о ком искусствовед Галина Медведева писала в своей прозрачно светлой, как акварель статье «Метаморфозы художника Сокова»: «Древо искусства огромно и оно не перестает расти. С каждым годом крона его становится все гуще, а



корни мощнее. И этот рост не прекращается никогда, ибо на смену учителям приходят ученики. Их много, художников, способных бесконечно поддерживать в нем жизнь, дарящих нам свои открытия, заставляющих размышлять, думать, за что мы им особенно благодарны».

Один из них – костанайский художник Г.М.Соков». (Буклет «Георгий Соков, с.6). В 2007 г. Соков награжден медалью Международной ассоциации «Искусство народов мира». Есть и иные награды, звания, должности. Он член союза художников СССР, Союза художников Казахстана. Рекомендацию Сокову давал Сидоркин Евг.М., входящий, по словам Георгия Михайловича, в пятерку лучших графиков мира. (Но тут же скромно добавляет «Мы просто были знакомы, не более того...») А то сейчас любят приписывать себе в закадычные друзья людей знаменитых. Особенно после их смерти)...

Признана и общественная деятельность Георгия Михайловича. С 1987-го по 1996 год – в очень не простое и для многих из нас, и для искусства время – он был председателем областного отделения Казахского фонда культуры. И в эти трудные годы шел сбор образцов живописи, графики и скульптуры авторов из Казахстана, ближнего и дальнего зарубежья. В общей сложности – свыше 2000 произведений искусства, переданных областному краеведческому музею. Спустя четыре года – в 2000-м Соков был награжден премией Акима области «За выдающиеся достижения в сфере культуры и искусства». (Георгий Соков... с.53). Имя костанайца Сокова вошло в элитный справочник «Кто есть кто в Республике Казахстан. 2004 - 2006», изданный в Алматы в 2008 г.

Но, наверное, главная награда Сокова, как и любого художника, любого создателя, – это возможность работать для людей, быть увиденным и услышанным, именно как творец. И, думается, в этом смысле труд Георгия Михайловича награжден сполна. Любящим искусство костанайцам хорошо знакомы его многочисленные выставки. Но не только им. В числе других казахстанских художников он участвовал в выставках и конкурсах в Алматы, Москве.



Польше, Румынии, Италии, Франции, Бельгии, Люксембурге, Аргентине. Его работы – в музеях Казахстана, России, (Там же, с.53). Украины.

При этом Соков не просто не обойден вниманием СМИ. Перелистайте различные издания не только местного, но и республиканского масштаба - и вы почувствуете дыхание тех, кто, соприкоснувшись с миром соковского творчества, ощутил с ним духовную близость. Напомним читателю только один штрих, небольшой фрагмент, из статьи, опубликованной в «Казахстанской правде» 10-го июля 1998 г. Автор статьи, Светлана Ягмурова, замороженно писала: «Соков поразил меня удивительной гармонией земного бытования, переведенного в поэзию красок.

Буднично и возвышенно, реалистически и по философски глубоко осмысленно переносит он на холст простоту и сложность бытия. А за кажущейся простотой каждой отдельной работы, будь то «Подсолнухи», «У крыльца», «Воскресенье», «Поцелуй» и другие – своя философия, свой взгляд на мир, желание не навязать его, но помочь понять этот «прекрасный и яростный мир». А это уже свидетельство духовной работы их автора.» («Старый дом», «Подсолнухи» и «Весна священная» Стравинского... - Каз. правда... с.12.) И, конечно же, умение и желание видеть. И мастерство. На иные из соковских портретов, например, «Портрет матери», равно, как и любимых им скакунов, можно смотреть часами. И только ли на них?

Так откуда же он родом, каковы его корни? Думается, что об этом, как и о судьбах тысяч других наших земляков, именитых и не именитых, можно было бы написать не один роман, не уступающий по масштабам, драматизму и накалу страстей шолоховским «Тихому дону» и «Поднятой целине». Однако мы здесь ограничимся лишь пунктиром, касающимся, не перестающего изумлять, переплетения человеческих судеб.

Предки Сокова пришли в Казахстан из России и Украины. Дед по отцу был из Владимирской губернии. При Столыпине он вместе с тремя своими братьями – все портные – ветром истории был занесен в Костанай,



тогдашний Николаевск. Здесь встретил уральскую казачку, и будущий отец Георгия Михайловича родился уже в Костанае (Николаевске). Домик деда, по словам Георгия Михайловича, и сегодня еще можно увидеть на нынешней улице Пушкина. Мать же художника была родом с Украины, из-под Полтавы (откуда в свое время прибыла на костанайщину и семья моего деда по отцу). Бабушка Сокова была полячкой. Первый ее муж был родственником знаменитого польского писателя Генрика Сенкевича. После же его смерти она вышла замуж за деда Георгия Михайловича. И, как тесен мир! – Дедушка будущего художника учился в гимназии (что для тех лет уже само по себе немало) с замечательным писателем. В.Г.Короленко. По словам Георгия Михайловича, у деда даже было собрание сочинений Короленко с дарственной надписью автора. Но, увы, с переездами, оно оказалось утерянным.

Так случилось, что первым мужем матери был украинец. В 1937 г., его, как говорили тогда, «забрали», то есть арестовали. Спасаясь от возможных преследований – благо широка была воспетая в песне родная страна – мать «бегом» перебралась к сестре под Костанай (чуть ли не в Пешковку – опять-таки, показательное совпадение: Пешковка – родина уже моего отца), а потом и в сам город. Здесь ее деятельность была связана с хлебом. Работа и познакомила с будущим отцом Георгия Михайловича, а дочерей ее сделала сводными сестрами будущего Костанайского художника. Отец Георгия Михайловича был старше его матери на 11 лет (он 1900. а она 1911 г. рождения).

Труд родителей был не просто нелегким (а какой подлинный труд бывает легким?), но и нервно-напряженным, и очень ответственным, да еще сопряженным с разъездами. Потому-то и родился Георгий Михайлович в вагоне, в Озерном, где мать была в командировке. И было это 29 января 1941 г., за считанные месяцы до начала одной из самых тяжелых для наших народов войн. Новорожденного, закутав, как только могли, на санях привезли в кустанайский (тогда еще именно кустанайский, а не костанайский) роддом, находившийся тогда в здании, где сейчас располагается «Алау»...



Но вот войска вермахта вторглись в СССР. Отца, среди множества других, призвали в армию. Мать проводила его на фронт. Но отца, которому тогда был 41 год, вернули прямо с вокзала. Воюющей стране были нужны не только пули и снаряды, но и хлеб. Нужны были кадры для хлебозаготовки. Потому-то отец и остался в Кустанае.

«Военное время – страшное дело, - вспоминает художник. – Зерно заставляют брать. Оно горит. Ответственный – как на иголках.» К тому же в разъездах не до гигиены и «правильного питания». Приходилось и с этим бороться.

Жили бедно. Соседи – по частным дворам. В основном женщины без мужей. Большинство мужчин-то на фронте. При этом было немало многодетных. Но как-то держались друг за друга.

Школьные годы Сокова начались в четвертой начальной школе Кустаная. Здание сохранилось и поныне – за «кооперативным техникумом». Но сейчас это – «частная собственность». Затем учеба продолжалась в 10-й школе им. Кирова – прочно сделанном длинном одноэтажном бывшем купеческом здании, разрушенном еще в советские годы.

«Рисовать я начал, - рассказывает Соков, - с тех пор, как себя помню. Если только это можно назвать рисованием», - шутливо добавляет он. «Серьезно же - с Никифоровым Александром Ивановичем, родившимся в 1914 г. В следующем, 2014, будет его столетие. Занятия проходили в маленькой комнатке. Возрастных групп не было. Но, как говорится, «в тесноте, да не в обиде». Ребятишки к нему – Никифорову – тянулись, как к отцу родному. У него был дар...» (Запись 2013 г.)

После окончания школы в 1958 г. работал бутафором-оформителем в театре. Случилось так, что художник театра Кляузер был знаком с Никифоровым (да и как бы им, занимавшимся близким делом не быть знакомыми в таком маленьком городе?) и по рекомендации Никифорова взял Георгия. Взял на «самые низкие работы» подкрасить, оформить и т.д.

Показательно, что здесь, как и в иных случаях, рассказы Сокова дышат самоиронией, которую может себе позволить



только человек реального дела. Таков и Соков: мастер карандаша и кисти не любит рисоваться. Зачем изображать из себя что-то, если за тебя, и без вычурных слов говорят твои собственные дела?

Но вернемся к судьбе художника. После работы в театре он был призван в армию, трехлетнюю службу в которой, наряду с последующими студенческими годами вспоминает, как светлое время жизни – ведь обрел столько друзей на долгие годы! Служил в стройбате, в Казахстане. Но служба была своеобразной: ни подъема, ни отбоя. передвигался свободно. А почему? Помогали навыки будущего художника. Рисовать умеешь? – Вот и «прихватили». Так что «я собственно и не почувствовал этой армии». Как стройбатовец, был в подчинении инженера, занимаюсь стенгазетами, плакатами: «Не стой под стрелой» и т.д. Получали мы и зарплату Часть ее высчитывали за питание и обмундирование, часть отдавали на руки, а часть – откладывалась на личный счет. Так что кое-кто после службы в армии мог купить и мотоцикл – вещь по тем временам престижная. К сожалению, так случилось, что именно в годы армейской службы ушел из жизни отец, которому было лишь 63 года, и встретиться с ним довелось уже лишь на похоронах, куда, естественно, Сокова отпустили. А годы-то были грозowymi – время Карибского кризиса, когда мир, как сообщают ныне, висел на волоске над бездной мировой войны.

Что же касается Георгия, то после службы в армии он поступил в четырехлетнее Алма-атинское художественное училище им Н.В.Гоголя, где окончил театрально-декорационное отделение. Работал в русском театре драмы. Но работа в штате была не по характеру вольнолюбивого Сокова. Предпочел работать по договорам, когда приходилось отвечать лишь за конкретно сделанную творческую работу. Среди подготовленных Георгием Ивановичем спектаклей и те, что ему довелось делать вместе с Павлом Штифманом – брызжущие энергией и не стандартностью пьесы, собиравшие переполненные залы. Павлом, к сожалению, рано ушедшим из жизни и похороненным на израильской земле,



где ему делали, подарившую несколько лет, операцию на сердце.

Соков же, не порывая окончательно с театром, искал новые горизонты и в буквальном, и в переносном смысле этого слова. Ныне он известен и как живописец, и как создатель эскибрисов и эстампов... Но стена его тесной мастерской и по сей день украшена разнообразными масками, напоминающими о театре.

Что же касается расширения горизонтов в географическом понимании – расширения очень значимого для художника – то и здесь есть, о чем вспомнить. Еще студентом с группой друзей колесил по Средней Азии. Был в Самарканде, Бухаре, Ташкенте, еще не полностью восстановленном после землетрясения, боли которого потрясли тогда весь Союз «Озверевшим штакетником вмята женщина в стенку! Помогите Ташкенту! Помогите Ташкенту!» - восклицал молодой А.Вознесенский, выражая тем самым общее чувство боли огромной страны. А молодой Георгий не засиживался. С друзьями же обошел немалую часть центральной России – пешком. «Ходить было легко. Деревни близко друг от друга. Не как в Казахстане. Ночевать пускали охотно. Летом на сеновалах со свежей соломой было чудесно».

А лет 30 назад оказался первый раз за границей. В круизном плавании по Северной Европе. Выйдя из Ленинграда, прошли через Стокгольм. Осло, Копенгаген, Глазго Рейкьявик. Во Франции уже автобусами добирались до Парижа. Больше всего своей экзотикой запомнилась Исландия. В памяти художника остался и забавный случай, говорящий о том, как все не просто с «языками». На корабле был человек. Возможно. остепененный. Во время плавания он повторял французские стихи, желая блеснуть ими при встрече с французами. Такой случай представился. Организовали традиционную встречу. Стихи были прочитаны. Французы дружно похлопали. Правда, потом сказали: «Как эмоционально читал! Но, извините, мы не поняли, что же он говорил!»...

Через 10 – 15 лет Сокову посчастливилось побывать уже в Мексике, а в 2012 г. – в Италии. И все это – не просто



поездки, а творческие рейды, оставляющие после себя десятки произведений.

Как и ряд иных его собратьев по творческому цеху, Георгий Михайлович не только работает сам, но и учит молодежь. С 2000 г. он «преподает рисунок и живопись в педагогическом колледже». Шутит: «Одиннадцать лет я этим занимаюсь... Но какой я педагог без пед. образования?» Собеседница тут же вставляет: «Педагогическое образование – гений», на что художник отвечает со свойственной ему самоиронией: «И не меньше. Своим студентам поручу: табличку пусть ночью при жизни повесят: «Гений». А внизу подпись: «Не подходи. Убьет!»

Впрочем, надписи есть и сейчас. На стене мастерской. Например: «Чтобы мы были свободны, но не одиноки». Замечательная надпись.

Или такая, шутливая: «Врежем, чтобы резалось. Вмажем, чтобы мазалось».

Всем своим видом, поведением, словами, самоиронией Соков ненавязчиво, а совершенно естественно, словно дыхание, демонстрирует свою обыкновенность. И это так показательно. Ведь в эпоху пиара мы уже начинаем забывать, что необыкновенность, нестандартность должны являть только дело, творчество, а не эпатаж, скандалы и все прочее, что к творчеству, как таковому, по сути своей отношения не имеет.

Сокову же достаточно того, что он сумел сделать. Интереснейший портретист. Автор серии работ, связанных с «Мастером и Маргаритой» (работ, предыстория которых – это уже отдельная глава) и многого иного, он и интересный собеседник. Ведь художник, а особенно художник театральный, не может не быть знаком, причем основательно знаком, с литературой. Хотя, конечно же, у любого из нас такое знакомство всегда избирательно. Для Сокова такими, избранными им вехами в его духовной жизни, стали М.Булгаков, Стругацкие, Кафка, А.Платонов... Из композиторов - особо вспоминает Стравинского. Ведь еще курсовая работа была связана со знаменитой «Весной священной», с которой приходилось знакомиться, прослушивая пластинки.





И, конечно же, он - Педагог с большой буквы. Одно из свидетельств этого – постоянные букеты цветов и искренне теплые слова его учеников на выставках, проходящих в родном городе художника.

Случайно ли? – Думаю, что нет. Я лично с огромным уважением отношусь к педагогическим вузам. Но Учитель – это не тот, кто знает наизусть учебники педагогики, а, прежде всего, - живущий своим делом Мастер, которому есть, что передать. И кому передать...

Совершенно естественно, что что-то в творчестве Сокова, кто-то может принять, а кто-то – нет, точно так же, как то, что что-то кому-то будет более, а кому-то – менее близким. На то, оно и творчество. Но именно творчество. И такие творческие люди всегда украшают тот город, ту страну, в которой они живут и творят

#### Приложение.

Хотелось бы надеяться, что в будущем книга подобного рода будет снабжена и приложениями, которые, не втискиваясь в узкие рамки авторского текста, в то же время позволяют полнее представить личности тех, кому посвящены очерки.

Один из образцов такого рода – показательные четверостишия - подписи Георгия Сокова к своего рода графическим работам, к его картинам, которые мы с разрешения автора воспроизводим здесь, к сожалению, пока без самих художественных миниатюр. Четверостишья очень простые по форме, но полные философской глубины. Прикосновение к ним неожиданно для меня самого нарисовало образы кувшина и блюдца. Есть стихи, да и проза, напоминающие блюдечко: и расписано причудливо, и по форме изящно, а кроме горстки сушек или нескольких кусочков рафинада, ничего в нем не уместить. А есть кувшины. Даже безо всякой росписи они могут стать сосудами, из которых пить и пить. Пьешь – и для тебя уже не важно ни что на их поверхности, ни были ли кем-то еще вылеплены кувшины подобной формы. Главное - что, прикоснувшись к ним, ты не чувствуешь себя басенным журавлем, приглашенным в



гости к лисе. Последние, то есть кувшины, мне напомнили строки Сокова. Строки, по своему, очень профессиональные. Читаешь – и даже не верится, что они написаны казахстанским художником, а не выдохнуты столетиями самой Истории. Впрочем, судите сами...

Основа – самоутвержденье  
В полете стрел, в порывах ветра.  
Не слышим предостереженья-  
В одной цепи стрелок и жертва.

\* \* \*

Летим, спешим стреле во след,  
Как будто, обогнав, успеем стать мишенью.  
В теченье многих сотен лет  
Ведем бессмысленный бой с тенью.

\* \* \*

За горизонтом цель – не взвесить, не измерить,  
Но острая стрела сорвалась с тетивы.  
«Поспешный выстрел» скажете. Увы...  
Лишь тот стреляет, кто в свой выстрел верит.

\* \* \*

Вся жизнь в кругу, и круг – основа,  
Но выпустит из круга нас земля.  
Мы рвемся ввысь, но знаем: снова  
Вернемся на круги своя.

\* \* \*

То радость, то беда кружатся каруселью.  
Но не имеет человек судьбы иной.  
За миг беспечного веселья  
Мы платим вечною войной.

\* \* \*

Аркан над головой свистит опять.  
И путь наш, то короче, то длиннее.



Рискнуть, почувствовать, увидеть, разгадать...  
С годами риск пьянит нас все сильнее.

\* \* \*

Ушла стрела, и лук осиротел.  
Но ненадолго, в этом будь уверен.  
А у стрелы – единственный удел –  
Ее избранник век ей будет верен.

\* \* \*

Сюрпризами для нас судьба полна-  
То глубина, то риф, то снова мели.  
Не тот убит, кто выбит из седла,  
А тот, кто и в седле не видит цели.

\* \* \*

Размах, удар, и пена на клыках –  
И человек, и конь испытывают страх...  
Порой победа, вызванная страхом,  
Нам обернется жалким крахом.

\* \* \*

Вернулся мир в свои круги,  
Затихли недруги, враги.  
На час, на день или на век...  
Что будет завтра, человек?

\* \* \*

По кругу горизонт – и весь в огне.  
Ты на коне, но не в седле.  
А там за кругом – благодать и тишь..  
Стремишься вырваться,  
Но сам уже горишь.

\* \* \*

Апокалипсис. Мчимся в шквале.  
В огне. В космической пыли.



Сметая все, что создавали.  
Вновь создавая, что смели.

\* \* \*

Глоток свободы, жаркий, как горячка.  
Глоток свободы в этой дикой скачке.  
Глоток свободы, в нем покоя нет.  
Глоток свободы в полной чаше лет.

\* \* \*

Живая плоть одной планеты:  
И человек, и зверь, и конь.  
Жизнь не дает простых ответов.  
Мы познаем их через боль.  
(Степные всадники, Костанай, 1999)



## **Учитель – это судьба?**

БАРАБАНОВ В.Н.

Учителя гордятся тем, что некоторые ученики становятся крупными деятелями науки и искусства, генералами и акимами. Но гораздо важнее воспитания таких «звезд» не привить остальным ученикам отвращения к учебе. «Работайте любуясь», - говаривала скульптор Вера Голубкина.  
Барабанов В.Н.

Так ли это? Попробуйте ответить сами, познакомившись с Владимиром Николаевичем Барабановым, уже в 17 лет познавшим, что такое труд школьного педагога, да так и прикипевшим к школе. Откуда такая тяга к педагогике, неотделимой для него от творчества в самом прямом смысле слова? И сколько еще в одной лишь нашей области



таких учителей, для которых работа с детьми и творчество неотделимы? И как причудливы ручейки их судеб, судеб их родителей, дедов и прадедов! Вчитайтесь в наши краткие заметки, которых не было бы ни без рассказов, ни без собственных записок самого Барабанова, и подумайте: а что знаете Вы сами о ваших собственных корнях, о судьбах Ваших близких либо о тех, кто в школе открывал Вам дорогу во взрослую жизнь?

Сам Владимир Николаевич Барабанов родился в конце мая 1957 г. в целинном совхозе «Крымский» ныне Денисовского района. По отцовской линии судьбы его предков были связаны с казахстанскими землями еще с 18-го века. Предки отца входили в казачье войско, расположенное на территории нынешней Семипалатинской области. В станице Долонь. Один из них, по словам Владимира Николаевича был в составе казачьего отряда, сопровождавшего знаменитого путешественника Пржевальского. Прадед, хорошо зная казахский и русский, бывал в случае необходимости толмачом. Дед, затянутый водоворотом Гражданской войны, то воевал за красных, то против своей воли оказался в рядах белых, откуда благодаря смекалке смог ускользнуть вместе с горсткой товарищей в дни, когда «палач Семиречья» Анненский оказался у Джунгарских ворот и жестоко расправился с теми, кто не готов был следовать за ним.

Жизни же родителей самого Владимира, «хватило бы, - как он пишет, - на целый роман». Рожденный в 1924, отец, как и дед Владимира, сполна вкусил горечь войны. Но уже Второй мировой. Был рядовым - «автоматчиком». Два ранения и контузия (последний осколок гранаты был вынут лишь в 1954 г., через 10 лет после ранения). Да еще две медали: «За отвагу» и «За победу над Германией». Мать же – киевлянка, на год моложе отца. Буквально накануне германского нападения с группой молодежи на теплоходе посетили «Тарасову гору», связанную с именем великого украинского поэта. Вселым было гулянье. А утром... послышался гул самолетов. Теплоход затонул в результате бомбежки. Пришлось с огромным трудом возвращаться домой. И сколько же было потом мытарств! Попадали в



облаву и вместе с подругой Оксаной были отправлены немцами в госпиталь, где их разули и раздели до рубашек – чтоб не убежали – и заставили стирать бинты. Работы было непочатый край: госпиталь переполняли раненые и мертвые немцы. Подруги сумели, добыть сапоги и сбежать. Но на окраине Киева их остановил окрик. Фонарик высветил немецкие сапоги на ногах у русских девушек. Повезло, что остановивший был поляком, и не злобным. Немцы бы, по его словам, за такое не пощадили бы. После новой облавы девушки были отправлены в Германию. Оксана сумела ускользнуть через дыру в дощатом полу вагона, а будущая мать Владимира и еще трех детей не успела.

Так она оказалась в концлагере неподалеку от Бухенвальда. Когда его старший брат служил в Германии, то, - по рассказу Барабанова, – «палатка его, согласно карте, оказалась на том месте, где прежде стоял барак – лагерная обитель матери. Особенно тяжелыми в неволе были последние недели, когда за проволоку согнали множество людей, оставленных без пищи вместе с детьми. Да еще и американская авиация налетела. Собрав обрывки белых одежд, выложили на земле белый крест – бомбить перестали. Вскоре же появились советские танки. А с ними и еда, которой, не задумываясь, стали делиться солдаты. Но вот тут-то и наступило самое страшное: изголодавшиеся люди стали умирать, получив неконтролируемый доступ к пище. Горькая история, известная и по послеблокадному Ленинграду. Однако будущая мать – Полина Николаевна – выжила, хотя, как и прочие была крайне истощена: 42 кг весу при 176 см роста. Выжила и вернулась на Украину. Там в 1945 и вышла замуж за его будущего отца Николая Георгиевича. (Знаменательное совпадение: именно так звали уже моего дедушку, расстрелянного вместе с бабушкой во время оккупации г. Глухова).

Правда, и на послевоенной Украине не везде был мир. Поэтому из-за «разгула бандеровщины» молодые супруги уехали в Семипалатинскую область. «Там долго жить не пришлось из-за начала ядерных испытаний». Легкие на подъем молодые снова переехали – теперь уже в Керчь.



Но и здесь минувшая война продолжала преследовать их. Старший брат Владимира – Георгий – шестилетним мальчишкой как-то притащил немецкую гранату с деревянной ручкой. Отец, желая продемонстрировать смертельную опасность находки, отвел мальчика к оврагу и швырнул туда гранату. Раздался взрыв. Но у мальчишки, сказавшего, что знает, где еще есть, лишь возбужденно загорелись глаза. И сколько же таких мальчишек с любопытными и беспокойными глазами подрывалось тогда в Крыму! Да и только ли? О трагедиях такого рода мне не раз приходилось слышать и в годы раннего детства в Эстонии, где я сам прямо во дворе как-то раскопал заржавленную обойму, впрочем, оказавшуюся совершенно безопасной. Но не всякие находки были таковыми. И родители – от греха подальше – решились на новый переезд. Теперь уже на целину. Так они и оказались в «Крымском», названном так потому, что был основан комсомольцами из Крыма. Там самом, где и родился Владимир. Хозяйство оказалось одним из передовых и отец, рядовой шофер, уже «на гражданке» заслужил, по словам сына, две медали ВДНХ и орден «Знак почета». Мать же большую часть времени была занята четырьмя детьми и потому трудилась дома. Из жизни она ушла в 2002, а отец и в свои 89 лет еще достаточно бодр и подвижен.

Владимир же с раннего детства увлекался рисованием. Казалось бы, кто не тянулся в свое время к карандашу и краскам? Но Владимир сохранил эту страсть на всю свою жизнь, хотя стезе художника-профессионала предпочел деятельность педагога. Как уже упоминалось, случилось так, что работать в школе начал в 17 лет – преподавателем ИЗО, черчения и физкультуры, почти не отличаясь возрастом от старшеклассников. Это было непросто. Но удалось справиться. Зато школа села Антоновки была для своего времени прекрасно оборудована, что тоже значило немало. Через полтора года оказался в армии, куда стремился, как и многие парни того времени. Тогда как-то считалось, причем отнюдь не на официальном уровне, что мужчина, не прошедший армию, и не совсем мужчина. В армии пол года был рядовым, а полтора – замом командира команды



учебно-летнего отдела и парашютно-десантной службы летного училища. Стал отличником ВВС. Но еще больше гордости за то, что в его подразделении не было дедовщины. Кто служил в свое время в армии, знает, что это такое. Впрочем, укладка парашютов – дело жизни и практиковать дедовщину там, где особенно нужна надежность соседа, – дело крайне рискованное...

Вернувшись «на гражданку» прямо в форме пошел сдавать документы в КГПИ... Поступил на отделение «классической русской филологии», как тогда его гордо именовала, работающая и поныне В.Н. Жаркова или, выражаясь иначе, «на факультет невест». Учился с наслаждением. Впитывать знания, да еще бесплатно, было истинным удовольствием. Несмотря на раннюю женитьбу – еще в студенческие годы – и сопровождающие ее материальные, да и иные проблемы, окончил вуз без четверок. И не потому, что стремился к оценкам, а так само собой получалось, чем и опроверг утверждение одного из тогдашних мэтров. что «женатый студент – не студент».

После Костанайского пединститута, успешно закончил четырехлетнюю учебу на художественно-графическом факультете Аркалыкского педвуза (в костанайском тогда такой специальности не было).

Год проработал и художником. Но в целом вся дальнейшая жизнь оказалась напрямую связана с педагогической деятельностью. Здесь и преподавание литературы и русского языка, и работа в младших классах. В последние же тридцать лет Владимир Николаевич работает в школе-интернате для детей с нарушением слуха и, наряду с этим, двенадцатый год – в областной школе для одаренных детей – «Озат». Предметы, которые он ведет, пожалуй, требуют не просто специальной подготовки, но, пожалуй, и особых качеств. В интернате №4 это ИЗО, черчение и кружковая работа. В «Озате» – МХК (мировая художественная культура) и основы инженерной графики. На занятиях активно используется то, что сделано и делается местными художниками. Часть уроков проводится и в областном краеведческом музее, и в выставочном зале, который стал





настоящим подарком Костанаю, сделанном городскими и областными властями и всеми, кто оказался причастным к его возрождению. Сам Барабанов знает и наших художников, и их работы так, как знают только близких людей. Его можно было бы назвать мини-энциклопедией художественной жизни города. Как же это здорово, когда не общими фразами, а наглядно, конкретно пестуется у учеников любовь к своему краю, возвращается умение ценить то достойное, что создано именно на твоей родной земле!

А внешнее признание, признание руководства и т.п. – это уже то, что не всегда напрямую зависит от наших собственных трудов. Но, если есть труды, то, как правило, и без этого не бывает. Не обошло признание и Баранова. Как вспоминает сам Владимир Иванович, в 1992 году «был в первый и последний раз «удостоен награды» (естественно, не считая грамот) – «Отличник народного образования РК». Поскольку же времена и формы наград изменились, то, как он сейчас шутит, «стал обладателем не существующей сегодня награды». И в своих записках добавляет, что его никогда не интересовали «признание и репутация». (если иметь ввиду их внешнюю сторону). «Честь дороже репутации. Стремился и стремлюсь работать честно, то есть выполнять лично намеченное, а не успешное в глазах других людей».

Конечно же, такого рода люди могут быть шероховаты и не всегда удобны для начальства. Не случайно, как иронично заметил Барабанов, его ответная речь после памятной награды не вызвала особого восторга у вышестоящих. А и сказал-то он очень просто: «Я заслужил награду. Но очень жаль, что получаю ее один. Как гласит восточная мудрость, если хочешь погубить человека, то награди его одного при всех». Хотя, наверное, для Владимира Ивановича, как и для любого, кто связан с образованием, тренерской работой, главная награда – ученики. В его конкретном случае – это то, что дети с проблемами, будь то нарушение слуха или, наоборот, рано подмеченные дарования (что тоже ой как не просто) в результате учебы оказываются как можно более подготовленными для сложнейшей взрослой жизни. Более адаптированы? -



Баранов так не считает: «Я ненавижу слово «адаптация». Это для животных. Это они приспособляются к окружающей среде. Человеку же подходит «социализация». Что ж, здесь есть, над чем подумать. К тому же, прикосновение детей к ИЗО, к миру художественной культуры - важнейшее средство развития полнокровной личности. И при этом совсем не обязательно, чтобы в будущем увлекающиеся рисованием дети, обязательно стали художниками. Как пишет сам В.Барабанов в одной из своих статей, «достигнутое путем занятий изобразительным творчеством не аннулируется. Оно проявляется, и порой довольно мощно, и в других сферах приложения интересов».

Однако отдельные ученики (а таких никогда не бывает слишком много) не ограничиваются этим, а становятся профессионалами, достигшими уже собственных высот в творчестве. Так, бывший интернаговец Сайгофаров Флорид в реабилитационном центре России получил специальное художественное образование, потом – специальные курсы по ювелирному делу. Ныне он, живущий в Челябинске, член Союза художников России. И он не единственный, кто связал свою жизнь с художественным творчеством. Так, впервые за 75 лет существования интерната его выпускник А Турсынбаев выбрал профессию учителя рисования и ныне является студентом 3-го курса художественно-графического отделения. КГПИ. А выпускница интерната №4 Глеубаева Алтын к 2013 г. стала студенткой четвертого курса колледжа и до сих пор приходит консультироваться к Владимиру Николаевичу, который прекрасно знает и язык жестов и дактиль - азбуку на пальцах, хотя, выражаясь профессионально, и «общается с учениками преимущественно посредством устной речи».

А разве не подарок, когда после одного из уроков по литературе, посвященного Беймбету Майлину, подходит школьница и говорит: «Спасибо за урок»? На недоуменный же вопрос учителя, почему она подходит одна, вроде бы незаметно от других, отвечает: «Я его внучка». И, наверное, не меньший подарок, когда полученное в школе, продолжают хранить и спустя годы после ее окончания. Владимир



Иванович – этот высокий и худощавый человек в очках с темной оправой – внешне типичный «сухарь» с какой-то особой нежностью показывает увесистую, заполненную убористым почерком тетрадь – фундамент живых школьных уроков и добавляет, что подобные тетради, фактически справочники по инженерной графике, создают и сами школьники. Причем они помогают им и в дальнейшей учебе. Например, Асель Б. взяла свой «справочник» в Лондон, и там он пригодился не только ей, но и однокашникам «со всех пяти континентов». И это дорогого стоит.

А за всем этим постоянно ищущая мысль, статьи и афоризмы, многие из которых я лично мечтал бы увидеть и на страницах газет. Ведь учитель, будь то младшая, средняя или высшая школа – это айсберг, а урок, лекция, семинар лишь тогда смогут стать хотя бы относительно полнокровными, когда они – только вершина айсберга. И основы айсберга – переработанные лично знания и собственный опыт. Макаренко, Сухомлинский, да и иные их коллеги с громко прозвучавшими именами, возможно, прежде всего, интересны не своей исключительностью, а как раз тем, что они наглядно явили нам всем мощь и практическую значимость этого сочетания основ айсберга. И, думается, было бы очень неплохо, если бы газеты могли чаще доносить читателю опыт наших собственных учителей, будь то афоризмы, эссе, статьи, фрагменты дневниковых записей или что-то иное. Жизнь не стоит на месте, и рожденное у нас, на нашей земле, может быть не менее ценно, чем опыт классиков. Ведь это то, что нам подсказывает нынешняя жизнь, наше настоящее.





## Просто библиотекарь

ДАВИДЕНКО Т.И.

Тамару Ивановну я помню еще студенткой-заочницей Кустанайского пединститута начала семидесятых, хотя сама она считает, что мы встречались еще раньше – в мою бытность студентом этого же вуза. Что ж, у женщин память на первые встречи (даже, если они не романтические, а деловые) гораздо лучше. В основном же она мне помнится, как библиотекарь, прежде всего, работник читального зала этого же вуза. Должен сознаться, что библиотеки и их сотрудники – моя слабость. Библиотекари же библиотек провинциальных – это вообще особая порода, особый тип блекнувшего ныне вида гомо сапиенс, именуемого на русском языке интеллигенцией. Работающие на выдаче книг сотрудники столичных библиотек, включая и библиотеки МГУ, предстают перед читателем, как люди-функции. В идеале они четко обеспечивают выполнение заказа. Примерно так же, как кассир супермаркета, которому не до личных отношений с покупателем. Сотрудник же провинциальной библиотеки – это еще и собеседник, и консультант, заранее знающий, что можно предложить именно Вам лично. И, конечно же, организатор, если хотите модного словечка – модератор тех форм человеческого общения, которые у нас принято называть скучноватым словом «мероприятия». Иными словами, даже работающий на выдаче книг «провинциальный библиотекарь» в своей деятельности зачастую куда более полифункционален, чем такого же рода сотрудник большой столичной библиотеки. Это – не работник конвейера, а со-творец и тех, кто вступает в мир Взрослых Знаний, и тех, кто стремится войти в мир, именуемый наукой.

Замечательный образец таких людей для меня, на протяжении целых десятилетий своей работы в пединституте являла и Тамара Ивановна Давиденко. Всегда найдет что-то новенькое, причем «в тему», подскажет, отложит, если не успеешь забрать книгу сразу, не говоря уже о том,



что в фондах библиотеки она всегда себя чувствовала, как рыба в воде. Хотя, как увидим вскоре, Тамара Ивановна, как личность, интересна далеко не только этим. Но, думаю, что для нас, казахстанцев, здесь существенно не только это. Краткий очерк судьбы провинциального библиотекаря – это одна из черточек общего, исторического по своей сути портрета провинциального интеллигента.

Особенность же именно северо-казахстанской интеллигенции в многокрасочности ее палитры и разнообразии этнокультурных корней. И в этом отношении Тамара Ивановна тоже являет собой типичный и при этом показательный образец. Родилась она июньской ночью послевоенного 1949 года в одном из сел Урицкого, ныне Сарыкольского района Костанайской области. А вот предки ее родом из Украины. Отец ее, 1922 г. рождения, – был родом из села Подильки Сумской области. Мать (1926 г. рождения) – из Кировоградской области. Местом ее рождения стала станция, а позже – город Павлыш. Поэтому ее довелось учиться в школе, которая впоследствии была прославлена на весь Союз тем, что там работал учитель и автор широко известных в свое время книг Сухомлинский.

Отец Тамары, как и многие из его поколения, был опален Великой Войной. Война эта застала его 19-летним матросом Тихоокеанского флота. Окончив к тому времени десятилетку, он считался среди сослуживцев одним из образованных, и к тому же был мастером на все руки.

По словам дочери за 7 лет службы (с 1940 по 1947 г.г.), он «побывал во всех крупных операциях» Советского флота «на Тихом Океане. Участвовал в знаменитом Курильском десанте... За эту операцию, пишет она, - папа был награжден Орденом Красной Звезды (посмертно)». Домой, на Украину, пришла похоронка. Но он выжил. Второй раз он уже «пропал без вести во время боя с японским эсминцем. Пропадшим без вести» считался весь экипаж противолодочного катера «Рьяный». Но группе моряков удалось спастись, выбравшись на крошечный песчаный островок. Уцелеть им помогли японские рыбаки, поделившиеся с моряками «скудными запасами пресной воды и пищи» и подсказавшие,



как укрыться от возможной встречи с самураями. (1, сс.688 - 689). После благополучного завершения этой драматической эпопеи Иван Семенович «за спасение своего командира ... получил орден Отечественной войны» (Там же).

После демобилизации вернулся на родину, в Сумскую область, где, по словам Тамары Ивановны, его ждал «жесточайший голод» послевоенных лет (1, с.669) Он поехал в Казахстан, где его уже ждала одна из сестер. Там и встретил будущую мать Тамары – Раю Заику. Оба осели в поселке Златоуст. Здесь, в местной школе, бывший моряк проработал 41 год, 17 из которых - директором и завучем. «О том, каким он был человеком и учителем, - по воспоминаниям Тамары Ивановны, - говорит такой случай...» В 62-м году в районный центр Урицк на его 40-летний юбилей пришла посылка из далекой Чечено-Ингушетии, от «чеченца, которого папа учил русской азбуке в начале 50-х, когда в ... поселке жили ссыльные чеченцы». (1, с.670). «В ней лежала каракулевая шапка, а сам ящик был доверху засыпан орехами». Такая память учеников дорогого стоит.

Видным человеком на селе была и мама. Она работала и секретарем сельсовета, и воспитателем в интернате. Да и в Казахстане оказалась не случайно, ее отец Иван Емельянович Заика побывал в поселке еще совсем молодым – в 1907 году. Через двадцать лет, в годы голода, расшвыривавшего людей по огромной стране, вернулся на Украину. Но в 1946 г. снова оказался в Казахстане. На прежнем месте, где тогда был колхоз им. Молотова. Работал почтальоном. И хотя не имел ни одного класса образования, не только возил, а и читал газеты на русском языке. А казахам еще и переводил на казахский, демонстрируя тем самым владение тремя языками: украинским, русским и казахским. Его лучший друг – аксакал, проживший более ста лет, за то, что Емельянович развозил вести, прозвал деда Заику Узункулак, то есть длинное (Большое) Ухо.

Казалось бы, такое вступление слишком длинно. Но оно чрезвычайно важно для понимания и духа того времени, и того, почему девочка из «казахстанской глуши» потянулась к знаниям, сохранив эту тягу на всю свою жизнь.



Судя по словам дочери, отец ее был человеком разносторонним и технически грамотным. «После демобилизации (он) свободно обращался с любой техникой от велосипеда до машины, владел навыками электромонтера и радиомастера, умел подковать лошадь и смастерить любую мебель»(1, с.667). И при этом прекрасно танцевал. Неплохо разбирался в живописи, которую очень любил. В доме этого сельского учителя «были огромные палки с репродукциями картин» из знаменитых музеев. Он любил музыку и поэзию. Наизусть читал стихи на русском и украинском языке (1, с. 668).

«У нас, вспоминает Тамара Ивановна, - у одних из первых на Целине было радио – «Москвич». Звучали радиопостановки, музыка... Вслух читали книжки. Выписывали «Огонек», приложение к «Огоньку». «К чтению как-то особенно не приучали». Но сама домашняя атмосфера рождала тягу к книге. А жившая в семье маленькая, горбатенькая тетушка, будучи замечательной швеей, пела за работой украинские и русские песни.

Не удивительно, что и Тамара в школе была из тех, кого называли «активистками». Она постоянно танцевала в различных ансамблях. И еще ей запомнились школьные экскурсии 1963 года в настоящие, большие города: Курган и Свердловск. Еще раньше, в 1957 г., с семьей побывали в Москве, где работал папин брат. Там, отстояв очередь, впервые купили шолоховскую «Судьбу человека». Но Москва сельской девочке не очень понравилась: показалась слишком большой и шумной.

Окончив школу, Тамара поступила в Кустанайское педучилище. Это был второй набор. Учили четыре года, и вся учеба была нацелена на подготовку сельских учителей. Занятия были очень интенсивными. Организованы были не в форме пар, а уроков. Зачастую по 8 уроков в день. Помимо так называемых «базовых» предметов изучалось еще очень многое. Во-первых, основы сельского хозяйства. Ведь учителя должны были работать в селе. А как преподавать, если Вы не знакомы с азами сельской жизни? Во-вторых, рисование и графику. Один семестр графику даже вел



известный кустанайский художник-педагог Никифоров А.И. Историю же русского искусства читал выпускник Суриковской академии Самойленко А.П.

Изучали и музыкальные инструменты. Тамаре выпал баян. Спустя десятилетия вспоминает, как на госэкзамене сдала на четверку «Полонез Огинского». Но с тех пор баян ни разу в руки не взяла. «Для меня баян был каторгой».

Обязательны были и занятия спортом, причем с получением спортивного разряда. Для Тамары такими разрядными видами стали, входившие в легкую атлетику бег и прыжки.

Училище стало и тропинкой к дальнейшей личной жизни. После второго курса, как это нередко было принято, Тамара оказалась в стройотряде. Таких стройотрядов тогда было множество по всей стране. Случилось так, что в харьковском стройотряде заболела девушка, которая должна была работать вожатой. (В те годы каждому стройотряду полагалась вожатая для работы с местными детьми). Так Тамара попала именно в этот стройотряд. Здесь и познакомилась с будущим мужем - Станиславом, уже отслужившим армию студентом Харьковского университета, который сначала был командиром отряда, а потом и командиром районного штаба. Интересно, что и этот небольшой, поджарый человек, сохранивший завидную стройность и после 65, был родом из Краснодарского края, то есть тоже с глубинными украинскими корнями, хотя, как известно, Краснодарский край относится к РФ.

В начале семидесятых Тамара Ивановна уже студентка Кустанайского государственного педагогического института, с которым оказалась связанной основная трудовая жизнь и ее супруга, и ее самой. Увлеченность работой не помешала созданию семьи (2). Тамара Ивановна родила трех дочерей, которые оказались очень интересными, хотя и совершенно разными по роду деятельности людьми. К тому же уже в 43 года она стала бабушкой. И внушки, особенно младшая Варвара, тоже предмет ее гордости и забот.

Казалось бы, уже одного этого достаточно для серьезной повести о нашем современнике. Но нет. Тамара Ивановна человек импульсивный и увлеченный. С детства она любила загадки (3). И так, случилось, что именно





загадки, но уже повзрослевшие, придали ее, уже взрослой жизни, совершенно новое звучание. В 2002 г. при научной библиотеке Костанайского государственного педагогического института был создан читательский интеллектуальный клуб «Эрудит», тренером команды которого и стала Тамара Ивановна Давиденко. «Игры-тренинги проходят в клубе еженедельно в виде викторин, брейн-ринга, интеллектуальных разминок, где не просто даются ответы на заданные вопросы, но тщательно разбираются пути поиска ответа, выстраиваются логические цепочки». Увлеченность и систематичность принесли свои плоды. Костанайские эрудиты стали чемпионами РК «сезона 2010 – 2011 гг. «Наградой победителям стал именной президентский грант на обучение в размере 50 тыс. долларов каждому. Ребятам (выпускникам школы «Озат» Марии Макаровой. Санжан Мукатовой и Меирбеку Жагышару) было предложено обучение в престижнейшем вузе страны – Казахстанско-британском техническом университете» (4).

Но успехи успехами. А жизнь продолжается. Продолжаются встречи с интересными книгами и людьми, и, конечно же, увлеченные занятия с эрудитами, которые в наше меркантильное время уже годы тянутся к Тамаре Ивановне, к интеллектуальным играм, прежде всего, из любви к познанию, к движению самой мысли, И эта тяга – наверное, самый большой ее трудовой успех. Хотя можно ли назвать просто трудом то, что делается с такой любовью и увлечением?

#### Литература.

1. Давиденко-Валюх Т. Дважды убитый. Они прошли через войну. Книга 3. – Костанай, 2004.
2. Семье Тамары Ивановны и ее супруга была посвящена специальная статья-беседа с их дочерью Оксаной – преподавателем физики и общетехнических дисциплин в КГПИ. ( Оксана Телегина. «В большой семье большие плюсы» -Костанайские новости., 2013, 30 мая, с.16.
3. Чего не может робот? – КН, 2013, 31 января, с.15.
4. Эрудиты из школы «ОЗАТ». – Зеленое яблоко. 2011, 20 сентября, с.2.



## «Почетный бич города Костаная»

ЛОСКУТНИКОВ В.А.

Так самоиронично величает себя Владимир Александрович Лоскутников, известный в городе и как переводчик, немало поработавший с иностранными фирмами, и как человек, причастный к литературной жизни Костаная. Конечно же, никакой он не бич. Живет вполне цивилизованно, и лишь колоритный облик с то отрастающей, то укорачивающейся бородой выдает в нем бывшего геофизика, проводившего немалую часть дней своих вне собственного дома.

Владимир Александрович родился 28 апреля в городе Костаная – «в республике Горбаня», то есть в стороне от центра. Как и многие иные, он – дитя сплетающихся в стремительном танце вихрей истории. По отцовской линии – целый ряд кузнецов. Дед по отцу – кузнец. Был из породы не стелящихся. Расстрелян 10 октября 1938 г. Еще до Берии, при Ежове. Правда, позже пришла бумага о реабилитации, которая хранится до сих пор. Прадед тоже был кузнец. А еще более дальний предок – Антон Лоскутников, по словам Владимира Александровича, в 1745 г. основал город Куртамыш. Так что, «как биологический вид Лоскутниковы водились только на Урале и в Забайкалье». Но выселения и переезды несколько расширили «ареал» их обитания, а, рожденный в 1922 г., отец со временем стал школьным учителем.

Его армейская жизнь началась в 1942 г., в Чебаркульских лагерях Челябинской области, где он проходил военную подготовку. «Вроде бы его планировали оставить инструктором». Как-никак учитель. Но... «погавкался» с замполитом и добровольно отправился на фронт. Попал «в курортную местность под Тверью, где целые месяцы «отдыхали» в болотах. Воевать начинал минометчиком в артиллерийском дивизионе. После передышки в неглубоком тылу сражался и на Курской дуге (как и мой собственный отец, начинав-



ший свой боевой путь именно там). Свое ответное наступление на том участке фронта, где довелось сражаться отцу Владимира Александровича, наши начали арт. огнем. Таким мощным, что от высокого берега, занятого противником ничего не осталось. А там сразу – до Харькова, «почти без сопротивления», которое-таки ожидали.

За Днепром был ранен. Сам виновен. Командир батареи позвал, а боец и побежал. Не пригнувшись. Пуля попала в ногу. Вроде бы в мякоть. Не опасно. Но уже в Перми эту раненую ногу спас от ампутации молодой хирург. И лишь в 1960-м, когда началось нагноение, потребовалась новая операция. Интересно, что в Перми, в палате, где лежал отец, было и два пленных немца...

После выздоровления отца Лоскутникова ждал «турпоход по Германии и Польше». Начальниками «турбюро» у него были Рокоссовский и Баграмян. Сам же конец войны застал его на Зеландском полуострове под Кенигсбергом. Здесь он еще в феврале 1945 г. попал под обстрел немецких кораблей, и спустя годы уже его сын Владимир сумел прочесть в немецкой военной литературе, какие именно корабли обстреливали его отца. В конце-концов, «немцы просто устали воевать». Отец был свидетелем того, как сквозь редкий строй советских автоматчиков шли массы немецких солдат, сваливая наземь горы оружия. Утром командир батареи возвестил: «Наша война кончилась». Подле него уже был ящик водки, и каждому, независимо от чина, полагался заветный стакан.

Оказавшись же в Силезии, отец как-то защитил немецкую семью от чересчур ретивых любителей трофеев.

А вот летом 45-го совершил «вредительскую акцию» в одном из колхозов. Вернувшись одними из первых в колхоз, отец и его два сотоварища присели поутру с гармонью, да так заиграли, что шедшие на покос бабы побросали косы и пустились в пляс. Председателю колхоза пришлось увещевать: «Что это вы. Покос сорвете...» К концу 1954-го по приказу Сталина всех учителей и агрономов демобилизовали.

До 1948 г. отец работал учителем в школе Тогузака. Потом в областном статуправлении. «Дорос» до замести-



теля... Позже – совнархоз, затем трест «Кустанайстрой». Ушел на пенсию заместителем управляющего по экономическим вопросам. (Мать отца во время войны работала в швейной мастерской на Урале. Бойцам нужна была форма).

Предки же по материнской линии – с Украины. Дед по матери из запорожских казаков, что ушли на Слободскую Украину (Харьковская область). Казаки были еще те. Прадед Мосьян был пять раз женат, прошел три войны и имел множество ранений. Но прожил 80 лет. Когда же испустил свой последний вздох, то под подушкой у него нашли недопитую бутылку (естественно, это была не минералка).

Кумом его был польский шляхтич Василий Таранский. «Так что, у меня голубая кровь», - шутит Лоскутников. «Тоже идейный» - любил выпить. Умер от пьянства еще молодым, и его дочь оказалась в приюте. «Так как они никогда не встречались при жизни (казак и шляхтич), это позволило появиться на свет и мне», - шутливо добавляет Владимир...

Дед по матери до революции был сельским писарем. Затем добывал уголь на шахте. С ноября 1917 г. был большевиком. Председателем военно-революционного комитета уезда. Он упомянут в изданной на украинском языке книге по истории городов Украины. Во время же Гражданской при отходе красных ему случилось поздней осенью переплыть Донец. Там заработал ревматизм. Но прожил до 80. После нее едва не погиб из-за доноса. В годы же Великой отечественной был комиссаром дивизии. Но не на фронте. «Настоящий большевик. Честный. Простое жилье. Простая койка. А вот книги любил и собирал».

«Интересно, что бабушка по отцу была православной, а дед – атеист. Но в воспитании одно и то же: не воруй... Вся мораль шла от крестьянской среды, трудящихся. Тут не важно, каким цветом, что будет крашено». Важно, что с детства заложено. «Мне повезло. Застал старых большевиков и фронтовиков-победителей. Победители еще молодые были. Это не правда, что фронтовики не рассказывают о войне... Но надо уметь слушать».

А как же сам Владимир? В школу пошел в Кустанае. Это была 12-я, ныне художественная школа. Хорошая школа



и учили хорошо. «Но у меня более яркие воспоминания от института». Что до жизни в целом – «где у меня было что-то не так – сам виноват. Где повезло, знаю людей, которым должен сказать спасибо».

Что до увлечений, то с детства околдовали языки. Совсем еще маленьким взял в руки немецкий словарь и готов был заплакать: должны же эти знаки читаться! Но поступил не на иняз, а в Свердловский Горный институт. Закончил. Места работы мелькают, как в калейдоскопе. «Я же летун. Как весна – лопатки чешутся - крылья растут». И в самом деле, где только и кем не работал Владимир! Сразу после школы неделю был бетонщиком в Куйбышеве при строительстве моста через Волгу. Потом, до института, еще год работал техником мед.аппаратуры, где и научился пить неразбавленный медицинский спирт. Горькая школа, которая и Владимира, как и очень-очень многих, включая самых талантливых, могла довести до катастрофы. Ведь алкоголизм – это болезнь, которую не скинешь с плеч, как рюкзак, стоит только этого пожелать. Но уже не Владимир, а Владимир Александрович, сумел остановиться и сегодня не берет в рот ни капли. Потому-то и его рассказ записывался в сопровождении мороженого с шоколадной крошкой, а не, казалось бы, подобающей для такого случая бутылочкой приличного вина.

Если же вернуться к работе, то он трудился и геофизиком магнитогорского картонажного отряда (в задачу которого входило исследование скважин), и инженером-исследователем в институте горного дела. Потом – снова геофизиком, но уже в партии «нерудного сырья», нацеленной на поиски материала для строительства. Затем инженер-стройтреста, слесарь второго разряда по ремонту дорожной техники. Намеревался освоить ремесло токаря...

Но тут магазину «Океан» понадобился переводчик, и Владимир Александрович, который увлекался языками, как хобби, оказался востребованным. Нет смысла перечислять иные места его работы. Стоит только упомянуть, что некоторое время он был редактором – переводчиком местного «25-го канала» и наряду с этим внештатным корреспон-



дентом газеты «Кустанай» Последние же годы и, уйдя на пенсию, живет, занимаясь переводческой деятельностью. По его словам, «если живьем», то есть, если говорить о контактах с реальными людьми, то ему довелось работать с использованием немецкого, английского, итальянского, испанского, португальского и румынского языков. Приходилось работать с чехами и болгарами. Письменные же переводы с использованием словарей вел, наверное, на трех десятках языков.

И при всем при этом Владимир Александрович давний поклонник Слова. Очень много читает, особенно фантастики. Перечел на языке оригинала и массу немецких мемуаров и иных книг, посвященных Второй мировой. Долгие годы он был близок со многими поэтами Костаная. Пишет сам и стихи, и прозу. Пишет традиционно, без изысков, без той «езды в незнаемое» в поэзии, о которой сказал когда-то Маяковский. Какие-то строки, образы, как, например, «огонь кинжальный», пожалуй, выросли из уже рожденного до него. Какие-то места, особенно в прозе, наверное, можно шлифовать. Но в целом - удивительная для «любителя» мастеровитость. Мастеровитость, напоминающая мне воспоминания одного русского революционера – замечательнейшую вещь, написанную не модерново, но добротным русским языком и захватывающую самым материалом, который сам по себе настолько интересен, что не требует литературных «инноваций». Но сила Лоскутникова не только в этом. Его владение словом неотделимо от чувства – от того, чего так часто не хватает молодым и одаренным эквилибристам слова и звука. Ему есть, что сказать. И это сказанное проходит сквозь сердце. Я же, как человек, который когда-то прикоснулся к истории, неожиданно думаю: а что было бы, если бы именно стихи Лоскутникова среди очень немногих дошли до наших потомков, как, скажем, дошли горсти обожженных глиняных табличек Востока? Не показались ли бы они, равно, как и другие безыскусные (что не означает «неискусные») строки для Человека Будущего более интересными, чем иные громкозвучные писки моды – от черных квадратов



до выставочных рядов кирпичей, писсуаров и иных строчек, возвращенных в пробирках того, что порою принято называть «собственной индивидуальностью»?

Но не будем гадать, а прикоснемся к написанному Владимиром Александровичем. Одна из центральных тем его стихов - тема войны. И это – не дань моде. Война вошла в него встречами с людьми, теми встречами, которых было так много у каждого из нашего поколения, но которые столь немногие сумели так, как он, вобрать в себя. «Я помню, - пишет Лоскутников, - Анатолия Алексеевича Козырина, заведующего нашей выпускной кафедрой, бывшего на фронте всего дней десять и вернувшегося на третий курс Горного доучиваться уже без обеих ног. Он командовал батареей «катюш», и не его вина в том, что немецкая артиллерия накрыла батарею. Как сейчас, вижу его, красного от натуги, поднимающегося на костылях по лестнице из подвала. Он категорически запрещал нам помогать. Он должен был делать это сам.

Татарин Равиль. у которого с сорок четвертого так и не зажила рана на ноге. Всю жизнь болела, текла... А он плевал на нее и ездил на охоту и рыбалку. Павел Николаевич Коченов, военный летчик. Прошу прощения у немцев за то, что в Германии я похвастался, что знаю человека, прекрасно разбирающегося в топографии Берлина. Бомбил он его в сорок пятом. В институте Гроного дела я работал вместе с бывшим полковником Гаммовым, который в апреле сорок пятого ходил парламентарием в ставку Гитлера. Я видел живым Мелитона Кантарию и от него из первых уст слышал его рассказ, как шли они с Егоровым на крышу Рейхстага, неся знамя победы, знамя той дивизии, что уходила из моего Кустаная на фронт...»

Вот это-то чувство причастности к живой истории, воплощенной в реальных, а не киношных людях истории, и вошло в строки Лоскутникова о войне. Это и «Солдат», и «Взвод», и «... Батальон ушел. Теперь он прав. Деньги. слава, поиск жизни сладкой... Что ему? Он просто знал устав». Знал, и шел навстречу огню – «И меняли белый цвет хрустальный стылые московские снега». Думается, что последними строчками могли бы гордиться многие



именитые поэты. Но весь пафос стихов не в том мужестве, что воспевалось столь часто. Пафос этот дышит сегодняшней горечью и гарью, оставшейся от сожженных Нашим временем идей и идеалов: «Не один (из павших) бы нынче не был принят в пышный блеск ухоженных квартир».

Где им! Тут все пропито, убито,  
И спектакли пышных похорон  
Лгут о жизнях, якобы прожитых.  
Если б уцелел тот батальон!

Той же горечью дышат стихи, написанные вроде бы о совсем ином:

Люди уезжают. Уезжают люди.  
И бреду я молча улицей чужой...  
Пашка в Тель-Авиве, а другие – дальше.  
В тихую квартиру будет не войти.  
И никто не скажет: «Куришь ты все чаще.  
В лоджии ты лучше потолок копти».  
(На лоджии бы лучше потолок коптил Ю.Б.)  
Больше не уколют злой иль доброй шуткой,  
не блеснут задорно рыжие глаза.  
В прошлом остаются славные минутки.  
Город опустевший, а в глазах – слеза.  
Похороны словно в каменных трущобах.  
А над дачей небо - словно в те года.  
Только ее нету. Есть одни сугробы.  
Это умирают наши города.

Конечно же, последние годы показали, что наши города сейчас не умирают. Но сколько же людей, сколько близких и просто знакомых оказалось захвачено постперестроечным вихрем нового переселения народов, когда миллионы устремились за пределы тех стран, в которых они жили так долго! И как грустно знать, что многих, очень многих из них уже никогда не увидишь. И это-то чувство и передано в стихах. Чувство, которое не занять взаймы, если только оно не вошло в тебя вместе с самой жизнью. Пишу это и невольно вспоминаю стихи одного знаменитейшего и замечательного поэта: «Куда бежишь беженка...» Какие холодные строки постороннего!. Видимо, и большой талант,





и мастерство виртуоза не всегда способны заменить то, что не прошло через собственное сердце.

В самодельном сборнике Лоскутникова есть и лирика. Традиционно написанная и при этом пронзительная («Грусть», «Уходит женщина...» и немало иных). Есть и очень простые, но берущие за душу стихи: «У меня был рыжий, лохматый, веселый пес», пес, которого задавил автобус.

Наверное, для историка будущих лет было бы интересно и что-то из лоскутниковской прозы – ведь и это крохотные частицы нашего бытия, которые, не останови мгновение строкой, исчезнут навсегда в потоке лет. Как человека же, меня лично зацепил «Сурок» с его извечной драмой живых существ, гибнущих ради чьих-то мимолетных развлечений.

Но Лоскутников не только лиричен, а и ироничен. Эта ироничность постоянно сквозит в его разговорах, в громко-голосости и напористости, обволакивающей внутренний мир мягкого по своей сути человека. Вот, например, лукаво выглядывающие с чинных страниц стихи об объявлении:

На стенке листочек маленький:

«Меняю жену на валенки.

Машину, а также дачу

За нею даю впридачу.

Возьмите же, ради Бога,

Зло с моего порога!»

Может быть, не любила?

Может, пилила часто?

Не в меру была горластой?

В общем, совсем нередко

Лучше жены – соседка.

А сколько иронии и самоиронии в «Холостяках», которые могли бы читаться и в солидном литературном журнале. Прикоснемся лишь к отрывку: «Беда с женщинами. Поэтому у меня жесточайший домострой. Женщина должна знать свое место. У меня прежде, чем за веник взяться, она должна себя с лучшей стороны проявить. Взять веник в руки – еще заслужить надо! Если ты зашла в дом, сядь и сиди. Кофе я тебе сам подам. А то ведь до чего дойти можно!



Как-то зашла ко мне знакомая, когда у меня еще железной дороги своей не было. Я ей говорю: «Подожди минут десять. Я в магазин». Вы и представить себе не можете, что способна натворить оставленная без присмотра женщина за такое короткое время! Возвращаюсь, а она уже на кухне! Рот до ушей, довольная, и тащится, как слон. Паутину она веником поснимала! Пауки – они от мух защита. И сколько им теперь надо времени, чтобы все восстановить? А она у меня тут в нарушение всех законов зверствовала

«А теперь ты что испортить собираешься?» – спрашиваю.

«Пыль хотела вытереть». – «Какую пыль? Я тут в прошлом месяце вытирал... Ты в гости пришла? Вот и гости...»

Ну, нехорошо им, когда, например, лежат под столом пара пустых сигаретных пачек и черновики! Да уже больше года они никому не мешают. Зачем их трогать?...»

Думается, что еще ждет своего часа и друг-сосед Лоскутника – «гуманоид», то есть кот, характер и подвиги которого так и просятся на бумагу. И в самом деле, как не описать, пусть и в тысячный раз, одного из этих хвостатых, которые, наверняка мнят себя хозяевами жизни, а в двуногих видят прислугу, призванную угадывать их собственные прихоти? – Ведь сам Владимир Александрович знаком с этими прихотями не понаслышке, покупая практически каждый день «Китикэт». Да не какой-то, а специально подобранный.

Особенно же примечательна, достойная, по крайней мере, Интернета шутливо-пародийная всемирная история, доказывающая, что «человек разумный появился в Кустанае». Согласно всем требованиям серьезных научных игрищ история эта снабжена солидным, хотя и соответствующим ее духу, списком литературы.

Таков этот нестандартный человек, сын участника войны, чей внук, оказавшийся волею Истории в побежденной некогда Германии «собираются служить в бундесвере». Таково и наше время. Суматошное. Путаное. Но интересное.



## Творчество - философия жизни

ЛУГОВОЙ С.Д.

Сергей Дмитриевич Луговой - известный в нашей области художник и дизайнер. Он из тех, кого обычно называют представителями «среднего поколения» костанайцев, причастных к художественному творчеству.

Луговой - уроженец Костаная, который в те годы еще именовался Кустанаем. Родился он 26 апреля 1955 года в семье работника МВД. Но так случилось, что предки его, как и многих других в нашей многонациональной стране, родом из Украины. Мама - из Сумской области, из того самого Путивля, который запомнился многим плачем Ярославны в «Слове о полку Игореве». Отец - из-под Харькова. К началу войны будущая мама Сергея оказалась студенткой Минского института физкультуры, и вместе с институтом была эвакуирована в Алма-Ату. Там она не только продолжила учебу, но и соприкоснулась со студией Довженко. Ей даже довелось участвовать «в массовке». Отец же к моменту вражеского вторжения в СССР - как раз в июне 1941-го закончил с отличием летное училище, и в годы войны был штурманом на бомбардировщиках «Пе-«2», о чем годы и годы спустя после войны рассказывал маленькому Сереже. Особенно запомнилось, как экипаж отца отличился, разбомбив в пух и прах немецкую переправу, перемолов при том немало вражеской техники. Когда, после этого, отцу предложили на выбор высокую награду или отпуск, он выбрал последнее и поехал в отпуск к родителям в только что освобожденный Харьков. Но и без этого наград на его груди хватало. Мамина же семья была эвакуирована в Кустанайскую область, в Урицк. Вот и получилось, что, встретившись со своей будущей женой на Украине, отец тоже оказался в Казахстане. Сначала в Урицке, где и родилась старшая сестра Сергея. Потом места работы менялись. Был и начальником колонии в Джетыгаре. По словам Сергея, «никогда ничего не брал, и зеки его уважали», даже заходили встретиться с ним после отбытия



срока. Затем переехали в Кустанай, где у них родилось еще трое детей. Четвертым по счету, но первым мальчиком и оказался Сережа. Поначалу они жили в одноэтажном казенном доме недалеко от Тобола. Мать обожала цветы, и Луговому на всю жизнь запомнились георгины, которые ему, мальцу, казались высокими, как пальмы. В целом же работа мамы в Кустанае оказалась связанной с Дворцом пионером, где она занималась с подрастающими спортсменами. Отчасти поэтому, а отчасти, чтобы мальчугана, после переезда в КЖБИ, не затянула «плохая компания», Сережу усиленно «тянули» в кружки. Он занимался и музыкой, и гимнастикой, и в авиамodelьном, и лепкой, а в седьмом классе попал к памятного многим выпускникам художественной школы замечательному педагогу Александру Ивановичу Никифорову.

Но вот дальнейший путь в «мир прекрасного» оказался далеко не устанным розами. Когда Сергей в восьмом классе поехал в художественное училище Алма-Аты, там его ждал «облом». Мама вроде хвалила. А вот вернулся - посмотрел на свои работы другими глазами и почти все изорвал. Год - не меньше не ходил в ИЗО. Но потом, в 10-м классе «притянуло все равно». По различным причинам ничем окончились и дальнейшие поездки в Алма-Ату, Киев и Московский полиграфический институт. Однако все это было уже в разные годы.

Луговой же, тяготея к искусству, после окончания школы оказался в областном драматическом театре, одном из лучших драматических театров Казахстана. Нет, не актером - рабочим сцены. Но уже эта работа дала возможность увидеть искусство с его «непарадной», «невыставочной стороны» и оказаться рядом с талантливыми и просто интересными людьми, которые (такие, как Колпаков), к тому же, бывали и потрясающими рассказчиками. Однако официальная работа оказалась лишь частью его жизни. В том же году юный Сергей стал участником первой городской выставки декоративно-прикладного искусства. Несколько позже Луговой поступил в Уральское училище прикладного искусства в Нижнем Тагиле, где и учился с 1976 по 1980 год.



Еще будучи студентом училища, он стал активно участвовать в различного рода выставках. Начиная прямо с первого курса. Там из него, что говорится «поперло». Занимался на отлично, выставки времен училища явились хорошим трамплином в будущее: по 6 выставок в год. Так что только к концу девяностых годов уже прошлого столетия его «послужной список» выглядел довольно солидным - уже к тому времени было за плечами более пятидесяти выставок (1), среди которых выставки не только в Костанае, но и Алма-Ате, Москве, Польше. Участвует в выставочной деятельности и поныне.

Собственно же то, что принято именовать «трудовой деятельностью», неотделяемой у художника от творчества, оказалось в целом связанным именно с Кустанаем, куда Луговой вернулся после окончания училища. Здесь он работал в мастерских художественного фонда, где наряду с коллегами «выполнял заказы по художественному оформлению» родного города. Им украшены такие здания, как Дом культуры «Строитель», Дом печати, педколледж и целый ряд других. Уже позже его дизайнерские проекты легли в основу оформления медицинского центра «Жемчужина», стоматологической клиники. Дизайном С.Лугового выделяются аптеки торговой марки «Цветная» (3, с.12).

О своей работе в художественных мастерских С.Д.Луговой отзывается с большим теплом: «Для меня они сыграли огромную роль. Там я нашел своих друзей по творчеству... Одной из первых моих работ стали 40 чеканок для кинотеатра Кустанай (ныне на его месте комплекс «Март» - Ю.Б.). Я (25-летний) – смог сделать их в короткие сроки благодаря поддержке опытного в этом деле Николая Гончарова...» «Мастерские позволяли художникам творить и одновременно зарабатывать. Когда я появился в мастерской в конце 80-х, там уже работали мои одногодки, около десяти человек, они занимались выставочной деятельностью, ездили в Москву. Алма-Ату (и не только). Чувствовалось движение. Работа была постоянно и у нас было достаточно средств для поездок на зарубежные выставки. Временами мы работали до часу ночи. Наши мастерские, вообще, мне



напоминали парижский «улей», куда со всех стран собирались художники... О том времени у меня остались самые позитивные воспоминания... (Вариант: «Время, что я там проработал, связано с позитивом»)

На вопрос же интервьюера, «а насколько тогда проникала в творчество советская идеология», Луговой начала нашего тысячелетия говорил: «Я никакого давления лично на себе не ощущал. Да и требований – это пиши, это не пиши – не было. Наоборот, мне довелось встречаться с людьми из власти, которые были неконсервативны. помогали мастерским, с уважением относились к художникам. Ни разу не замечал никакой чванливости с их стороны. Мне лично помогли приобрести... квартиру, из которой я сделал свою мастерскую. Причем никому никаких взяток не давал. Думаю, страх остался у людей на генетическом уровне, мол, идеология довлеет и прочее. Вероятно, со сталинских времен. Многие даже и не начинали возить свои работы на выставки за пределы Костаная. Мы вывозили, участвовали, и все проходило отлично...» (2)

В 1988 году С.Д.Лугового приняли в Союз художников СССР (секция «Графика»). Ныне же он является членом Союза художников Казахстана. Поклонник Сальвадора Дали, Луговой отдает дань творчеству этого знаменитого художника и в своих картинах. Сравнить, конечно же, было бы некорректно. Но хотелось бы заметить, что сквозь причудливое переплетение, подчас эпатирующих образов у Лугового зачастую более четко проступает рациональное философское начало, как, например, в картине с вилкой, воткнутой в плоть, расчленяемой земли (картине, ассоциирующейся сегодня с разделом бывшего Союза ССР, стала «Битва во вторник за среду»).

Известны и его пейзажные работы, а экслибрисы были отмечены на биенале в польском городе Мальбурге (Мальборге). За пределами Костаная известны и дизайнерские работы Лугового. Таково оформления Центра крови в Чимкенте. В период же, когда создавался современный облик московского нового Арбата Луговой, не будучи архитектором, был привлечен и к этой увлекательной работе.



В последние годы, в немалой мере и в связи со сложившейся ситуацией, и в связи с личными увлечениями, все более занимается дизайном. Для него дизайн – не только путь к достойному заработку, но и сфера деятельности, сопряженной с эстетическим освоением городского пространства, деятельности непростой и зачастую не стыкующейся с тем, что мы упрощенно называем рыночной экономикой. Не случайно эстетические грани нашей реальности наталкивают Сергея Лугового на критические размышления. Так, на вопрос о том, есть ли сейчас в Костанае здания, которые лет через сто – сто пятьдесят смогли бы назвать «памятниками архитектуры», он отвечает с заметными нотками грусти: «Однозначно нет. Потому, что в том, что построено за последнее время, мало архитектуры. Все эти новодельные здания похожи на ларьки, многоэтажные ларьки. Я понимаю, с чем это связано, людям нужно быстро построить помещение, в котором можно было бы торговать, и чтобы оно обошлось как можно дешевле. Но тогда подобные здания нужно как-то зонировать. А у нас получается, что вот эти магазины, лавочки и т.п. забили весь город, построены там, где надо и где не надо. Да еще и все хотят ближе к центру, проникая туда всеми правдами и неправдами. Чувствуется, что все это на скорую руку слеплено... То же касается и районов коттеджей, где все прячутся за высокими заборами. Может и есть где-то оригинальные и интересные дома, но их не видно, они не вписаны в архитектурный «рельеф» города» (3, с.12).

Кто-то может соглашаться с этими суждениями, кто-то спорить, но так или иначе, а в них пульсирует живая мысль, неотделимая от того, что можно было бы назвать философией творчества. Этой же философией творчества пронизаны и другие грани работы Сергея Лугового, наглядным подтверждением чего являются и его картины.

Показательно, что не только изображенное С.Луговым, но и названия целого ряда его работ имеют многослойный подтекст. Например: «Локон дамских волос в руке цирюльника» (1995). «Фея сна»(2000). «Вознесение» (2010), «Встреча с цветом» (2011), уже упомянутая «Битва во



вторник за среду» (1989), «В свете новых пирамид» (1999), «Падение лестницы, дающее возможность подняться на парящие облака» (1995), «Куриный божок» (1991) и другие. Даже название одной из его персональных выставок звучало так: «Между прошлым и будущим. Феноменология духа». И это не просто претензии на оригинальность, некую «философичность» с модным налетом. Сергей Дмитриевич по самому своему духу философ. В том древнем понимании слова, которое означает не внешнюю, формализованную образованность, не некую остепененность, а устремленность мысли и духа. Уже его интервью, естественно, ограниченные «законами жанра» ненавязчиво свидетельствуют об этом. В одном из них, касаясь собственных увлечений, Луговой роняет: «... Люблю, когда в обыденном есть рукотворность. Чтобы дать возможность человеку самому додумать, доделать. Заглянуть дальше завтрашнего дня». В другой беседе, на вопрос о том, верит ли он в судьбу с легким флером мимолетности, «гусарства», не лавируя, отвечает: «Верю. Вот ездил поступать в Киевский художественный институт. И работы там мои оценили по достоинству, и тетя у меня в Киеве жила, так что проблем с жильем не возникло бы. Но в день экзамена я вдруг решил, что в дождь на экзамен не пойду». ( В беседе с автором этих строк, та же история прозвучала несколько проще, но не менее занятно, если только здесь применимо это слово: совсем еще молодому Сергею почему-то показалось, что в субботу, да еще и в дождь, экзамена не будет). И, - продолжил он, - с каким-то непонятым чувством радости поехал на вокзал – домой. В итоге получилось так, что летом я не поступил в институт, а осенью уже женился... Правильно говорят, что на роду написано, то и будет...»

Не будем с этим ни спорить, ни соглашаться. Но так случилось, что в самом конце декабря 2013 г. в результате злосчастного стечения обстоятельств, когда машину Сергея занесло на встречную полосу, она в результате ДТП превратилась в груды металла. Сам же он остался цел и даже без серьезных травм. Опять судьба? – Что ж, если так, то, дай Бог, чтоб и в дальнейшем судьба была к нему не слишком жестока.





Но жизненно-философский настрой ума сквозит у Лугового не только в интервью и работах изобразительного характера. Художник, график, чеканщик и дизайнер пробует себя в слове – Слове с большой буквы.. И эти пробы, по своему, очень интересны. Думается, что вообще, именно на перекрестках видов и жанров творчества мы встречаем немало находок, либо, по крайней мере, того, что привлекает внимание, побуждает задуматься. Так, например, прекрасно рисовали и замечательный русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов, и великий украинский поэт Тарас Григорьевич Шевченко, а поэтическое творчество Андрея Вознесенского, которого судьба связала с Архитектурным институтом, оказалось насыщенным такими зримыми образами, такими виражами ассоциаций, которые ни с чем не спутаешь. Не сравнивая и не оценивая меру талантов, известности, успеха (ибо дело это щекотливое и не всегда стоящее, затрачиваемых на него усилий), попробуем сосредоточиться именно на процессе, на самой специфике взаимосвязей. У Лугового эта специфика – в движении мысли от кисти к слову, движении увлекательном не только для автора, но и для читателя. Зоркий глаз художника, глаз, приученный подмечать нюансы и видеть в частном, вроде бы мелком, существенное и достойное внимания, замечательным образом являет себя и при прикосновении к слову. Не будем, опять-таки, оценивать «значимость» литературных «мимолетинок» Лугового – это дело литераторов-профессионалов. Просто попробуем прикоснуться к нескольким фрагментам из его словесных зарисовок, где зримость, осязаемость, ненавязчивая философичность и слово слиты в единое целое. Вот, например, «Победитель», в котором краски слов неотделимы от графически очерченных зрительных образов: «Небо споткнулось. Упало на черный асфальт и деревья начали двигаться в зеркалах луж. Обворожительно неторопливо, а иногда резко. Как это делают наложницы,двигающие в танце бедрами под властным взглядом персидского шаха». Или вот, встреченные на улице мужчина и женщина, «одетые в стиле «распавшегося Союза»... А рядом – мимолетная зарисовка о месте, где художник «стал неволь-



ным свидетелем трагедии. Из-под кустов выскочила кошка, неся в зубах «спящую» птицу. Когда трусой она уже пересекала дорогу, две сороки сорвались с высокого дерева, преследуя кошку. Они громко трещали, пытаясь разбудить птицу, с осуждением покачивали в стремительном полете крыльями и грозили длинными хвостами. По большому же счету... они напоминали скорее двух ревизоров в белых рубашках с черными нарукавниками. Они обнаружили вора, но не собирались наказывать его.

Еще долго раздавались у меня за спиной их треск и гомон осуждений над терзающей птицу кошкой».

А вот еще несколько мгновений, несколько взглядов Художника, облеченных в слова: «Дом одевался в шубу из штукатурки.

Оголенные до пояса жилистые, лоснящиеся на солнце фигуры обильно роняли вниз цементный раствор и маты.

Июнь, стыдясь этого, посыпал все белым прахом тополиного пуха.

Он был везде... даже внутри, как те маты и жестокие мысли по поводу».

Вслушаемся, точнее, всмотримся в еще одну миниатюру – «Щебень»:

«Треск лопнувшей тверди, огонь и смола. Масса течет и смешивается, исчезает в черной глазури и мраке.

Бальзамируется твердь. Теперь она безмолвно ляжет нам под ноги.

А мы, подменив ее гордое имя Твердь, данное ей однажды Богом, заставляем служить нам, ищущим тщетно власти надо всем, что нас окружает».

Это уже философия. Философия, четко очерченного зримого контура Мысли и сросшегося с ней Слова. Завершить же это перебирание четок слов и образов хотелось бы фрагментом встречи «давнего знакомого» в мастерской художника: «До глубокой ночи мы сидели друг против друга, под тихим гудом неоновой лампы. Каждый из нас хотел напомнить о своем, казалось, очень значимом. Вспоминали и забывали прошлое, беспрестанно выпуская дым из тлеющих сигарет. Наш разговор качало,



словно морскую волну, притягиваемую мутным диском луны. Я смотрел на песчинки слов, выброшенных на берег моего сознания, обнаруживая в том определенную закономерность. Думается мне, что он испытывал то же самое. Казалось, он говорил то, о чем я думал до его появления. Эти чувства и ощущения томили меня последнее время, а я, наивный, стремился ускользнуть от них каким-то суетливым движением вперед

Стоя в огромном холле своей студии, среди дыр, которые создавали висящие картины, я говорил ему, что сквозь них сквозит давно прожитым мною, кажущимся теперь наивным и банальным, но сидящим во мне и по сей день. Впору бросить это занятие, так как, кажется, что живопись скупа и не в силах передать всей полноты чувств, наполняющих меня. Словно утопающий с соломинкой в руках.

Какое-то время промолчав, он продолжил: «А ты помнишь?..»

Может показаться странным: человек, которому столько удалось сделать – и испытывает «ностальгию» по иному – не сделанному и не пройденному. Но, может быть в этом и тайна творчества, тайна, связующая воедино и столицы, и заносимые пылью времени провинциальные городки и поселки? Тайна, кроющаяся в тяге к еще невыраженному, не явленному, не осуществленному? - Ведь только тот, кто «оседлан» этой тягой к созиданию, чувствует и, подчас, очень болезненно, сколь многое он не сделал, не свершил, из того, что, как ему кажется, и мог, и должен был совершить. Поэтому-то, быть может, «муки творчества», помимо всего прочего, это еще и постоянные муки выбора, муки предпочтения одного, содеянного, другому, которое не будет претворено в Нечто именно потому, что выбор пал не на него.

#### Литература.

1. Олексюк А. Сергей Луговой. О чем молчат камни. – Каталог выставки в областной библиотеке им. Л.Н.Толстого. – Костанай. 2009.
2. «Сергей Луговой: «Художник может заглянуть и в



прошлое, и в будущее». Беседу вел Николай Стадниченко.  
- Собеседник «КН».- Костанайские новости. 5 ноября  
2009 г

- 3 «Сергей Луговой: «Скучные дома создают скучные люди либо непрофессионалы». – Беседка. Ведущая страницы, Светлана Офицерова. – Костанай, 24 декабря 2009 г. Касаясь дизайнерской работы, связанной с аптеками. С.Луговой говорит: «... мне было предложено разработать новый бренд аптеки, создать определенный образ. И я решил сделать нечто позитивное. Получилась аптека, как такая коробочка для лекарства, но при этом яркая, жизнеутверждающая. К тому же, я внес познавательный элемент – за основу идеи взял картину голландского художника-концептуалиста Пита Мондреана. С одной стороны, это – пропаганда современного искусства, с другой – аптека узнаваема, ее не надо рекламировать дополнительно... А самое главное – из тех же материалов, что используют все, получается здание оригинальное и узнаваемое».



## **«Я ничем не выделялся»**

ТРУХАНОВ А.В.

«Я ничем не выделялся» - эти слова рефреном звучат в неспешной беседе с директором Дома Дружбы Антоном Владимировичем Трухановым. И в самом деле. Он всем своим обликом воплощает ненавязчивую образцовость. Образцовость без чудинок и привлекающих внимание особенностей. Средневысокий со своими ста восьмидесятью сантиметрами роста. Не сухопарый, но стройный, с изящной, однако не выглядящей хилой, фигурой двадцатилетнего, безо всяких намеков на положенный сорокалетнему руководителю авторитетный живот. Четко очерченные



черты лица. Небольшая голова, увенчанная, говоря трафаретным языком, зачесанными назад густыми, но в меру длинными волосами, к которым словно хочет, но так пока и не решается притронуться седина.

И это тоже тип одного из современных руководителей. Тип, который так не вяжется с привычно рисуемым воображением образом чиновного бюрократа. Впрочем, и нынешняя должность его – должность человека, имеющего самое прямое отношение не просто к руководству, но к культуре. А уже это нечто не совсем стандартное, и то, что вольно или не вольно выделяет руководителя такого рода из среды руководителей вообще.

Каким же оказался путь Труханова к Дому Дружбы, Картинной галерее и живой художественной культуре области?

С его личной точки зрения, путь этот был самым обычным. Родился Труханов 25 марта 1973 года в семье служащих. Но не в Кустанае, а знаменитом на весь Союз городе ткачих Иваново, где и провел начало первого года своей жизни. И это притом, что отец был уроженцем Кустаная. Как же это случилось?

Все объяснялось просто. Родители будущего Антона были послевоенными детьми. Отец родился в 1946, а мама в 1949 году. Отец был уроженцем Кустаная, одним из десяти детей. Шестеро были девочками, которые все умерли в раннем детстве в возрасте до двух лет. Да и из братьев Володя знал лишь двоих. Старший брат Владимир погиб на фронте в 1944 году. Его же, как и уже погибшего, назвали Владимиром, и сегодня в костанайском Парке Победы на стеле среди имен погибших в годы той страшной войны можно увидеть и Труханова В.И. (Владимира Ивановича) – родного брата и тезку отца самого Антона Владимировича.

Имевший строительное образование отец Антона в молодости работал на стройках. Но большую часть жизни проработал в горгазе – в качестве инженера и на других должностях «в различных структурах внутригазового хозяйства».



Мама же – урожденная россиянка. Ее собственная мать – бабушка Антона была из Ленинграда, где потом не раз довелось побывать и школьнику Антону, а дедушка его – из Иванова. Поскольку некоторое время в силу обстоятельств именно мамы родители были опекунами школьника Антона, было бы уместно посвятить и им несколько строк. Дедушка работал помощником мастера. Однако прежде – с 1939 по 1947 год служил в армии, откуда ушел «на гражданку» в звании старшего лейтенанта. В те годы званиями не разбрасывались, и это было немало. Достаточно заметить, что старшим лейтенантом закончил свою службу и мой собственный отец, совершивший 130 боевых вылетов. Дедушка же Антона начинал войну политруком. Иными словами, он был из тех, кому в случае плена едва ли удалось бы уцелеть. Пленных политруков враги не щадили. Но так случилось, что уже в начале войны он был тяжело ранен. Выйдя из госпиталя, стал командиром тяжелого танка «КВ». Ему довелось участвовать в уличных боях в Берлине. Но, как хорошо известно, город не лучшее место для танка. «КВ» был подбит. Три танкиста погибли. А дедушку Антона, возможно, потому, что он был на броне, отбросило на брусчатку. Он был даже не ранен. И когда Берлин был взят, участвовал в параде Победы, проходившем в бывшей столице Третьего Рейха. Как память о боевом пути остались воинские награды – медали, полученные не за выслугу лет, не за близость к начальству, а за участие в боях с самым сильным из противников, которых знала человеческая история.

Бабушка же работала на заводе текстильных машин. «Кем-то вроде товароведа». В связи с работой «объездила весь Союз» - от Прибалтики до Магадана. Рассказ об одной из таких поездок особенно врезался в память внука. Возвращаясь из Магадана, пришлось ехать в полупустом поезде, половину пассажиров которого составляли отбившие свой срок зеки. Были они, мягко говоря, не очень смиренными, так что многих из них прямо в пути взяли снова. Но ехавшая вместе с ними женщина пережила неподдельный страх. Да и мужчины в ее положении чувствовали бы себя не более, а, пожалуй, еще менее уютно.



Что касается мамы, то она у родителей была одна, а на ее выбор повлиял сам край. Свою жизнь она связала с текстильным производством. Она закончила Ивановский текстильный институт и приехала по распределению в Кустанайский камвольно-суконный комбинат (КСК), в просторечьи называвшийся комбинатом костюмных тканей. Предприятие это было молодым, но союзного размаха. Рядом с ним в Кустанае появился целый район с домами, садиками, магазинами, школой, Дворцом текстильщиков, район, который и поныне называется районом КСК.

Здесь она стала инженером-конструктором в конструкторском бюро КСК. Здесь же она встретила с будущим отцом Антона. Вышла замуж. За молодого человека из далекого от Иванова Казахстана. «Такая страна у нас была. Люди куда-то двигались (Пели же: «Мой адрес – не дом и не улица. Мой адрес – Советский Союз»). И двигались не просто так, наобум. Их обеспечивали на государственном уровне. А потом уже новостройки обрастали народом. Людскими судьбами».

Антон оказался единственным ребенком в семье. О детстве, как и у многих мужчин, каких-то отдельных сочных воспоминаний не много. Но осталась память чего-то светлого, не тягостного. Садик был рядом с домом. Друзья по садику были товарищами и во дворе, а потом и в школе, куда пошли всей компанией. Школа была двадцать второй. Там Антон учился в младших классах. Потом отец «вытянул счастливый билет». Его по государственной программе отправили на три года в Германию. Поначалу поехал туда один, а затем в Германию отправилась и мать Антона. «С детьми же, - вспоминает Антон Владимирович, - кажется, пускали только военных и врачей». Так, в пятом и шестом классах Антон оказался у дедушки и бабушки в Иваново, которые оформили над ним опеку. По совпадению, новая, российская школа тоже была двадцать второй. Школа, особенно для мальчика из степного городка, казалась необычной. Она была расположена в бывшем купеческом доме. Все привлекало внимание: большие окна, тяжелые двери, интерьер каминов. Напротив школы в одноэтажном



здании то ли складов, то ли конюшен, находился спортзал. Это было интересно. Представить только! Здесь жило когда-то несколько человек, а тут – целая школа!».

Что касается «вливания в новый коллектив», то и тут особых проблем не было. Зато из Германии приходили посылки, содержимое, которых казалось необычным, хотя, по сути, «то, чего сейчас валом»: жвачки, необычной формы конфетки, которые относил и товарищам в школу, игрушки, спортивные костюмы ярких цветов.

Из учителей наиболее запомнилась учительница немецкого, с которой сложились особенно теплые отношения. Она знала, что родители Антона в Германии. Сама бывала там, и это как-то сближало.

А вот на уроке литературы едва не оконфузился. Запомнилось задание: выучить восемь строф из «Песни о вешем Олеге» Антон не понял. Шутя выучил 8 строчек и отчаянно тянул руку. Да повезло, что не спросили. Выучить-то надо было гораздо больше. Но случайно ли запомнилось это, если через годы судьба Антона оказалась связана с литературой?

Сам Антон Владимирович этого не утверждает, а, как бы, между прочим, говорит: «Я не был плохим учеником. Но и о том, что был блестящим, не скажешь. В Иваново у ребят моей компании учеба особо не котировалась. У них были другие интересы».

Как бы то ни было, а заканчивая школу, учиться в вузе именно русскому языку и литературе Антон не намеревался. «Я скажу Вам честно, - говорит он, - Это случилось само собой. Никогда не предполагал, что буду филологом». Хотя читать любил. Дом с детства был заполнен книгами, которыми обменивались со знакомыми и друзьями. Особенно увлекался Антон историческими романами. Читал о Чингиз-хане, Спартаке, античности. Но, если диктанты еще писал на четыре – пять, то сочинения, «стыдно сказать», не любил.

После окончания школы пробовал поступить в Кустанайский пединститут на ОТД (отделение, где готовили будущих учителей труда и инженеров), но не добрал баллов.





Поэтому поступил на ПО – подготовительное отделение, иначе говоря, Рабфак. И вот там-то Лариса Николаевна Самошкина – преподаватель русского языка и литературы, открыла в будущем студенте склонность к литературе. Следуя ее совету Антон уже на ПО перевелся на литфак. После окончания ПО с поступлением не было проблем. «Учиться было приятно». К тому же, на пятьдесят человек четыре парня. Завершили же учебу только двое. Вторым был Николай Стадниченко, известный сегодня, как сотрудник региональной газеты «Костанайские новости». Курсом старше учился Николай Марченко, который со временем оказался в Москве и стал работать на «РЕН ТВ». Из девушек же (и это запомнилось!) шестерых звали Еленами. Что до парней, то «нас сразу взяли в оборот». Жизнь была насыщенной: мероприятия, КВНы, олимпиады.

А сколько было интересных преподавателей!

А как диплом?

Диплом был красным. И шутя, добавляет: «Ему было стыдно». Антон Владимирович, вообще, любит умный юмор, сатиру и острое слово. Среди его любимых писателей полный парадоксов Оскар Уайльд, Ильф и Петров, Горин, Жванецкий. К последнему и сейчас тянет прикоснуться в свободную минуту.

Когда же стал доступным «Самиздат», то в свое время было увлечение и Лимоновым, и Солженициным, потом Довлатовым. Это естественно. Новое и необычное «читалось в захлеб». Ведь интерес к литературе был живой, неподдельный. И он сохранился. Среди тех, к кому тянуло, особенно привлекал и привлекает В.Пелевин: «У него столько подковыристого юмора такого ироничного взгляда именно на современные процессы»... Поэтов же «серебряного века» Антон мог читать и перечитывать сотни раз.

Однако окончание вуза пришлось на тяжелые 90-е годы. Завершив вузовскую учебу в 1996-м, Труханов перепробовал разную работу. Был и водителем. И охранником. А потом объявили конкурс. Так Антон пришел на радио «КН», где и проработал несколько лет. Уже здесь было немало интересного, включая увлекательные встречи с самыми разными



людьми. Работал, да и продолжает сейчас работать диктором на областном телеканале. Не чурается приглашений участвовать в самых различных мероприятиях. Но главная нынешняя работа – это работа в Доме Дружбы, начавшаяся в 2009 году. Работа, связанная со множеством поездок, творческих встреч, живыми контактами с разнообразными представителями творческих профессий. Такова специфика этого дома, расположенного в угловой части старинного здания в самом центре Костаная. Открыт он был 7 сентября 2006 года. «... поздравить костанайцев с новосельем приехал президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев». В здании этом работают 17 этнокультурных центров. Здесь звучат музыка и стихи. Обсуждаются серьезные социальные проблемы и новинки местных авторов. И все это при неизменном участии Антона Владимировича, одного из самых «богатых» людей в Костаная. Ведь писал же великий Сент Экзюпери, что «единственная на свете роскошь – это роскошь человеческого общения». А если это еще и роскошь общения с людьми творческими, то что может быть дороже в мире, где деньги так легко теряют свою цену?



## Голос степи

АКЫЛБЕК ШАЯХМЕТ

Акылбек Кожаулы Шаяхмет, наверное, самый именитый, да и общественно активный из литераторов нашей области. Одни только звания, достижения, успехи в конкурсах, участие в громких делах можно перечислять и перечислять. И это, не говоря уже о самом творчестве. А ведь именно оно – стержень всего остального. Шаяхмет - автор тридцати книг, множества статей и стихов, один из тех, кто, говоря шаблонным, но в данном случае точным языком, занимал и продолжает занимать «активную жизненную позицию».



О вехах творчества и внешней оценке сделанного Акылбеком Кожаевичем написано много, но, естественно, и в этом кратком очерке мы вместе с читателем не можем не вспомнить самого заметного. Но представляется крайне важным, памятуя, что все мы «родом из детства», хотя бы бегло коснуться того, что погрузило Шайхмета в бурный мир журналистики и литературы. Родился он в середине прошлого века – 17 июня 1951 года в селе Забеловка Житигаринского (Джетыгаринского) района тогда еще Кустанайской области. Отец Акылбека Кожаевича был педагогом-математиком, преподававшим на казахском языке. Но так случилось, что в середине 50-х в целинном совхозе Пригородный (созданном в Забеловке) казахскую школу закрыли. Отец был переведен на отделение, туда, где сохранилась начальная школа на казахском языке. Школа была небольшая, и там отец будущего поэта стал одновременно и учителем, и завучем, и директором. Мать же топила и убирала школу, находя на это и время, и силы при том, что за годы совместной жизни стала настоящей матерью-героиней, родив девятерых детей. Так случилось, что маленький Акылбек потянулся к букварю своего старшего брата, рано начал читать и писать, и отец, пользуясь своим негласным правом директора, направил его сразу во второй класс – учиться вместе с тем самым братом Асылбеком, чей букварь стал для Акылбека первым проводником в чудесный мир знаний.

Правда, в детстве Акылбек поначалу мечтал совсем не о поэзии. Он хотел стать художником. Рисовал и воинов - сарбазов, и танки. Но, как шутливо вспоминает сам, «неодушевленные предметы» - деревья, танки, трактора у него получались, а вот с животными оказалось сложнее. Лошади выходили либо карикатурными, либо похожими на ослов. Но дело было не только в этом – ведь и сама жизнь несла в себе неожиданное.

Случилось так, что с пятого класса Акылбека перевели в казахскую школу-интернат в Джетыгаре. Тогда ему было лет одиннадцать. В девятом же классе год учился в русской школе. Да и общение в городе было в основном на русском



языке. Так Акылбек Шаяхмет (Шаяхметов) стал одним из тех многочисленных казахов, которые хорошо овладели двумя языками – и казахским, и русским. Однако неожиданный путь к литературе начался еще до девятого класса. Случилось же это так: в шестом классе стали преподавать «дойч». Среди сменявших друг друга преподавателей были и немцы, и выживший в нацистском концлагере еврей (люди, чьи жизни сами по себе достойны книги). Затем в школе появилась казашка, выпускница КАЗГУ, хорошо знавшая и русский, и немецкий, но не владевшая казахским. Естественно, она требовала, чтобы ученики переводили с немецкого на русский. Знавший уже тогда и казахский, и русский Акылбек стал в этом помогать и ей, и классу. По ходу дела мальчик перевел коротенькое немецкое стихотворение – и на казахский, и на русский. Учительница сказала: «Рифмы нет, но ритм чувствуется», и, по словам самого Акылбека Кожаяевича, настояла на том, чтобы он послал уже собственные стихи «Про степь» в «Казахстан пионеры». Так появилась его первая публикация.

Со временем Акылбек стал главным редактором школьных стенных газет, куда и сам писал и стихи, и статьи. Он до сих пор помнит их названия: «Айна» - «Зеркало», «Тикенек» - «Колочка», «Найзагай» - «Молния», «Мектеп правдасы» - «Школьная правда». В это время он стал и рабкором районной газеты «Авангард». В школьные же годы был впервые записан для получасовой радиопрограммы, где «рассказывал о своем житье-бытье» и читал свои стихи.

Достаточно крупный и атлетически сложенный Акылбек увлекался и спортом. Сначала боксом. Но, поскольку в той секции людей было много, перешел на вольную борьбу и сумел получить первый разряд, что по тем временам в любом виде спорта было немало. Стоит добавить, что в школе, где учился Акылбек, как и во многих-многих других, были и шахматы, и теннис. К тому же играть в шахматы Акылбека научил играть еще отец. Смышленный мальчишка и здесь был замечен. В классе седьмом или восьмом (сам Шаяхмет точно не помнит) его отправили на областную олимпиаду школьников, где он стал призером. Но главными



увлечениями продолжали оставаться литература и журналистика.

Вполне понятно, что, заканчивая школу, юноша твердо решил стать журналистом. Поэтому после выпускных экзаменов Шаяхмет отправился прямо в КАЗГУ им.Кирова (ныне им. Аль Фараби) – вуз известный в те годы во всем Союзе... Но, увы, первый же экзамен – сочинение – завалил, хотя в школе писал сочинения на отлично. И лишь позже Акылбек узнал, что виной всему стали не ошибки, а заковыристый почерк, из-за которого сочинение просто не стали читать: слишком уж нелегко было разобрать то, что в приемной комиссии сочли каракулями. Что поделать – почерк был Ахиллесовой пятой будущего известного литератора и журналиста. Бывало еще в младших классах даже отец из-за этого самого почерка мог поставить сыну жирную единицу. (Что ж, картина знакомая, автору этих заметок по той же причине – за корявый почерк – в школьные годы снижали отметки даже по математике)...

Вернувшись из Алма-Аты, молодой Шаяхмет стал работать чабаном в отделении совхоза Шевченковский. Но не сломался и свое увлечение не забыл. Через год его публикации начали появляться в печати, включая и областную газету, что котировалось тогда очень высоко. Юноша был замечен и стал литсотрудником - переводчиком единственной тогда в Кустанайской области двуязычной газеты. Это была районная газета Ауеликоля. Это было в 1968 г. Тогда же, в конце 60-х, стал участником республиканского совещания молодых поэтов и писателей, где один из авторов нынешнего гимна РК, тогда еще совсем молодой Жумекен Махимеденов «дал направление» и, более того, «сделал подстрочный перевод» стихов юноши из Кустанайской области. Акылбека отправляли в Московский литературный институт. Его материалы прошли творческий конкурс. Но, к сожалению, времени не хватало. Шаяхмет оказался перед выбором: остаться в Алма-Ате или ехать в Москву. Выбрал первое – КАЗГУ. Но мечта осталась. После окончания КАЗГУ вместе со своим другом, известным в те годы кустанайским поэтом



В.Корытным поступил в Московский литературный институт. Знаменательно, что обе дипломные работы – и в КАЗГУ. и в Литературном институте, были оценены на отлично. Но, конечно же, главным стали не оценки. Акылбеку Кожаевичу довелось вплотную соприкоснуться с поэтами, чьи имена гремели тогда на весь Союз. Учился он в семинаре у Владимира Цыбина. В том же литинституте посчастливилось встречаться с Евг. Долматовским, Евг.Евтушенко, Чингизом Айтматовым. Не раз бывал у памятника Пушкина, где по сложившейся традиции при стечении народа каждый мог прочесть и свои собственные, и чужие стихи. Жили литинститутовцы тогда на углу улиц Добролюбова и Руставели, в общежитии пединститута. Совсем рядом была небольшая гостиница Союза писателей, так что с иными довелось пообщаться и за чашкой чая. Правда, именитые бывали и экстравагантны. Один из мэтров на глазах у молодых дарований лихо зажег двадцатипятирублевую купюру. На такие деньги небогатые студенты вполне могли бы обедать в студенческих столовых целый месяц. Запомнились и встречи с Олжасом Сулейменовым. Хотя его книгу «Аз и Я» громко критиковали, а, может быть, в том числе, и поэтому, она была популярна среди интеллигенции. Родилась даже шуточная поговорка: «Не имей сто рублей, не имей сто друзей, а имей сто экземпляров «Аз и Я».

Обо все этом можно было бы писать и писать, но главное – то, что Акылбеку Шаяхмету посчастливилось окунуться в водовороты творческой жизни двух крупнейших центров культуры своего времени – Алма-Аты(ныне Алматы) и Москвы. Вполне понятно, что этот запал, эта аура стали неотъемлемой частью всей его дальнейшей жизни, немыслимой без любимой работы. Работа же эта, теперь уже навсегда оказалась связанной с литературой и журналистикой, какие бы должности и какие бы виды деятельности ему не приходилось осваивать. Шаяхмет работал корректором, корреспондентом и заведомом в редакциях алмаатинской газеты «Жетысу» и широко известной в области Костанайской газеты «Коммунизм таны» (ныне «Костанай таны»). В 1982 году был редактором Костанайской телерадиокомпании.



Он же учредитель и первый редактор газеты «Дала конырауы» - «Степной колокол» и член редколлегии выходящего в Астане журнала «Сарыарка», карагандинского альманаха «Азия-Транзит» и Костанайского журнала «Жас-оркен Костанай»

Нередко общественная работа оказывалась неотделимой от выполнения непосредственных профессиональных обязанностей. Так, в середине восьмидесятых (1986) Акылбек Кожаевич был литературным консультантом Союза писателей Казахстана по Костанайской и Торгайской областям. Был председателем Костанайской областной организации общества «Қазақ тілі». Работал заместителем начальника Костанайского областного управления по языкам, заместителем председателя областного комитета по национальной политике, заместителем начальника областного управления культуры, заместителем директора областного департамента образования. Нынешняя же его жизнь связана с жизнью крупнейшего вуза области – КГУ им. А.Байтурсынова, где он был и директором Института казахской и русской филологии, и деканом факультета журналистики, а сейчас является директором Медицентра КГУ. Он доцент, кандидат филологических наук, защитивший диссертацию на тему «Типологическая последовательность поэтического и ораторского мастерства (на примерах Костанайского региона)», затрагивающей вечно актуальные проблемы развития народной культуры.

При этом с 1983 г. Акылбек Кожаевич и вплоть до развала Советского Союза был членом Союза писателей СССР, является членом правления Союза писателей Казахстана, был делегатом Первого и Третьего Всемирного курултая казахов, делегатом республиканского форума народа Казахстана, член Ассамблеи народов Казахстана. Шаяхмет – победитель и лауреат ряда различных союзных и республиканских конкурсов, лауреат премии «Казына» Костанайского клуба меценатов, награжден медалями и нагрудным знаком «Тил жанашыры» (1с9-10).

Но награды и должности – это лишь внешняя сторона жизни того, кто посвятил себя творчеству. Главное же – то,



что создано и что еще мечталось бы создать. Шаяхметом выпущено более тридцати книг, среди которых «Пирамида», «Моя орбита» и «Гуси-лебеди» (1, с.7), Он пишет и стихи, и драматургические произведения. Является автором множества журналистских работ. Правда, сложность в том, что, достойно владея русским языком, Акылбек Кожаевич пишет в основном на казахском языке, а это означает, что судьба поэта, его встречи с иноязычным читателем в огромной мере зависят от чутья, таланта и такта переводчиков. Будем надеяться, что здесь Шаяхмету повезло. Его стихами увлеклась целая плеяда русскоязычных авторов, среди которых, не унижая других, наверное, можно по праву выделить А.Досова, не только способного переводить без подстрочника, но и увидевшего в Шаяхмете личность, родственную душу, о чем лучше всего говорят слова самого Абдурахмана, который пишет о Шаяхмете: «Ему никогда не изменяли талант и самобытность. Его творческий почерк определяешь сразу..., его ни с кем не перепутаешь».

Судьба самого Акылбека тесно переплелась с судьбами казахского народа, родной страны. « При этом «он весь нараспашку, ему чужд подхалимаж и чиновничество. На каком бы поприще не трудился поэт, он всегда честен и прямолинеен, в его произведениях нет недомолвок и банальностей. Может быть поэтому выступления и творческие вечера Акылбека Шаяхмета собирают большую благодарную аудиторию... Его легко переводить. Аналог перевода на русском языке рождается сразу» (1, сс.12 – 13).

Не берусь судить о переводах Шаяхмета, но, может быть, потому и «легко переводить», что есть «что переводить?» - Что ж, об этом судить читателям самого Шаяхмета. Мы же здесь лишь слегка прикоснемся к нескольким граням его творчества.

Одна из этих граней - журналистика с пристрастными публицистическими статьями и миниатюрными эссе. Вполне понятно, что, поскольку речь идет о публицистике, многое может показаться спорным либо требующим дополнительных доказательств, обоснований. И это совершенно естественно. Разве публицистика может





быть бесспорной либо напоминать своеобразный словесный «унисекс», подходящий для любого пола и любого возраста? Зато думающий читатель обязательно найдет здесь то, над чем стоило бы поразмыслить и ему самому. Возьмите хотя бы миниатюру «Фальшь, как фарш», где Шаяхмет касается, казалось бы, такой незамысловатой темы, как тема дворцовых и народных поэтов. «Народными, - подмечает он, - иногда называют именно дворцовых поэтов, которые добились этого звания благодаря правительственным постановлениям. Они мне напоминают фальшивые монеты. Фальшь, как фарш. В измельченном виде сложно определить, правда она или нет» (2, с.302). Можно по разному относиться к тем или иным «дворцовым поэтам», но как интересен, как запоминаем сам образ измельченной фальши, подчас столь трудно отличимой от правды именно в силу своей измельченности! Или возьмем «Маляров и слагальщиков» И здесь перед автором, и перед читателем близкий по сути вопрос: где подлинное творчество и истинный творец? – «...Разобраться сложно. А что означает слово писатель? Пишут все, кому не лень. Как различить настоящих писателей? Или придумать другое название?» (2, сс.302 – 303). Казалось бы, мимоходом оброненные фразы. А по сути – тысячелетняя и многократно повторяющаяся проблема соответствия слов и того, что они выражают.

Другая из тех граней, которые мы здесь в силах затронуть – это стихи. О них писалось не раз. Много цитировалось. Много встретило дружественные отзывы поэтов и критиков. Но и мы с читателем не откажем себе в удовольствии вспомнить горсточку поэтических строк Акылбека Шаяхмета. Начнем с вечной темы детства, зрелости и неудержимого хода времени. В стихотворении, которое так и называется «Детство» (пер. Б.Лукбанова) звучат такие строки:

Присядешь за стол над строкой покорпеть –  
Доносятся крики детей со двора.  
Как хочется снова смеяться и петь-  
О детство, великих свершений пора!



Душа моя мчится на прутике гибком.  
Стреножило время лихого коня.  
Уже не вдохнуть мне свободы с избытком,  
Так зрелости цепи сковали меня... (3, с.24)

Опять-таки, за внешней простотой – одна из глубиннейших проблем человеческого бытия – проблема диалектики обретений и утрат. Так, обретая зрелость, мы вместе с тем и безвозвратно теряем то, чем обладали только в детстве или только в юности.

Философская глубина ощущается и в уже совсем других стихах – «Мысли о цвете» (пер. Б.Лукбанова), рождающих воспоминания о бездонной даосской мысли древнего Китая:

Солнца луч...  
Он пронзит без труда  
На пути своем темень люблю.  
Синий, желтый, зеленый...  
Всегда  
Его радужным цветом люблюсь.

Как бы ни было, все ж, белый цвет,  
Ты палитры весенний пучок.  
Сколько помню тебя, белый свет,  
Чистотой твоей полон зрачок.

Черный цвет – это белого тень.  
Жизни вечной изнанка и суть.  
Ночь рождает всегда белый день,  
И к нему пролегает наш путь.

Красный цвет,  
Сколько радости в нем!  
Так весной полыхают цветы.  
Он горит в нашем сердце огнем,  
Словно символ людской доброты (3, с.23)

Особенность Шаяхмета – умение увидеть в знакомом незнакомое и соединить ненавязчиво и то, и другое. Взять, хотя бы, известное: «Жизнь прожить не поле перейти», звучащее уже в пастернаковских стихах Юрия Живаго.



Казалось бы, ну что тут можно добавить? – А оказывается можно. Вчитайтесь в мастерски переведенный тем же Б. Лукбановым «Риск»:

Жизнь прожить – не поле перейти,  
Но и поле не пройти без риска.  
Сбиться с проторенного пути  
Невозможно, если путь неблизкий.  
Жить по человеческим законам  
В мире зла, конечно, тоже риск.  
Доверяться людям незнакомым  
И бороться за богатый приз.  
Рисковал влюбившийся в Елену  
Легендарный юноша Парис...  
Проложить дорогу во Вселенной  
Космонавтам помогает риск.  
Риск, понятно, в каждом добром деле  
Смельчакам сопутствует всегда.  
Только разве б мы достигли цели  
Без расчета, страсти и труда? (З.с.40)

(Я бы заменил слово «невозможно» на «так непросто», а «богатый», возможно, на «достойный» А после слова «риск» в переводе, быть может, уместнее было бы не «понятно», а «как знают» или иное).

И, наконец, «Три цвета светофора». Кто из нас тысячекратно не оказывался перед светофором, мысленно то торопя, то замедляя смену цветов. Да и кто не помнит задорно звучащую из уст Валерия Леонтьева песенку про «влюбленный в жизнь» зеленый светофор? Но надо быть поэтом, причем поэтом мыслящим, чтобы в тысячекратно виденном миллионами разглядеть нечто такое, что будет и своим, свежим, и одновременно понятным тысячам, готовым воскликнуть: «А ведь это на самом деле так!»

Вчитаемся же в поэтические строки – строки, где образ и мысль образуют удивительный сплав того, что, наверное, мы и называем поэзией:

«Голосую» на большой дороге.  
Меня передразнивает светофор.



«Воздержусь!» - говорит Желтый,  
Предостерегая от превратностей судьбы.  
«А я – против!»  
Категоричен Красный.  
Против. так против,  
Не будем перечить ему.  
«Поддерживаю!» -  
Загорелся Зеленый.  
Путь свободен.  
Но жизнь Зеленого так коротка...  
Снова стою посредине дороги.

Всего три цвета праят нашей жизнью (3, с.41. Пер. Б.Лукбанова).

Уместно добавить, что Шаяхмет пишет и детские стихи. На мой взгляд стороннего – вещь чрезвычайно трудная при кажущейся внешней своей простоте. Ведь в таких стихах должны сливаться воедино и ритм, и запоминаемость, и звонкость. К тому же так желательна изюминка. Скажем у знаменитой Агнии Барто «Наша Таня громко плачет...» - миниатюра с изюминкой. А вот «Головой качает слон. Он слонихе шлет поклон» - уже нечто иное, не столь многоцветное. У Шаяхмета же можно встретить стихи, которые «цепляют» взгляд именно этой изюминкой. Я вспоминаю, как на одной из встреч он прочел коротенькое стихотворение о девочке и кролике. Играли, играли – и вдруг малышка ревет, кролик визжит. В чем дело? – Оказывается, заигравшийся кролик куснул девочку, а та в ответ его. Вот и расшумелись. Просто. Но так естественно и живо.

А вот переведенное сотрудниками журнала «Шмель» коротенькое стихотворенье «Хитрец»:

Рисунком горжусь я по праву.  
Медведь на рисунке на славу.  
И даже сам Серик, дружок закадычный,  
Признал, что медведь получился отличный.

И тут же добавил: «Медведь неплохой,  
Но я предлагаю рисунок другой».



И Серик медведя вдруг перечеркал.

«Я в клетку его посадил», - он сказал.

Процитированное наглядно подтверждает старую истину: поэт, особенно детский, – не тот, кто умеет плести узоры слов, а тот, кто, как и художник умеет видеть, подмечать то, мимо чего так часто проходят остальные.

Вполне понятно, что в кратком очерке мы смогли лишь прикоснуться к творчеству нашего земляка. Но есть книги. Есть стихи и статьи – то, что не заменят никакие очерки. Это та часть пути, которую, всякий читатель должен пройти сам. Пожелаем же ему увлекательного и благотворного пути.

#### Литература.

1. Мир моими глазами. – Костанай: обл. библиотека им. Л.Н.Толстого, 2011 г.
2. Шаяхмет Акылбек. Гуси-лебеди летят: драмы, стихи, статьи. – Алматы: Казыгурт баспасы, - 2011. – 384 с.
3. Шаяхметов Акылбек. Моя орбита. Стихи. Пер. с каз. – Алмата: Жалын, 1996. – 80 с.

#### Приложение.

Есть стихи, над переводом которых, наверное, можно было бы поработать. Вот, например, стихотворение «Не похоже!» в переводе нашего замечательного автора И.Кайнюкова:

Бабушка «солнышком» кличет Анар,

Для мамы и вовсе – цветочек она.

Анар отзывается, а самой непонятно:

Ведь ничуть не похоже! Однако приятно!

А что если для соблюдения ритма чуть изменить? –

Бабушка «солнышком» кличет Анар.

А для мамули цветочек она.

Я отзываюсь. Но мне непонятно:

Ведь непохожа! Но все же приятно!



## Философия и жизнь

ЗЕКРИСТ Р.И. (ЕНИКЕЕВА)

В Костанайской области при обилии разнообразных учебных заведений буквально по пальцам можно пересчитать тех, кто имеет специальную философскую подготовку. Одна из них – Рида Ирековна Зекрист, урожденная Еникеева. Женщина, которая не волею обстоятельств, а вполне осознанно, да еще и в молодом возрасте решила посвятить себя философии. Причем не обитательница мегаполиса, а уроженка далекой от столиц провинции. Не удивительно ли это? – Что ж, не будем изумляться, а просто соприкоснемся с жизненными путями ее самой, ее родителей и предков.

Рида Ирековна родом из Башкирии. Там в селе Темясово у речки Сакмара на границе леса и степи и родилась она 1 декабря 1965 года. Название самого села обычному читателю ни о чем не говорит. А места это исторические. Совсем неподалеку от Темясова раскинулся Бурзянский заповедник, где находится знаменитая на весь мир Капова пещера. Само же село столь велико и значительно, что в годы Гражданской войны, когда Уфа оказалась в руках белых, оно было утверждено столицей Красной Башкирии. Позже здесь было открыто педучилище, где педагогами работали бабушка и дедушка Риды.

Достаточно известен был и род Еникеевых, чьи истоки прослеживаются вплоть до времени Ивана Грозного – того времени, когда татары Еникеевы, став служилыми царскими людьми, получили за свою службу на Урале дворянские звания, землю и крестьян. (1) Это продвижение соответствовало стратегии русского царизма в его внутренней политике: по своему происхождению русская знать была интернациональна, и еще Иван Грозный с гордостью писал в одном из своих писем зарубежным «коллегам», что у него на службе и поляки, и литовцы, и татары, причем не какие-то там, невесть откуда взявшиеся, а «достойного» происхождения. Очень многие Еникеевы, хотя и были выходцами из деревни, стали известными, и не только в Башкирии. Как в царское,



так и в советское время они дали стране немало опытных врачей и юристов.

Правда, в годы тяжелых испытаний старинность рода не сделала жизнь многих его представителей более легкой, чем жизнь других сограждан великой страны, по которой в двадцатом веке страшным валом прокатилось столько войн и бедствий. Будущий отец Риды – Ирек Хасанович родился тоже в Башкирии, в 1940 году, накануне одной из самых страшных войн, которые пережила его страна. Впрочем, Мировая война тогда уже начинала полыхать, и ее огонь опалил и семью Еникеевых. Дедушка Риды или отец отца погиб на войне. Мать умерла, и Ирек очень рано – лет с пяти-шести осиротел. Приходилось с ранних лет очень много работать, что не помешало Иреку вырасти статным и крепким. С годами он успешно освоил азы наук. Закончил Горный техникум в Башкирии, что по тем временам было совсем немало. Ведь образование было довольно серьезным, а педагоги тех лет больше занимались воспитанием и обучением, а не бумагами и отчетами. После окончания техникума Ирек Хасанович оказался в казахстанской Джетыгаре, где стал Главным механиком асбестового комбината, связанного с рудником, которых по всему Союзу было лишь несколько... Уже работая, закончил заочно Магнитогорский горный институт.

А мать? – Мать Алсу Насыровна. Миниатюрная, но сильная женщина, словно созданная самой природой для руководящей работы. Но и ее детство было нелегким. Отец Алсу погиб под Смоленском, так и не успев увидеть свою дочурку. Может быть, именно ее непростое детство и помогло отточить характер будущей Алсу Насыровны, занимавшей впоследствии заметные должности? Может быть. Но поначалу Алсу мечтала об ином. Она поступила на отделение русской филологии Башкирского пединститута, и закончила его с отличием. В годы учебы в вузе увлеклась философией. Настолько интересно велись занятия по этому, казалось бы, второстепенному для филологов предмету. Хотя, конечно же, так только может показаться, и то лишь на первый взгляд. Какое литературное произведение



может стать подлинно великим или даже просто заметным в истории культуры, если в нем не будет философской глубины? Во всяком случае, Алсу твердо решила продолжить свое образование в качестве философа и поступила в аспирантуру Алма-Аты. Но... в 1969 г. родилась младшая сестра Риды – Гульнара. Она и стала «диссертацией». Ведь кто не знает, сколько сил молодой матери приходится отдавать ребенку?

Но философия, словно ветер, врывающийся в открытое окно, стала тем воздухом, которым дышала семья. Родившаяся и учившаяся уже в казахстанской Жетыгаре старшая дочь Алсу Насыровны Рида «постоянно слышала в семье разговоры о философии. И, - вспоминает она, - когда учитель спросила меня, первоклашку..., я и сказала: «Хочу стать философом»... (2,с.12)

Однако сначала, как и у всех была школа. И не одна. Рука об руку рядом с обычной школой была и школа музыкальная, где девочка проходила учебу по классу фортепиано. Учеба и там, и там нравилась. Именно сама учеба. Самыми же любимыми «в среднем звене стали география и французский язык». Когда стала постарше, увлекла ядерная физика. Правда, и в школе, и впоследствии в вузе, многие предметы увлекали даже не столько сами по себе, а именно потому, что тот, кто их вел, завораживал, притягивал к себе. Так, благодаря такой вот учительнице еще школьницей Рида увлеклась литературой. В университете же буквально примагнитили «Основы высшей математики и вычислительной техники» – курс, который читал профессор Волков. И это при том, что математика сама по себе не была в числе приоритетов девушки гуманитарного склада. Запомнились интереснейшие лекции по истории философии Колесникова и занятия очень молодого доктора исторических наук Гуторова – специалиста в истории революционного движения, который был в глазах студентов образцом «ходячей энциклопедии». Еще очень любила спецкурс по синергетике. «Было страшно непонятно, но интересно». Запомнились и дополнительные занятия по эстетике, которые проходили во всемирно известном Эрмитаже.





И на протяжении многих лет неотделимой от того, что несколько казенно обычно называют «основной учебой», оставалась музыка. Может показаться удивительным, но в детской музыкальной школе самыми любимыми были сложные «взрослые» произведения – сонаты Бетховена. Хотя учителям больше всего нравилось, как Рида исполняла Грига. Ее даже советовали поступать в музыкальное училище... При этом Рида любила и петь. И в школьные, и в университетские годы пела в хоре. Хор Ленинградского университета был широко известен за пределами самого вуза. Выступали совместно с хором ленинградского радио и телевидения – и в крупнейшем в городе «Октябрьском зале», и в Павловске, и даже в Казани, где Риде удалось побывать впервые благодаря хору.

В сам же Ленинградский университет им. Жданова Рида попала довольно неожиданно и для самой себя, и для родителей. После окончания школы она поступала в КАЗГУ, на философско-экономический факультет. Набрала 19 баллов из 20. При зачислении всем, кто набрал особенно высокие баллы, предложили выбрать для учебы и такие города, как Москва, Киев, Ленинград. Ленинград почему-то выбирать не спешили. Рида же сразу подняла руку. Так она оказалась студенткой Ленинградского университета. И не просто студенткой, а одной из очень активных – отвечала за культурно-воспитательную работу в студсовете. А ведь это не просто «пост», но и организация встреч с интересными людьми. Увлекательнейшее занятие.

Но вот и климат Ленинграда, и быт оказались нелегким испытанием. Тесная комнатка в общежитии с соседками из не самого дальнего, но Зарубежья с их столь непривычными для казахстанской девушки «свободными нравами».

Закончив учебу в университете, Рида, а теперь уже Рида Ирековна попала по распределению на родную Кустанайщину, в пединститут, где и стала преподавателем философии. Непростая эта работа год от года видится ей все более сложной. Слишком уж чуждым собственно философии кажется тот мир, в котором мы и живем, и размышляем, а значит, сознательно либо нет, вольно или невольно,



а философствуем. И все же, тяга к самой философии не остыла. Хотя многие годы, по словам самой Рида Ирековны, эта тяга поддерживается не столько благодаря, сколько вопреки: «Это уже, как ток крови».

И тяга эта не могла не дать свои плоды. На 2014 г. Рида Ирековна, несмотря на свой достаточно молодой для философа (или, если хотите, преподавателя философии) успела многое. Она опубликовала около ста научных работ, в числе которых три заметные книги «Философия самоорганизации и эволюция культуры» (2009) и «Власть и общество: методологический и теоретический аспект (2012 г), учебное пособие «Мы и мир: что изменилось?» и монография «Власть и глобализация» (2014).. Уже одни только книги своей вдумчивостью, четкостью мысли и обилием материала могли бы дать повод для серьезных и вдумчивых размышлений. Но это – особая тема.

Здесь же мы только упомянем, что, согласно резюме, Рида Ирековна Зекрист «дважды организовывала и являлась руководителем инновационных практикоориентированных международных программ для студентов специальностей экономики и права Костанайского филиала Челябинского государственного университета и Германии (г. Берлин, 2008).

Участвовала в региональных семинарах в рамках проекта... «Написание истории снизу»: Новая социальная история Центральной Азии» на базе университета «Туран»...

Неоднократно являлась экспертом-социологом по Костанайской области...»

Но, самое главное и самое памятное событие в ее творческой жизни – это участие в работе, проходившего в Афинах в 2013 г., 23-го Всемирного философского конгресса. Этот конгресс впервые проводился в современных Афинах – «на родине классической философии... в год 2400-летия основания Академии Платона. Основная тема- «Философия как исследование и образ жизни». На Конгресс приехало более трех тысяч участников из 105 стран мира. Церемония открытия проходила в легендарном античном амфитеатре..., где выступил с приветственным словом министр культуры



Греции. Сама же Рида Ирековна выступала на Конгрессе с докладом, посвященным противоречиям развития современных национальных государств.

Но это – внешнее, облекающее тот богатый и уникальный внутренний мир, который не умещается ни в каких резюме. А сам внутренний мир не только богат, но и хрупок. «Я жадна до знаний, - пишет Зекрист. – ... не боюсь неизвестности, готова прийти на помощь, если это нужно. И в то же время болезненно реагирую на попытки окружающих в чем-то ограничить мою свободу... Ключевые слова моей жизни: «Свобода, творчество, красота и честь»...

Так вот, при всех «заморочках» и в нашей науке последних десятилетий, и в нашем образовании с его нескончаемыми реформами, да и всех сложностях нашей действительности (а когда действительность была простой?) оказывается есть люди, которые способны сблечь и мечту детства, и тот внутренний стержень, что позволяет сохранять самих себя. Но это вовсе не значит, что такие люди обязательно витают на уютных облаках, позволяющих сквозь пальцы смотреть на причуды жизни. Рида Ирековна с детства не была чужда и быту, и самому простому крестьянскому труду. Еще в школьные годы вместе с сестрой Гульнаррой на целое лето выезжала в Темясово к бабушке с бабушкой, где доводилось (вот уж сказочная экзотика для нынешнего городского школьника!) и воду ведрами носить на коромысле, и помогать на сенокосе в глуши, где пугали змеи, водились медведи, а по ночам был слышен вой волков. И сегодня все это вспоминается не как тягостные страницы прошлого, а как прекрасные дни живого, не бессмысленного принудиловки труда.

Не только философии посвящена и нынешняя жизнь Риды. Она, как и очень-очень многие, любящая мать. У нее два сына. Старший учится в Алматы в Казахско-Немецком университете. Специализируется на международных отношениях. Очень любит музыку и играет на гитаре, хотя, в отличие от мамы, в музыкальной школе не учился. Увлекается спортом, особенно легкой атлетикой. Еще в школьные годы (а это было не простое решение!) участво-



вал в Международном благотворительном марафоне, когда в общей сложности пришлось бежать две тысячи километров по дорогам Германии, Австрии и Италии. Собранные же в ходе акции деньги были переданы в Ватикане папе римскому для оказания помощи Кении. Младший сын еще школьник. Как и многие мальчишки увлекается борьбой и рукопашным боем, сочетая это свое увлечение с бальными и спортивными танцами.

Такая вот, в общем-то, внешне самая обычная жизнь, с массой сложностей и радостей. Но при этом жизнь, озаренная внутренним светом. А это, наверное, так немало.

#### Литература.

1. Темниковский князь Еникей начинает встречаться в русских летописях в 1552 году. –WWW/ mishalar/ ru/ Kuprin. yeniki...
2. Рида Зекрист: «Неосмысленная жизнь не стоит того, чтобы жить» (Беседовал Николай Стадниченко. – КН, 26 сентября 2013 г.



## Мастер с большими руками

ГОНЧАРОВ Н.В.

Николай Васильевич Гончаров – художник прикладник. Приземистый человек, с аккуратно подстриженными седеющими усами и сильными, большими, не по росту руками, ныне столь же редкими, как животные, занесенные в Красную книгу.

Николай Васильевич – уроженец Костанайщины. Родился он в селе Боровское ныне Мендыгаринского района нашей области, 29 апреля 1944 года. Мальчик стал девятым и самым младшим из выживших в большой семье Гончаровых. Разница в возрасте у детей была настолько велика, что в то время, как Николай застал лишь год Великой войны,



двое из старших его братьев успели хлебнуть и приключений (если их так можно назвать) и тягот фронтовой жизни. Один из них в 1943 году оказался в пехоте и после трехмесячной подготовки был отправлен на фронт. Вернулся домой уже в конце того же года. За сравнительно недолгий срок фронтовой жизни пришлось испытать немало. Однажды угроживший наши окопы танк, засыпал его землей, и лишь вертикальный ствол винтовки оставил место для спасительного воздуха. В другой раз в него попала разрывная пуля – так и остался без кисти руки.

Второй, как это нередко бывало в те годы (мой собственный отец сделал то же самое) – сам себе прибавил год в военкомате и стал стрелком-радистом. Но бороться ему пришлось не с солдатами Вермахта, «а с бандитизмом на Украине» и демобилизовался он, в отличие от тех, кто сражался непосредственно на фронте, довольно поздно – в 1951 г. Хотя досталось с лихвой и таким, как он. По рассказам брата, запомнившимся Николаю, самолет того четыре раза сбивали. Однако долгое время обычным участником войны не спешили признавать: сражался-то вроде и не с немцами. Вообще же, послевоенные годы запомнились мальчугану из Боровского показавшимся ему необычайно большим числом инвалидов. Сколько же не только вдов и сирот, но и калек оставила после себя война!

Но кто же такие Гончаровы и как они оказались в Казахстане?

Все предки Николая Васильевича – с далекого запада огромной Российской империи, и попали в Казахстан во времена столыпинских реформ. Те, кто по линии отца – с Приднестровья. Каким-то «странным» образом двигались в казахские степи через Каспий. На баржах. При шторме одна из них утонула, во второй, уцелевшей и оказались Гончаровы, в том числе дед и будущий отец Николая, которому в 1907 было два года. Родичей-переселенцев было много. Кто-то удержался в Казахстане, а кого-то жизнь покатила через всю Сибирь на Дальний Восток, где и поныне у бывших приднестровцев много родственников. Да и только ли там? Уже во время службы в армии сам Николай



Васильевич подсчитал, что у него, тогда еще молодого было уже 17 племянниц и племянников.

Предки же по маминной линии – их Херсонской области, которые при Столыпине тоже оказались в Казахстане. Вот здесь-то и встретились будущие родители Николая... Отец – Василий Кириллович, по памяти мальчика, был болезненным, почти всю войну провел в постели. Болезнь его «была связана с простудой». Да и стоит ли удивляться, что при той суровой жизни кто-то мог не уберечь себя? – Не до того было. Но при всем этом Кириллович был мастеровитым – «от скуки на все руки». Чего только не умел Василий со своими, казалось бы, только семью классами образования! И печь сложить, и построить, что потребуется, и сети вязать. «Не было ничего, что бы он не умел».

Мать же – Вера Харитоновна Ганжа – украинско-русских кровей. Родила одиннадцать детей. Но двое не выжили и поэтому, хотя и имела награду, как многодетная мать (впрочем, по словам самого Гончарова, без каких-то видимых льгот). Однако для получения ордена «Мать-героиня» недоставало еще одного выжившего, то есть десятого ребенка. Умерла она, когда Николай был еще мал – учился только в пятом классе.

Что запомнилось из детства? – Естественно, самое впечатляющее. – «В шесть лет я тонул». И где? Не в озере, не в речке, а в уличной луже, в глубокой – примерно двух метровой яме, образовавшейся оттого, что прямо там, неподалеку от домов брали глину. После дождика, когда глинистая почва становилась скользкой, пацанва разбежалась и каталась. Вот Николай не удержался и скатился прямо в яму. Хорошо, взрослые выскочили, да вытащили.

Тут любопытно заметить, что те, кто вспоминает себя девочками, обычно и совершенно искренне рассказывают, как им нравилось учиться, как хотелось получать достойные, то есть высокие отметки. Мужчины же частенько вспоминают совсем иное – шалости, курьезы, а то и что-нибудь пожестче. Николай Васильевич, смеясь, вспоминает детские «художества», направленные как раз на то, чтобы сидение в классах не казалось слишком утомитель-



ным. То придет мальчуган в школу пораньше и из печки, что топилась торфом, втихаря вытащит дымящуюся торфянину – «Пожар!». Пожара нет, а урока тоже. То – а для этого и смекалка нужна, и кое-какие знания по физики - между лампочкой и цоколем вставят влажную бумажку. Пока бумага не высохнет - лампочка светит, а потом вдруг «неожиданно» свет гаснет. Лампочка перегорела – Ура! Урока нет.

Запомнилось и то, что школа располагалась рядом с церковью – одной из тех добротнo сложенных церквей, что сохранились и на Костанайщине в годы советской власти, хотя и пришлось им, бедолагам, долгие годы служить совсем иным целям («и зерно в ней хранили, и клуб был»). Но главное – выжили! Для мальчишек же церковные подвалы были настоящим раем, если только это слово применимо для обозначения места игр «в войнушку». Дело в том, что подвалы эти были не только достаточно обширны, но и связывались специальными «каналами» - «теплоходами» с наземными помещениями. Таким образом, церковь могла обогреваться теплом, идущим из подпола, и в самом здании не было ни сажи, ни дыма. По ним-то, слишком маленьким для взрослых, но достаточным для детей и лазали боровские мальчишки... Пока их не заложили. И что удивительно, сколько позже ни пытались обогреть эту церковь привычным для нас способом, а было уже холодновато. Умельцев прежних лет далеко не всегда и в дни все более изощренных «высоких технологий» удается обойти в изобретательности и мастерстве. Запомнилась церковь еще и тем, что в бытность ее клубом там танцевал и школьник Гончаров-младший.

Но, конечно же, школьные годы запомнились не только этим. В детскую память на всю жизнь запали многочисленные инвалиды – «мужики» с обрубленными войной телами и судьбами. Вполне понятно, что и учителями были бывшие военные и фронтовики. Всеобщим любимцем запомнился Иван Васильевич Говорухин. В Отечественной из-за возраста не сражавшийся, но бившийся еще на Гражданской. С орденом, памятным, как «орден Ленина» и ходивший



всегда в галифе. Дрался он еще в Первой конной Буденного. Внешностью чем-то напоминал популярного в те годы актера Меркурьева. Был таким же высоким, «здоровым, до невозможности добродушным». Бывало бежит малец на перемене – и ненароком ткнется в учителя. Потреплет тот его по голове: «Что же ты моему колену больно сделал? Ну, тебе, наверно, больней, чем мне». И никаких тебе нотаций. Но при этом авторитета был непререкаемого. Правда, однажды его забирали в НКВД. Да быстро отпустили. Гончарову думается: оттого, что весь народ за него заступился... Жена Ивана Васильевича, который в отличие от героя знаменитой комедии Гайдая, так и не менял свою профессию, тоже была учительницей – историком.

О том, как надолго этот всеобщий любимец прирос к школе, говорит уже то, что он учил и брата Николая Васильевича – 25-го года рождения, и его самого, родившегося почти через двадцать лет.

Говорухин был не просто классным учителем в привычном смысле слова. К нему приходили перебирать семена. Там и чаем поил, с угощением. У каждого класса была своя делянка, свои деревья. Соревновались, у кого урожай богаче.

А вот директор школы – Кудинов был строгим. «И при этом на баяне играл – все перемены хороводы». После него директорствовал Василий Семенович Макотченко вернувшийся с войны без руки. Многие студенты уже Костанайского пединститута помнят Василия Семеновича, как преподававшего историю партии практически первого «своего» доктора наук, без тени «ученого» апломба, милейшего и на занятиях, и на экзаменах. Его жена и опора – Раиса Михайловна, позже долгие годы проработавшая с мужем в том же институте, осталась в памяти школьника Николая, как очень красивая женщина. С дочерью же их, насколько запомнилось, учился в одном классе. Слыла красавицей, и все мальчишки в нее влюблялись.

При всем при том годы те были несатыми и небогатыми. Поскольку же брат Петро после войны работал в детском доме воспитателем, то сумел взять туда и трех младших Гончаро-





вых – «там была кормежка». В этом детском доме Гончаров провел полтора года. Но и детский дом не был идиллией. Жестокостей не запомнилось, а вот с прочим было не просто. Все лето выручал «подножный корм». Босыми ходили с мая по глубокую осень. Ровесники учили уму-разуму и разным полезным вещам, тоже не церемонясь. Так, обучение плаванию свелось к тому, что бросили в пруд: «Хочешь жить – выплывешь». Выплыл и научился.

И был там один закон: никто ни на кого не жаловался. Поразительный симбиоз: в стране, которую пучило от доносов, с малых лет и не только в детских домах у многих возвращалось чувство, что донос, ябедничество – нечто не просто низкое, а недопустимое.

К десяти годам Николай почувствовал себя взрослым. Еще бы! Ему, державшему и до этого в своих детских руках ружье, отец, который был и заправским охотником, подарил берданку. 1878 года. Не очень тяжелую, но с одним только стволом в метр двадцать, и бившую прицельно: «Ну, все, Коля, ты повзрослел». И Коля, который до сих пор умеет, как и отец, вязать сети и еще немало иного, стал владельцем собственного оружия. А ружье – это еще и уход за ним, чистка, и патроны. Дробь катали и лили сами. Благо свинца хватало. Да и порох при необходимости могли изготовить.

Таким и запомнилось детство – «все в деле, в деле»: и косы отбивал, и на конной сенокосилке косил. И при этом «на духовые ходил, на альте играл. У нас в семье, - вспоминает Николай Васильевич, - все пели и плясали. Отец и баяны ремонтировал. Так что у него был прекрасный слух».

А откуда же взялся художник? – И он не с неба свалился. Дома «рисовали буквально все, начиная с отца. Ковров не было. Расписывали стену, печи. Охотниками, тетеревами. К тому же, во Дворце пионеров был кружок рисования, куда и ходил еще школьником Николай. Однако поначалу думал об иной профессии. В 1959 году, после окончания семи классов, «поступил учиться в строительное училище... г. Рудного». Рисовать продолжал и там. И не только. Тем, кто просил, делал наколки. Одна из таковых даже осталась на его собственной руке. Сестры ругали – «но уже не выведешь».



Закончив училище в 1961 г., стал столяром (« Могу и сейчас любую мебель сделать»), как о чем-то само собой разумеющемся говорит он). Трудился в Рудном, Боровском. В просторечье – «Боровом». В Кустанае оказался в 1963 г. И везде, где был, продолжал учиться рисованию и не только. Поступил в восьмой класс, а затем, со временем и закончил вечернюю школу. В 1963 году был призван на армейскую службу. Сама часть, в которую попал Николай, оказалась результатом забавного, но понятного в те годы курьеза. Брали его в армию уже в очках. Поэтому попал в строительные части, в автобат. До этого-то трудился на автобазе. Трудился уже художником. Ведь и там надо было рисовать плакаты и делать разнообразную работу, требующую своеобразного мастерства рисовальщика. Но поскольку должности такой не было, оформили автослесарем высокого пятого разряда. (Любопытно, что и автор этих записей, один из сезонов в пионерском лагере работал фотографом, но... на должности технички, то есть уборщицы).

Естественно, как за автослесаря, да еще такой квалификации, за него и ухватились в части. И вдруг оказывается перед комбатом не автослесарь, а художник. Комбат поматерился: «Да на кой... мне художник...». Но, в конце-концов, художник сгодился и в армии. Целый год рисовал при хоззводе. А тут и плюсы, и минусы. Вроде бы, и свободы больше, и в город проще вырваться. Но зато бывало, когда у других отбой, сидишь – рисуешь. А общий-то подъем никто не отменял. Место же службы оказалось экзотическим - Байконур. И Хрущева довелось видеть, и «Чайку» - Терешкову, и Николаева, и Леонова, и Комарова... Да только сами эти встречи иной раз оказывались ой каким непростым испытанием: выстроят солдатиков под палящим солнцем - и стоят часами, если вдруг задержка. Ни воды тебе, ни прочего. Уволили же из армии по зрению, в 1965 году. В этом же году стал работать художником в Кустанайском АТП-3. «В 1968 закончил вечернюю школу», и уже в следующем, 1969 году, «поступил в Нижнетагильский педагогический институт на художественно-графическое отделение». Закончил его в 1974-м, защитив выполненную в металлу-



пластике, дышащую уральским колоритом работу «Сказки Бажова» (1).

В Кустанае он почти двадцать лет – с 1974 по 1996 г. проработал в широко известных для специалистов страны художественных мастерских. Кустанай, Рудный и ряд иных центров в районах области обретали свое лицо, свои черты благодаря и работам Николая Васильевича Гончарова. Его руками «оформлялись такие объекты», как костанайское кафе «Морозко», фасад девятой школы, фасад облгаза, фасад уникального для города Казахского драматического театра и многое иное. Его руки оставили свой след в совхозе им. Энгельса, на фасаде Дома культуры в Домды («Поющая степь»), фасаде и интерьере Дома культуры в Боровском, на фасадах строений в городе Рудном... Первым же монументальным произведением в этом ряду стал, «выполненный в металле», интерьер «Бегущие» Костанайского ДК «Текстильщик» (2).

Перечисленное звучит сухоовато, но за этими строчками кроются искусство и сказка, входящие в повседневную жизнь. Одно только кафе «Морозко» целые годы привораживало своих посетителей необычностью интерьера. И, честно говоря, жаль, что в бесконечной круговерти перестроек и реконструкций мы так легко избавляемся от того, что могло бы быть и неповторимыми штрихами живой истории города.

К счастью, Гончаров, как и многие его другие собратья по цеху, разносторонен. «Им создано более 30 медалей и плакеток» (2). И это тоже история. История, застывшая в художественных образах, словно в капельках янтаря. Перед нами и Джамбул Джабаев в облике народного акына, и знаменитая трактористка Камшат Доненбаева, и участник Гражданской Летунов, и великий борец Хаджи Муқан...

Начиная с 1979 г. Николай Васильевич постоянно участвует в деятельности разнообразных выставок союзного, республиканского, областного и городского масштаба. В общей сложности таковых за его плечами около 70, из которых 2 всесоюзные и 12 республиканских.

В 1987 году он стал членом Союза художников СССР, в 1992 г., когда образовалось Костанайское отделение Союза



художников Казахстана, был избран первым председателем этого отделения (1). А быть первым всегда непросто. В 2008 году стал лауреатом премии Клуба меценатов.

Не забыта и профессия педагога. С 2003 г., вот уже 11 лет, он трудится преподавателем в Костанайской художественной школе. Преполагает здесь рисунок, живопись, композицию, художественную обработку камня и металла. И успехи учеников – заслуженная гордость учителя. А они заметны. «В 2007 четыре ученика ... занесены в международный альбом ЮНЕСКО». В 2009 г.- девять. Гончаров за подготовку учеников получил от этой организации Благодарственное письмо. И это, наверное, не случайно. Ведь, как заметил в 2007 г. Евг.Лозин, «наша художественная школа – единственная в Казахстане, где готовят юных скульпторов, способных превращать бездушный кусок (каменя) в золотую рыбку или в какое-то другое диво» (3, с.3)

Но, наверное, высшая благодарность, это тепло и светлый юмор, с которым ученики относятся к педагогу. Надо было видеть, как забавно и при этом доброжелательно, в духе самого учителя, не чурающегося юмора в своих собственных рассказах, пародировали Гончарова на его семидесятилетнем юбилее. Юбилее, который казался фантастическим при виде полного энергии, бодрого, крепкого человека. Человека, чьи работы «находятся. как в государственных, так и в частных коллекциях» России, Америки, Бельгии, Израиля, Германии» (1), а также (что вполне понятно) в областном краеведческом музее и областном мемориальном музее им. А.Алтынсарина (2).

Нельзя не упомянуть о ювелирных изделиях Гончарова, первое из которых «было выполнено на 15-летие дочери». Не будучи искусствоведом, я не вправе давать им, как и всему остальному творчеству Гончарова, сугубо профессиональную оценку. Но как зрителя, они впечатляют филигранностью. игрою красок и фантазией, Вот «Павлиний глаз», вот - «Очарование», вот – «Синяя птица», «Весна», «Огонек», «Розовый сон». «Белая ночь»... и целая феерия иных созданий, рожденных кропотливым трудом, живой, подвижной фантазией и мастерством. И, конечно же, неистребимой тягой к познанию. Тягой, воплощавшейся и в турпоездки



в Болгарию и Румынию, и в экспедиции на Урал – кладезь камней, дававших и дающих возможность рукам художников «сказку делать былью».

При такой «загрузке» не забыта и книга: в молодости «был без ума от фантастики», в годы зрелости «захватили» детективы. «А сейчас, - говорит он корреспонденту «КН» - все больше читаю автобиографические романы, особенно мне интересны судьбы творческих людей, художников, композиторов» (6. с.13).

Тяга к знанию, к поискам сути отразилась не только на искусстве и любви к чтению. Характерен такой штришок. Уже после нашей беседы раздается звонок: «Не забудьте: я когда-то в автобазе был секретарем комсомольской организации. Мы встречались с В. Чекмаревым, тем самым легендарным Чекмаревым, который семнадцатилетним мальчишкой по заданию Ленина приехал в Кустанай за хлебом, а впоследствии жил в Рудном. Руководил отрядом продразверстки. По его словам, выгребали далеко не все (как зачастую можно прочесть). Народ давал хлеб. Хотя власти на местах могли и «перегибать палку», добавляет уже от себя Николай Васильевич...»

Тема продразверстки болезненная и непростая, и вот так, с ходу, здесь невозможно дать однозначные ответы. Но ведь что важно- художник, мастер своего дела и тут не хочет просто идти за модой, для него и в этом деле крайне важно прикосновение к той грани жизни, которая дается из первых рук.

И эта тяга к познанию, можно сказать, семейная черта. Супруга – тоже педагог, долгие годы преподававшая в первой школе биологию и химию. Сын – физик. ныне, по словам Николая Васильевича, работает в Америке в лаборатории физики твердого тела. В 28 лет защитил диссертацию доктора пизэджи, профессор. поскольку параллельно занимается преподавательской деятельностью. Но учатся у него в основном китайцы. Бывали и афганцы, и пакистанцы. Но за все время – лишь один американец: «американцы не любят учиться». Так ли – судить здесь не будем. Но биография интересна. Как и биография дочери, живущей в Челябинске и окончившей там Институт культуры.



### Литература и источники.

1. Автобиография.
2. Николай Гончаров. Костанай. Картинная галерея., 2014 (Составители Калинова С.Н. и Ибраева Н.М.),
3. Лозин Евг. Бездушный камень превратился в рыбку. – Костанайские новости, 5. 03. 2007.
4. Нести искусство в массы становится труднее. – Костанай.- 4 мая 2006 г. (Культпросвет)
5. Не должен дар творить остаться незамеченным. - Без указания издания.
6. Николай Гончаров: «Только женщины могут быть и музами, и провокаторшами». КН , 13 января 2008 г., с.13 ( Домашний очаг).
7. Николай Гончаров: «Надо быть человечнее друг к другу». – Курьер Казахстана, 4 марта 2010 г., с.2
8. Праздник творчества. – Без указания газеты.



## Выпускница «Репинки»

БАТАЛОВА Б.Ж.

Миниатюрная и миловидная, ненавязчивая в общении, она на сегодняшний день – единственный из костанайских художников и скульпторов, которому, точнее, которой, посчастливилось получить высшее художественное образование в знаменитом ленинградском Репинском художественном училище, бывшем в советское время, как тогда выражались, и не без оснований, «кузницей художников» высшей квалификации для всего огромного Союза.

Баян родилась в маленьком поселке Каракамыс Боровского, ныне Мендыгаринского района. Случилось это на пограничье лет: 31 декабря 1960 года. Поскольку же год этот уже кончался, то рождение записали 1-м января уже следующего 1961 года. Таковым он и считается по документам.



Семья Баян оказалась немаленькой: мать, отец и три брата, один из которых старше ее. Мать – Шарипа Галимжановна - доярка, а впоследствии учетчица зерна. В детские годы Баян мама запомнилась выдумщицей, разнообразившей игры детей. К тому же рисовавшей, а вернее говоря, копировавшей изображения, что, наверное, не случайно запало в память дочери, которой судьба уготовила стезю скульптора и художника.

Отец - Баталов Жалдыбай – тракторист. Всегда передовик. Быть первым в работе стало целью его жизни. Причем не за счет ловкого продвижения по служебной лестнице, а за счет собственного пота, собственного труда. Потому-то и уважали его те, кто был с ним рядом. Но давалось это непросто. Баян запомнила его уходившим из дома в пять утра, чтобы трудиться до поздней ночи. Удивлялась даже, когда он спит. Сегодня такое отношение к труду может показаться плакатным. Как? Не просто из-за денег, а и из-за стремления не отстать в работе? Но для многих тысяч советских людей такого рода труд был реальностью, тем жизненным стержнем, который придавал смысл человеческому существованию, независимо от того, где и чем человек занимался. Если, конечно, то, чем он занимается, можно было назвать трудом.

Дед же по матери запомнился высоким и рыжеволосым. Видимо от него казашке Баян достались редкие для восточной женщины светлые волосы, превратившиеся с годами в серебро, на удивление органично сочетающееся с молодостью лица и яркой живостью глаз.

Так случилось, что и семья еще девочки Баян, а впоследствии и она сама, словно порхающие бабочки, не раз меняли место своего обитания. В начальную школу Баян ходила уже в поселке Талапкер Боровского района. Как и многие представительницы «слабого пола», была «правильной девочкой». В первом классе даже отличницей. А учительница – Зоя Яковлевна – запомнилась, как одна из тех, кто выстраивал ее судьбу. Была она, эта учительница, «типичная. как в кино. Строгая. Не сюсюкала с малышами». А полюбилась. Запомнилось и, как к Новому году все классы



украшали собственные классные комнаты. Человек двадцать вместе трудились над звездой, шариками из ваты, которые предстояло прикрепить на ниточках к потолкам, колдовали над цепочками из резной бумаги. Все дети были в деле. У всех оживала фантазия. Классы же превращались в сказку.

Из раннего детства запомнилось и то, как отец ходил на охоту, принося домой подстреленных уток, которые со всем своим опереньем живо интересовали дочь. Запомнилась и протекавшая рядом речка. Камыши. И глина, из которой маленькая Баян делала фигурки. А еще запомнился и первый рисунок – копия с копии того, что срисовала мама. Когда же привезли в дом детский столик, расписанный под хохлому, то он вместе со стульчиками превратился в любимое место. Именно там вместе с братом часами возились с пластилином, давая волю своей фантазии. Так, по словам Баян Баталовой, родители интуитивно, исподволь прививали детям любовь к красоте.

Думали родители и о будущем детей. Поскольку же в Талапкере школа была лишь восьмилетней, то переехали в город, вернее под Аркалык, в поселок Родина, который был к Аркалыку близок. Примерно так, как Затоболовка к Костанаяу. Любопытный штрих: поскольку отец был передовик, переехавшим на новое место сразу дали квартиру.

После окончания восьмого класса встал естественный вопрос: куда же затем? Поскольку далеко отпускать дочурку не хотелось, постольку она пошла в совхоз-техникум, где год проучилась «на агронома», о чем, впрочем, не жалеет, ведь агроном, как и художник, имеет дело с природой: «тычинки, пестики, цветы».

Было и еще одно мимолетное увлечение. Когда Баян училась еще в восьмом классе, по линии профориентации приехали «агитаторы» и так красиво рассказали о газозлектросварке, что захотелось быть сварщицей.

Но не это стало судьбой. Еще в школе учительница Галина Павловна увидела рисунки Баян и остановила. В увлечении художественным творчеством поддержала и бабушка Орынша. Приносила внучке глину, которой славится аркалыкская почва: и белую, и розовую, и коричневую





(«Именно из этой глины выпускала свою продукцию известная на всю область Аркалыкская фабрика», в которой впоследствии довелось поработать и уже повзрослевшей Баян). Сделав пять-шесть фигурок, Баян вместе с бабушкой двинулась в музей. Фигурки там, конечно, не приняли. Но навыки и тяга к лепке остались. Осталось и желание. Желание это привело в Художественные фонды в Аркалыке. Там состоялась встреча с выпускником столичного русского училища Бахытжаном Мырзахметовым, который ныне стал очень известным в Казахстане живописцем. Молодой, высокий, с длинными, подвязанными на лбу волосами – как у Данилы- мастера, он оказался и хорошим наставником. Девочке, которая не училась вместе с другими в художественной школе, давал задания, делал подсказки. Именно после встречи с ним Баталова начала рисовать предметы с натуры.

Стало очевидно, что агрономия не для Баян. Поэтому Баян, даже не сдавая экзамены за первый курс совхоза-техникума, забрала документы и поехала в Алма-Ату. Показала там свои работы. Сдала экзамены, в художественное училище, где попала к прикладникам. Алма-атинских учителей своих, как и более поздних ленинградских, Баталова вспоминает с благодарностью и благоговением. Первым учителем в училище им. Гоголя стал Айнеков Марат (7). Он же был и на вступительных экзаменах. «Это очень замечательный человек». Его скульптурный Абай и сейчас стоит в Москве. На втором курсе учащиеся встретились с Акрабом Кудайбергеновичем Жубановым – бессменным директором училища на протяжении многих лет. Именно при нем, представителе знаменитой творческой семьи шло становление казахского искусства тех лет. И, словно подтверждая это, на стол перед рассказчицей Баян ложится увесистая, великолепно изданная книга о монументально- декоративном искусстве Казахстана (1). «В этой книге – его ученики», - говорит Баян Жолдыбаевна. Мы же можем добавить, что здесь и одна из работ самой Баталовой, названная «Юность»: поэтичная фигурка обнаженной девушки (1, с.82)

Заломнились и другие преподаватели, многие из которых привлекали и своим отношением к делу, и своей



внешностью – то блоковской шляпой и развевающимся плащом, то статью. Так что учеба окутывалась дымкой влюбленности. Да и как же иначе? «Если преподавателя не любишь, то учеба не пойдет», - убеждена Баталова. Один вот из таких педагогов, человек «блоковского типа» – Какимов Кадырхан Какимович и посоветовал студентке продолжать учебу: «Баян, тебе надо дальше учиться. Училище – это мало». И не просто посоветовал. «Он разработал план ее подготовки в ВУЗ». Дал задание: готовить рисунок и композицию – «гора очень высокая, можешь упасть». Так, началась специальная подготовка, длившаяся целый год. Тем временем подошло и время выпуска из алма-атинского училища. Дипломной работой стала балерина, присевшая, чтобы завязать пуанты. И не случайно. Балет, как воплощение прекрасного – любовь Баян. Работу оценили на отлично, да еще и отметили, и Баталова попала в число тех, кому дали направление на дальнейшую учебу. Запомнился и Абишев Бахытжан. Ныне имена этих наставников являют «цвет казахского искусства».

А что потом? – Сама Баян желала бы поехать в Москву. Но так случилось, что Москву выбрала уже другая выпускница - круглая отличница, и Баян поехала в Ленинград, о чем, впрочем, совершенно не жалеет. Поступила сразу, хотя это было и физически нелегко: многочасовые экзамены требовали немалого напряжения сил. Но, с другой стороны, экзаменовалось то, чем жила Баталова: владение техникой рисунка и портрета, лепка. Сочинение же Баян написала о живописце Тельжанове, чья картина «Красные идут» со всадниками на несущихся конях запала в душу молодой художницы своей красочностью и энергетикой...

Сам же Ленинград запомнился своей особой серебристостью, необычностью светлых ночей. Но, конечно, не только этим. Уже этот уникальный город – одна грандиозная картина – «Рай для художника». Замечательный город, где каждый уголок – произведение искусства. Парки. Сады. Музеи. Оставалось только пожалеть, что не везде удалось побывать. Замечательны были и учителя. Да и те,



с кем довелось встретиться еще на вступительных экзаменах, а затем и учиться, давали многое. Ведь они были родом из самых разных мест: и из Осетии, и из Якутии, и из Ашхабада и, естественно, из Центральной России и собственно Ленинграда.

К тому же молодых художников и скульпторов летом вывозили и в Крым – в Алупку, и в Кабардино-Балкарию, где упорно учились рисовать лошадей - конные статуи, а полотна с лошадьми – это то, без чего не освоишь азы мастерства. Ведь, скажем, в скульптуре всегда встретите конные памятники. Уже в институте стоял огромный скелет лошади. Поразило и само Черное море, соленая вода которого после знакомых речных вод показалась густой и плотной. Интересно, что с молодыми дарованиями был и инструктор по плаванию. И это понятно. Как-никак, а те были студентами. Физкультуры же и среди художников никто не отменял.

Возили студентов и «на производство». Так довелось побывать на Череповецком металлургическом комбинате. «Рисовали рабочих у домы в тот момент, когда те лили чугун..., сам процесс литья...»

Что же касается профессиональной подготовки, то, естественно, много изучали и рисовали человека. С фигурами людей оказались связанными и «курсовая» (преддипломная скульптура на пятом курсе), а затем и дипломная работы Баталовой. Первая была о том, что вошло в жизнь художницы с детства: доярка, наливающая молоко из ведра в бидон. Вторая же называлась «Подростки» и была «основным дипломом, готовившимся уже на шестом курсе». Два мальчугана, из тех, что постарше, сидели на поваленном дереве и о чем-то говорили. Само дерево лежало неровно, как бы приподнимаемая одного над другим и подчеркивая разницу в характерах. Интересно, что это, заменяющее скамью дерево, нашел руководитель Баян. Учеба была и сотворчеством. Длилась же она в Репинке шесть лет. И каждый день – рисунок, анатомия, перспектива. Изучалась и впитывалась и история искусств. При этом каждый год учебы нес с собой что-то новое.

На первом курсе достаточно хорошо познакомились с деканом – Владимиром Николаевичем Соколовым, всегда



ровным, вежливым и корректным. Настоящим ленинградцем. Он пережил блокаду и сохранил художбу на всю жизнь: «На нем можно было анатомию изучать».

После распределили по мастерским. Баян попала к профессору Б.Пленкину, известному своей «трудовой тематикой» - сталеварами, рабочими. Народному художнику РСФСР, члену-корреспонденту Академии Художеств СССР, лауреату премии им И.Е.Репина

Закончив учебу в Ленинграде, Баталова тринадцать лет преподавала. Где ей только не довелось побывать! Сначала – в 1988-1989 гг. на художественно-графическом факультете пединститута в Семипалатинске. Через год уже оказалась в родном Аркалыке – тоже на художественно-графическом факультете. Параллельно трудилась и на ныне закрытом керамическом заводе. Ведь в тех местах «глина, как шоколадное масло». После трех лет работы перепорхнула в Карагандинский университет. В результате преобразований был выделен пединститут, где и довелось работать, опять-таки, на худграфе. Девяностые же продолжались. Это были годы брожения. Резких изменений. Многое было не просто. Но, тем не менее, именно в Караганде Баян Баталова стала членом Союза художников Казахстана. И, все-таки, опять потянуло на родину, к родителям. Так вернулась в Аркалык; а потом, в 1999 г., переехала в Костанай, где трудилась главным художником на ТОО «Фарфоровый континент», выпуская там новые изделия. Несколько лет проработала в областном краеведческом музее, где была научным сотрудником, а затем и руководителем отдела живописи и графики. Там с увлечением занималась организацией выставок, сбором и обработкой материала, оформлением, включая и работу над манекенами, оживляющими ту или иную эпоху. Одни только эти манекены, выглядящие как живые люди и «организующие» музейное пространство, являют собой самостоятельные произведения искусства. «Именно там прошла ее первая персональная выставка».

Сегодня Баян Жалдыбаевна «на свободных хлебах». Но творчество остается стержнем ее жизни. Причем единственная в нашей области женщина-скульптор продолжает искать,



пробовать себя в самых разных сферах творчества. «В последние годы она «увлеклась батиком, войлоком, живописью – захотелось поработать и в цвете». Даже прикоснулась к ювелирному мастерству, ведь муж – ювелир. А вот у сына иной род занятий. Но и он стал причастным к работе прикладника. Тот трансформер, что стоит у входа в «Март» - дело его рук. Как и фигура ящерицы в сквере, что в районе КСК. Правда, по эскизам матери, то есть самой Баталовой. Карандаши и краски влекут и внука с внучкой, которым для их «художеств» выделили целую стену. Кем бы они не стали, а такая тяга никогда не помешает.

Как видим, творчество – стержень самой жизни Баян, выглядящей так молодо, что ее и по сей день трудно называть Жолдыбаевной. И, вполне понятно, что творчество человека одаренного, обученного и влюбленного в свое дело не может не приносить плоды. Баталова – участница самых разных художественных выставок. Принимала участие в Арт-форуме «Наурыз» в столице Казахстана Астане и Международном фестивале скульпторов в 2007 г. в городе Актюбинск. Она лауреат Премии акима области и клуба меценатов. Ее скульптуры знакомы казахстанцам... «Среди наиболее известных работ... - бюст А.Байтурсынова в КГУ, памятник М.Сералину в селе Карабалык и памятник исторической личности начала 18-го века – судье Среднего жуза Казыбек би в Костанае». (2) По сообщениям же прессы, в недалеком будущем скульптуры Баталовой должны украшать и въезды в областной центр: ею разработана «серия из восьми скульптур», призванных «украшать транспортные развязки города. Среди них: верблюд, черепаха, торсык (классический казахский сосуд) и яблоко. Изготавливаются они из железобетона...»(3)

Но примечательны не одни они. Изумляют филигранностью и точностью, к примеру, и такие мало известные и небольшие графические работы, как «Джигит» и «Старик», где реализм сплавлен с психологизмом. Да и среди других, вроде бы менее известных, немало интересного... Вот как тепло пишет о фигурах Баталовой в сквере Аулисколя и о самом ее творчестве Галина Тевс: «С Баян Баталовой мне



удалось встретиться во время работы над скульптурами. Маленькая женщина среди больших бетонных фигур. Цемент, песок, наждачная бумага. Ловкие движения рук – и вот она, практически невидимая деталь в одежде влюбленного юноши или старинное украшение на хрупкой фигурке девушки.

- В одежде я стараюсь полностью передать стиль и традиции той эпохи, из которой мои персонажи. поэтому важна каждая мелочь, - объясняет она. – Конечно, для этого надо было прочитать множество исторической литературы, по народному прикладному искусству.

По кропотливой работе Баталовой, без преувеличения. местные школяры могут изучать историю своей страны. Земледелец с аршином, старец с кобызом в руках, влюбленные – герои казахского эпоса, и как пожелание достатка аулиекольцам – изогнутый бараний рог – символ изобилия. Красивые застывшие мгновенья» (4) Не удивительно, что работы Баян Баталовой оказались включенными в выпущенный к 80-летию Союза художников Казахстана солидный пятитомник «Казахское искусство» и знаковую книгу «Скульптура, монументально-декоративное искусство»

Показательны не только сами произведения. Прикосновение к Большому искусству немислимо и без «борьбы», как не заштамповано звучит это слово, без честного взгляда на мир, который физически не позволяет смешивать разумное и не очень, красоту и уродство. Поэтому-то, когда перемещался колоритный памятник И.Алтынсарину Баталова и еще один известный у нас скульптор Белоусов выражали свое несогласие, опасаясь, к тому же, за его сохранность. Памятник перенесли. Но мнение профессионалов было выражено, и это тоже часть нашей истории и один из штрихов к портретам профессионалов, которым так нелегко видеть непрофессионализм.

А как же другие увлечения интересы? Среди них – музыка и книги. «Мы – поколение читающих, - говорит Баян Жолдыбаевна. Брат всю свою стипендию тратил на книги. Да и за мной из города в город кочевали ящики с книгами». Здесь и русская классика, и Айтматов, и Серафимович. Проглатывала множество книг про войну, про блокаду.



Правда, в последние годы книги все чаще заменяет компьютер: «Сейчас в Интернете сижу. Там всегда оперативная информация о художниках, артистах, однокурсниках, да и газеты можно прочесть».

И все же, Баян Жалдыбаевна, прежде всего, остается художником. Даже, когда незатейливо рассказывает о домашних питомцах. Кошке и «кроле» - кролике с крольчихой. Слушаешь – и видишь их, занятных и очеловеченных, а жесты рассказчицы так наглядно демонстрируют то, что мы у людей назвали бы характерами. Вот перед вами «крол», который, вытянув небрежно лапы, разлегся на кресле и свысока наблюдает за тем, что дома. У него чистейший патриархат. Стоит бедолаге-крольчихе высунуться из своего скромного угла - безбожно колошматит ее лапками- мол, знай свое место: «разве что осталось ей паранджу надеть», роняет Баталова. Да и кошка, такая занятная.

Казалось бы, это излишние детали. Но они удивительно четко являют способность видеть и передавать увиденное. Ведь кто такой художник? – Это мастер с глазами ребенка. Мастер, чей труд в радость ему самому. Тот, для кого свободное и рабочее время не разведены, как дуэлянты, потому что вольно или невольно, а свободное время – время накопления впечатлений, рабочее же – в огромной мере время наслаждения тем делом, которое любишь.

#### Литература.

1. Казахское искусство 5-томник. Скульптура. Монументально-декоративное искусство. Альбом. Алматы: Елнур, 2013.
2. Справка-представление Костанайского областного краеведческого музея председателю Клуба меценатов Костанайской области Розинову В.С. за подписью директора У.Б.Акибаевой от 11 ноября 2009 г.
3. Черепаха пожелает счастливой дороги. – Костанайские новости, 16 мая.
4. Тевс Галина. Бараний рог для аулиекольцев. – Костанайские новости, 19 февраля 2011 г..



## «Логично, убедительно, интересно»

РУМЯНЦЕВА М.В.

Это слова известного в России филолога, а в будущем и научного руководителя, об одной из глав работы, ставшей основой для диссертации Марины Васильевны Румянцевой, ныне автора семи десятков серьезных научных публикаций.

Брызжащая творческой энергией и при этом аккуратная и точная до скрупулезности, причастная (хотя и без ее собственного рвения) к руководящей работе, но при этом ничем не напоминающая изначальный образ героини «Служебного романа», Марина Васильевна Румянцова самым своим единением женственности и внутренней, а не показной настроенности на дело, которую так слабо выражает привычное слово «деловитость», являет собой сплав тех качеств, который кажется непостижимым для многих мужчин. Не случайно, давний друг и коллега автора этих строк, образованный и дотошный специалист П.Ф. не раз говорил о высылаемых ему по e-мэйлу статьях Румянцевой, как об образцовых, где и содержание, и научный строй речи, и вычитанность текста всегда гармонируют друг с другом.

Сегодня Марина Васильевна заведует одной из кафедр КГУ им.Байтурсынова. Родилась же она в 1973 г., на Кустанайщине, а если точнее, то в поселке Барвиновский Урицкого, ныне Сарыкольского района. Так случилось, что она оказалась младшей. Брат старше ее на 12 лет, а уже ушедшая из жизни сестра была старше ее на 10.

Предки же ее – из России. Дед, приехавший из голодного Урала в Казахстан, был профессиональным рыбаком и обосновался у Урицкого озера, кишевшего в те годы рыбой. Там, в те далекие, «предвоенные» годы, по словам Марины Васильевны, даже рыбпромхоз был. Когда же началась Великая война, он был уже не очень молод, и в армию его призвали не сразу, в сорок втором - когда ему было уже за тридцать. Был понтонером, то есть служил





в инженерно-технических войсках, обеспечивавших переправу наших войск. Дошел до Берлина, и при этом был дважды ранен. О войне же почти никогда ничего не рассказывал. Единственное, что запомнилось еще девочке Марине – это слова деда об одной из пережитых им бомбежек. Тогда случилось так, что ее будущий дед упал наземь лицом не вниз, а вверх, и, не закрывая глаз, видел пикирующие раз за разом вражеские самолеты: «Лежу – и жду когда же моя очередь, когда бомба ли пуля ли, не минует и меня», - скупо вспоминал он. Но тогда вражеский огонь обошел его стороной...

Судьба же маминого отца оказалась трагичней. Был он простой колхозник. Но из тех, «кто всегда говорил правду в лицо. Вот и договорился». В 1937 г. был репрессирован. Позже же, в самом начале войны погиб на фронте. Видимо, полагает Румянцева, в своего рода «штрафных частях». Сегодня уже невозможно сказать точно. Тем более, что пришла не похоронка, а известие о том, что пропал без вести. И так случилось, что будущая мама Марины Васильевны родилась уже без отца, которого никогда не видела. Ее же собственная мать – бабушка Марины Васильевны, осталась с двумя маленькими девочками на руках. Чтобы прокормиться вдова собирала ивовые прутья. Застудилась в холодной воде – и надолго, до самой своей смерти слегла, так что девчущкам десяти и четырех лет пришлось и за ней ухаживать, и самим как-то выживать. Спасибо, соседи подкармливали и помогали. Но и при этом было настолько тяжело, что сегодня и представить трудно, что при этом можно выжить. Так, мама, которая была младшенькой, и в школу-то могла ходить лишь, когда было потеплее. Иначе просто не в чем было. Да и в самой школе было холодно. К тому же «русская деревня зла на язык». Клеймо врага народа, к которым отнесли отца, мрачной тенью легло и на семью. Может быть, в том числе и поэтому мать, вслед за своим братом, но уже несколько попозже, уже ближе к Целине, переехала в Казахстан. Здесь и встретила будущего отца Марины, который был уже коренным казахстанцем.



Несмотря на свое, кажущееся сегодня невероятным, тяжелое детство, Антонина Кузьминична – мать Марины Васильевны, сумела не только выучиться сама, но и учить других. Работала русоведом в школе, но почти всю свою трудовую жизнь вела и немецкий язык. Это оказалось возможным, потому что в пединституте Орска, где ей довелось учиться, на третьем курсе ввели для филологов и немецкий язык. – Трагедия! Многие бросали вуз из-за того, что было слишком трудно. Но для Антонины Кузьминичны эта «трагедия» обернулась делом ее жизни, да еще таким, без которого, возможно, и Марина Васильевна избрала бы совсем иной жизненный путь.

Отец же Марины Васильевны – Василий Иванович Харламов – ветеран труда. Имеет медаль, а в колхозе (совхозе?) с семи лет. Еще мальцом управлялся с быками. Повзрослев, стал со временем работать в совхозе по хозяйственной части. «Он у меня очень честный», – как о чем-то естественном, но приятном, говорит Марина Васильевна. Иногда друзья его подкалывали: «При такой должности ты ни себе дом не построил, ни детям ничего...» При этом, отец, как и дед, стал заядлым рыбаком. Эта любовь к рыбной ловле предалась и Марине Васильевне, для которой рыбалка стала одним из любимейших увлечений – чем-то сродни восточной медитации, позволяющей отключиться от всего и вся.

А Марина? – По ее собственным словам, к профессиональным занятиям языком, несмотря на профессию матери, пришла, наверное, случайно. Хотя, как сказать... Все-таки, мама – филолог, а бабушка – «хохлушка – тарактушка», буквально излучавшая то, что мы называем «народной мудростью». Она и сама была матерью шести детей, и в колхозном детсаду работала. Так что воспитание детей было тем, чем она жила.

Марина же, подрастая, являла собой интереснейшую, но, впрочем, и не такую уж исключительную смесь. В школе была круглой отличницей. «Все время висела на доске почета». «Мне (и она не первая из женщин, от кого я услышал эти слова) нравилось учиться», – говорит



Румянцева. К тому же, она, как и многие девочки, была активисткой. В классе – «пожизненный председатель отряда, командир». «Мы дома практически не жили – либо в школе, либо в сельском клубе». Самодеятельность. Танцы. Стихи со сцены. Музыкальная школа.... А еще школьная стенгазета «Зубастик», где «прохаживались» по лодырям и прочим. «Самоуправление было настоящее. Никто нас не заставлял».

А еще было много утренников. Конкурсов в клубе... И демонстрации. Готовясь к майским праздникам, вылетали в ветки с распускающимися листиками бумажные цветы. Марина приспособилась делать это с черной смородиной, и по сей день демонстрации Первомай ассоциируются у нее с запахом весенних смородиновых веток.

Еще запоминались (как, наверное, у каждого) и казусы. Для отличницы это, конечно же, были казусы с учебой. Так в третьем классе на диктанте впервые встретилось слово «льдинка» - и Марина, не зная того, что следует, не поставила запятую. Запомнилось на всю жизнь. Как шахматисту, которому запоминается та партия, где он сделал непростительно-поучительную ошибку.

Читать самостоятельно, то есть, опираясь на свой собственный выбор, стала класса с восьмого. Одна из первых книг – «Овод». Потрясла. Много слез было пролито. («Я, вообще, тонкослезая, - роняет безо всякой рисовки Марина Васильевна. – Читаю – плачу. Смотрю кино – плачу»).

При этом Марина в детстве частенько болела. Но все это не мешало склонной к болезням и старательной девчужке увлекаться чисто мальчишескими играми. Вместе с мальчишками и деревянным автоматом она играла в «войнушку». Лазала по заборам. Запомнилось, как еще до школы – лет в пять – шесть получила в подарок прелестное голубое платьице. Пока родители праздновали ее день рожденья, исхитрилась забраться на забор, зацепиться платьем, да так и повиснуть, пока не сняли. Конечно же, слезы. Коленки и локти сдирала – не плакала. А тут... Да и как не заплакать? – Платье-то жалко.

Но нюней не была. Дружила-то почти все с мальчишками. И поныне зачастую ближе мужчины. А лучший друг



– муж, кандидат технических наук, с которым и общие дела, и общие интересы.

... Наступил день - и пришлось прощаться со школой, которую Марина закончила с медалью. И как-то плавно, сама собой учеба в школе перетекла в учебу вузовскую. Поступила на основе собеседования. На иняз Кустанайского пединститута. Хотя давались и другие предметы. С легкой иронией, безо всякой рисовки, Марина Васильевна вспоминает: «Физик меня в пример ставил: «Знаете, как она задачи решала. Лучше всякого мальчишки». Мне это было так смешно»...

Но при этом сам выбор будущих занятий, судя по всему, оказался удачным. Даже счастливым. Что, увы, бывает не всегда. Нередко отличники, да и просто сильные ученики, особенно мальчишки, будучи по природе своей скорее гуманитариями, обращаются к глубокому вузовскому изучению технических дисциплин, естественных и точных наук. И, бывает, судьбы надламываются. Потому, что люди, сами того не сознавая, идут «поперек своей собственной природы».

Однако собственно иняз – один из самых трудных факультетов. «Жуткая зубрежка». «Беспросветное чтение книг у Мансии Кульмагомбетовны», учившей зарубежной литературе. Кстати, это – та колоссальнейшая работа, за которую сама Марина Васильевна благодарна «жесткому» педагогу на всю жизнь.

Одним из нависающих, словно лавина, предметов была «медицина». Небольшой, с бородкой Фомин «из поколения в поколение» вызывал трепет студенток, которые в те годы, помимо основной профессии, должны были учиться и на «медсестер запаса». Передавали друг другу шепотом: «Это тот дядька, который будет валить». А ведь медицина для них казалась чем-то проходным: «полтора месяца походим и забудем». Но и тут студентке Марине повезло: раскашлялась... И стала в самый ответственный момент «подопытным кроликом». Пока другие отдувались, демонстрируя свои познания, она лежала с банками, демонстрируя уже возможности самой медицины, чем, что вполне естественно, тоже заслужила должную отметку.



А вот преподаватель истории партии, казалось бы, скучнейшего сугубо идеологического предмета, Валяев запомнился иначе, как тот, кто увлекал, не пугая.

Запомнилась и философия. Точнее, «как яркая личность», молодой тогда выпускник одного из философских факультетов страны Олег Николаевич Кунгуров. Уже самым своим «неформализованным» видом. В джинсах. Кроссовках. Заходящий в аудиторию с дипломатом, который во время лекции так и оставался лежать нераскрытым. Облакачивающийся на стол и негромко рассказывающий о Сократе и философии вообще. Писать было невозможно. Но сидели и завороженно слушали. (Вполне понятно, что у других о тех же людях могли остаться иные впечатления. Но здесь лишь то, что запомнилось именно Марине Васильевне).

Правда, вуз тех лет – это не только учеба и развлечения. Это еще и сельхозработы, запомнившиеся, как самый «яркий момент». Уже после поступления на первый курс вчерашние школьницы окунулись в самостоятельную жизнь. Группу Марины отправили сразу на Кайбагорский элеватор – лопатить зерно. Да и не только. Во время сельхоз работ приходилось иметь дело и с «идеалом пионеров» - картошкой, когда, стоя с двух сторон ленты картофелеуборочного комбайна, девушки отбрасывали все лишнее, включая комья земли и пищащих мышей. Один раз пришлось даже иметь дело с кротом, запомнившимся своей блестящей черной шкуркой.

Были еще и пионерские лагеря. Работа вожатой. Лагерные песни под гитару. Костры. «Много эмоций и впечатлений». Вожатские капустники. «Зарница». Игры, увлекавшие вожатых не меньше, чем детей: «и на деревья залазили, и клады зарывали. и лешими наряжались. И дети нормальные (Румянцева работала в перовом – старшем отряде, а не с малышами, часть из которых начинает рано скучать по дому). Как обычно, в конце сезона уезжать не хотели»...

С окончанием института работа над собой не закончилась. Стала соискателем, и под руководством Л.Е.Нефедовой, которая вспоминается буквально с обожанием, за два с



половиной года была подготовлена кандидатская диссертация «Типологические особенности компаративистских конструкций».

Показательно, что диссертация не была самоцелью. Примагничивали сами знания. И тяга к этим знаниям давала плоды. По своей личной инициативе Румянцева установила контакты с Гете-институтом, что позволило ей дважды, и не «за свой счет», побывать в Германии: в 2003 и 2009 году.

Уже сами по себе эти поездки стали памятными вехами в жизни уроженки казахстанского села. Первая поездка была в пединститут Дюссельдорфа. Лететь было надо через Франкфурт-на-Майне – крупнейший воздушный порт в Европе, который уже сам по себе, со своими тремя терминалами, являет целый город. Перелет, точнее пересадка, стала настоящим приключением: времени между прилетом во Франкфурт и отлетом было минут пятнадцать. И за это время «с выпученными глазами и распущенными волосами» пришлось не только спускаться с одного самолета, но и бежать, скорее лететь в другой терминал, чтобы последней вбежать на борт второго самолета. Самолета, где ее ждали, даже немного задержав рейс, но, тем не менее, встретили улыбками стюардесс. «Может быть, улыбки были и приклеенными, а приятно». Вторым «приключением» оказалось отсутствие мелочи. Банкоматов же у нас тогда еще не было, и как разменять деньги, ступившая на Дюссельдорфскую землю, Марина не знала. Пришлось на электричке ехать зайцем. На удивление, удачно. Когда же Румянцева прибыла, наконец, в предназначенную для нее квартиру и поделилась своим невольным «приключением» с хозяйкой, то законопослушная немка только сделала «квадратные глаза» и укоризненно покачала головой: «Мол, как же это так можно?»

За «приключениями» последовала трехнедельная учеба, время которой Марине Васильевне довелось провести бок о бок с китайцем – статным и высоким, чей облик так не вязался с тем образом гражданина Поднебесной, который до этого рисовала себе Румянцева. С китайцем же потому, что организаторы решили: раз уж Казахстан соседствует с Китаем, то и вы оба лучше поймете друг друга. Такое решение отчасти



оказалось соломоновым. У китайца был такой акцент, что, как шутит Марина Васильевна, «кажется, к концу учебы только я одна и понимала его». К сожалению, бедняга так и не смог освоить разговорный немецкий, что его невероятно потрясло. «Впервые я видела, как мужчина рыдает». Сама же Марина Васильевна, уже имея солидную (заметьте, кустанайскую!) предварительную подготовку, да еще и усидчивость сдала успешно «высший уровень» экзамена.

Целью второй поездки – семинара по немецкой литературе – уже был Мюнхен. Она пришлась на лето и, в отличие от трехнедельной первой, была на неделю короче. Оба раза жила на квартирах, специально предназначенных для таких, как она, приезжих. Первый раз на квартире у медсестры. А второй – у балерины, само общение с которой было уникально интересным.

Естественно, одной учебой дело не ограничивалось. Уже в первую поездку довелось побывать в Бельгии и Париже, а на электричке – попасть в Кельн с его знаменитым собором – «машиной католицизма», рядом с которым и сегодня «чувствуешь себя козявкой». Во время же пребывания в Баварии в день своего рождения – 21-го июня Марина Васильевна получила подарок – поездку на самую высокую в Германии гору. Значительная часть пути была проделана по серпантину, выходящему в туннеле. Поразили не только природные красоты горных озер, вершин и склонов, но и ухоженность, аккуратность. Чистота. Нигде не встретишь: «Здесь был Вася»... Ухоженность бросалась в глаза и в полусредневековом, не многоэтажном Мюнхене, где, несмотря на постоянные проливные дожди, тротуары были столь чисты, что можно было ходить в белых брючках. Запомнилось и пение птиц, которые словно старались перекричать шум дождя, и, конечно, многое иное.

Чуткие же уши и глаза профессионала уловили то, о чем не раз писали о Германии: такое своеобразие диалектов, которое делает эти диалекты настолько непонятными для других немцев, что при демонстрации кинофильмов, подчас, требуются титры. Особенно своеобразен в этом отношении язык швабов.



Как видим, работа, да еще со студентами требует огромных сил и времени. Наверное, это стало банальным, но учитель остается учителем, лишь пока он сам может и любит учиться. И Марина Васильевна – один из таких учителей.

И при этом Румянцева не забывает о семье. Она мама двух детей – сына-подростка и дочери, только начавшей учебу в школе. Любопытная деталь: Марине Васильевне довелось готовиться к кандидатским экзаменам по философии как раз в то время, когда она кормила свою девочку грудью. И то ли поэтому, то ли по иным причинам, но девочка заговорила очень рано. Буквально в годик начала сыпать словами. Как шутили, впитала философию и склонность к речи «с молоком матери». Что ж, дети очень часто способны на куда большее, чем мы сами при всех наших регалиях и прочем. Да и как же иначе?



## **Как стать хорошим ювелиром?**

ИГОШИН Л.А.

На этот непростой вопрос у Мастера с большой буквы известного художника-прикладника Леонида Александровича Игошина простой ответ: «Работать! - Только постоянная практика, - говорит он, - может сделать мастера. Ведь в чем отличие нашего дела? В том, что это творчество и ремесло одновременно. Потому нужен и творческий подход, и навыки, которые приходят только с опытом...» (1, с.17) К тому же «для ювелирки и сила нужна большая, и нервы, и дыхалка...» (2, с.7)

Но как же все эти качества, и не только они, появились у самого Леонида Александровича? Откуда он родом и как он пришел к тому, что стало делом всей его жизни?

Родился Леонид Александрович 5-го февраля 1933 года в Ивановской области подле старинно провинциаль-





ного русского города Юрьевец, городка с девятисотлетней историей. Из Юрьевца был родом Тарковский, а именитый шоу-певец Леонтьев, как вспоминает Игошин, - «даже учился в одном классе с моими двоюродными сестрами».

Правда, в отличие от двоюродных сестер, Леонид Александрович родился и рос не в самом Юрьевце, а в приютившейся неподалеку от городка деревне Ивановиха. Родился он в крестьянской семье. Отец его – Александр Михайлович был столяром и плотником. Мать – Мария Михайловна – колхозница. По отчествам – словно брат и сестра. Переплетение имен словно стало семейной традицией. Супруга самого Леонида Александровича – Вера тоже Александровна. Дочь Оля. А у сына Ольгой зовут жену. Внучка Оля вышла замуж за Романа. А внук Роман женился на девушке по имени Оля.

Такова жизнь с ее бесчисленными сюпризами и занимательными поворотами судеб. Жизнь, очень часто нелегкая и трагичная. Ведь Леня потерял отца совсем еще ребенком, в 1943 году. Отец Лени был не из робких и хилых. Служил в полковой разведке. Был и пулеметчиком прикрытия. За несколько лет войны успел получить 5 ранений и три контузии. Служивший с отцом будущий школьный учитель Леонида вспоминал, что однажды после бомбежки отца потеряли. Когда же спохватились, то он почти целиком был засыпан землей. Найти помогли оказавшиеся незасыпанными полы шинели. После ранений и контузий фронт сменялся госпиталями, которые, в свою очередь, снова сменялись фронтом, где разведчики, по скудным словам отца каким-то чудом просочившимся в его письма, «почти каждую ночь ходили за смертью». Погиб Александр Михайлович под Старой Руссой – точнее, в пяти километрах от нее под селом Киево, где и был похоронен. Позже захоронение перенесли повыше – под деревню Крюково, название которой звучало по всей стране в известной в прежние годы песне о войне.

Отец погиб. Но жизнь продолжалась. Вместе с Леонидом росли и его две сестры, которые, повзрослев, связали свои судьбы с мужьями, оказавшимися в Казахстане, в нефтенос-



ном Мангышлаке. Один из них был крупным геофизиком, другой – буровщиком.

Сам же Леонид, сколько себя помнит, мечтал стать лишь художником. Даже не мечтал, а был убежден, что так оно и будет: «что я буду художником. не сомневался»... Даже на уроках, сидя на задней парте, вечно что-то рисовал, пока кто-то из одноклассников отвечал учителю. Свой девятый класс он заканчивал в Кинешме. Когда же встал вопрос о выборе, юный Леонид намеревался отправиться в известный всему миру Палех. Но директор отсоветовал: там «старинные богомазы», все устоялось, все на потоке, один рисует голову, другой руки... А вот в Красном училище, великолепные работы по металлу. Так выбор пал на художественное училище в местечке Красное-на- Волге, в Костромской области. «Нас, - вспоминает Леонид Александрович, - повели в музей дипломных работ. Я одурел. Волосы встали дыбом. Неужели это можно было сделать?».

Что же касается собственно поступления, то оно оказалось для него делом не трудным. Приняли Леонида сразу, и в 1950 году началась его учеба в Красном. Учиться там должны были пять лет. Однако, после двух лет учебы, в 1952 году молодого Леонида «забрали» в армию. Друг попал во флот. У Леонида же нашли плоскостопие и потому его отправили «в авиацию», где он и отслужил три с половиной года. Авиация же требовала особой подготовки, и уже во время службы один год и четыре месяца Леонид должен был посвятить учебе совершенно новому для него делу. Учеба эта проходила под Москвой, опять-таки, в красивом стариннейшем городе Переяславле Залесском. На берегу Плещеева озера, места тоже исторического. Ведь там был ботик Петра Первого. Однако к старинным церквям тогда пиетета не было. Время было не слишком благорасположенным к религии. Так что склады и классы располагались в церквях. Штаб и тот был в районе церкви.

В целом же учеба дала непростую воинскую специальность. Леонид Александрович стал механиком по эксплуатации самолетов, в круг обязанностей входило то, что позже уже поручали только офицерам: и вооружение, и электроо-



борудование, и гидрооборудование. «Училище, - говорит он, - мне очень понравилось. Окончил с отличием. Дали место службы по выбору – от Москвы – до Дальнего Востока». Выбрал же родное Иваново, где на Западном аэродроме и продолжил службу. Однако, что вполне естественно, руководство узнало о художественных склонностях Игошина, а потому его часто вызывали в штаб – то для одного, то для другого дела, связанного с его художественными образованием и навыками. В связи с этим (поскольку Игошину приходилось часто отлучаться) его перевели старшим механиком по наземному оборудованию – для обслуживания тренажеров, предназначенных для обучения и обкатки будущих летчиков. «Повезло мне здорово. У меня ни отбоя, ни подъема»...

Когда же служба закончилась, вернулся в родное училище. То, что было как-то пропущено, догнал самостоятельно, включая и так пригодившуюся с годами «Историю искусств».

В 1957 г. Игошин защитил диплом. Его дипломной работой – работой, с которой он справился на отлично, был штамп для подстаканника, изготовленного к 40-летию Октября.

После защиты диплома, Игошин был сразу назначен главным художником ювелирного завода. Тогда же была принята и заявка на изготовление вазы для ЦК к сорокалетию революции. Игошин сделал все ему положенное графически, а дальше уже в дело вступили приданные ему мастера. Расписывалась же она в Ростове Ярославском. И сегодня эту вазу, украшенную с одной стороны портретом Ленина, а с другой - изображением Кремля, можно видеть в редких изданиях, посвященных прикладному искусству.

После вазы были конкурсы. «Я побеждал на них», - говорит Леонид Александрович, негромко и так же ровно, словно вспоминает о том, как пек обычный хлеб. Но труд Игошина был далеко не обычным. Он стал художником, которому посчастливилось иметь дело не с рутинной, а с уникальными изделиями. Одним из них стала подарочная ваза для президента Египта Насера. Наряду с ней



было подготовлено и несколько произведений искусства в качества подарка для лиц, сопровождавших президента. Таким было время. Время, когда в советском руководстве решили: пора отказаться от привычных подарков в виде лошадей и машин и перейти к дарению произведений искусства. Следующим же президентом, которому было вручено творение Игошина был Урхо Кекконен- президент Финляндии, страны, в которой позже довелось побывать и самому Игошину и которая привлекла его своей цивилизованностью.

Леонид Игнатъевич и сейчас вспоминает о том, что у него работали лучшие мастера, и «все они были хороши», - говорит Игошин, листая книги с портретами его собратьев по искусству и ремеслу.

Среди созданного в те годы и ваза к XX съезду КПСС, и корочка для дарственного адреса Косыгину, и уникальный ларец, посвященный трехсотлетию воссоединения Украины с Россией.

Работы, и увлекательной, было много. Но случилось так, что в Алма-Ате начинала работать фабрика сувениров, и друг Игошина пригласил его в тогдашнюю столицу Казахстана. Игошин принял приглашение, тем более, что Совет министров давал письмо с гарантией того, что в Алма-Ате его, уже отца двух детей, ждет не только работа, но и жилье. Так и случилось. Переехав в Алма-Ату, Леонид Александрович получил и работу, и трехкомнатную квартиру. Последнюю получил в день, когда разбился Гагарин. Таким и остался этот день в памяти: и как светлый, и как темный одновременно...

Это было в 1968 г. Правда, с прежнего места отпускали его неохотно. Директор ювелирного завода заметил: «Был бы партийным никуда бы не поехал. Иначе можно было бы положить и партбилет на стол», что в те годы было чревато многими жизненными проблемами. Но Леонид Александрович, хотя и выполнял заказы ЦК, сам членом партии никогда не был, и, как свободная птица, упорхнул в Алма-Ату. Поскольку же там не было таких мастеров, как



на прежнем месте, пришлось самому (осваивать и кропотливую и трудоемкую работу мастера по металлу), как говорят профессионалы, «работать в материале»..

Среди того, что было создано уже в Казахстане, и замечательный подарок к шестидесятилетию Кунаева, тогдашнего первого руководителя Казахстана, и многое, многое иное. Его чеканка украшала здание Дворца бракосочетания в Алма-Ате». Особенно же запомнилось участие в создании бутафорных изделий к «Козы Корпеш и Баян-Сулу» в театре оперы и балета имени Абая, а затем и аналогичная работа – изготовление, шлемов, поясов, щитов, доспехов ...к эпическому фильму «Кыз Жибек» (3, с.5; 4 с.16) «Кстати, - воодушевляется Леонид Александрович в беседе с корреспондентом «Костанайских Новостей» Николаем Стадниченко, – работать над бутафорским металлом для фильма «Кыз Жибек» было очень интересно. Я получил большое удовольствие, (как участник)... Хотя тогда никто и не думал, что у кинокартины будет такой успех. И в итоге этот успех запишут в классику казахстанского кино. Сейчас, конечно, приятно сознавать, что был причастен к созданию фильма». (2, с.7)

Все складывалось просто здорово. Но через несколько лет оказалось, что климат Алма-Аты не подходит для жены. А тут пригласили принять участие в масштабной работе в Рудном. Так в 1973 году Леонид Александрович оказался в Кустанае, который после Алма-Аты казался ему большой деревней – даже четырехэтажек было мало. Зато работа увлекла. Художник Солдатов задумал колоссальный барельеф: три фигуры площадью в семьдесят квадратных метров. Но как такой проект воплотить в металле? – Для этого нужен был специалист, которым и оказался Игошин, к тому времени овладевший и этой гранью ремесла. К тому же понравилась и общая атмосфера. В городе говорили на языке, который он знал с рождения. Да и Тобол был рядом. А это так много значило для Игошина, бывшего в свое время заядлым рыбаком. Вот и остался.

Уже в Кустанае было сделано очень многое – и решетки гостиницы «Турист», и чеканка на втором этаже нового здания вокзала (которой, к сожалению, сейчас уже нет),



металлические рельефы, ставшие органической частью оформления магазина «Детский мир», санатория «Сосновый бор» и многое, многое иное, включая ювелирные изделия: женские украшения, ажурные металлические изделия, словно покинувшие страницы сказок для того, чтобы застыть на стендах выставочных залов. Потрясающее, завораживающее чудо, глядя на которое с трудом веришь, что в наш машинно-компьютерный век это создано человеческими руками, а мастерская творца находится в обычной типовой трехкомнатной квартире и, если чем и поражает, то не размерами, а удивительным порядком и образцами созданного.

Работы Игошина упомянуты в солидных искусствоведческих изданиях, таких, как «Костромская быль» (М.: Современник, 1984, с.463, – крупнейшее в то время издательство в Европе), где об Игошине говорится, как об одном из менее, чем десяти ведущих художников Красносельской ювелирной фабрики. Статья о нем – в первой книге четвертого тома библиографического словаря «Художники СССР» (М.: Искусство..., 1983...с.482), где дано соцветие художников-прикладников, творивших с 18-го века по шестидесятые годы века двадцатого.

Как забавный, но приятный курьез Леонид Александрович вспоминает свое посещение московского кинотеатра «Ударник», где на стенде его произведение каким-то образом оказалось среди работ старых мастеров. «Смотри! Ты уже и в старые мастера попал!» - шутливо заметил тогда товарищ.

Не удивительно, что произведения Игошина стали известными не только в России и Казахстане. Как отмечает Р.Салыкова, «Леонид Александрович участвовал во многих международных выставках – в Германии, Франции, Бельгии многих других. Например, на выставке ЭКСПО-67, проходившей в Монреале большим успехом пользовалась его работа «Ледоход». А ларец, изготовленный в 1970 году под названием «Утро на Джайляу» демонстрировался почти по всей Америке на выставке советского изобразительного искусства. (4, с.16)

Не обошло Леонида Александровича и признание профессионалов. В Алма-Ату Игошин ехал уже кандидатом



в члены Союза художников. Спустя два года после приезда он стал уже полноправным членом этого творческого союза. Причем при голосовании почти все были «за» и лишь один «против». Среди множества наград, можно выделить премию «Казына», Костанайского клуба меценатов, которой его удостоили в 2004 г. и изданный в 2013 г. иллюстрированный альбом с образцами его произведений, альбом, предваряемый поздравлением с восьмидесятилетием от акима области Н.Садуакасова.

Но, наверное, главная награда и главная удача – это возможность заниматься творчеством, неотделимым от ремесла – той работы, «которая, - по словам самого художника, - так захлестывает, что забываешься, и ничего вокруг не существует, даже времени...», «смены времен года». (2, с.7)

Не меньшим подарком Судьбы стал и тот мир искусства и мир людей, с которым связало Игошина его творчество. В советское время – время его молодости и зрелости было множество командировок, учебных и творческих поездок. Леонид Александрович объехал чуть ли не всю Прибалтику, Причерноморье, был в Москве, где без препон открывались двери замечательных музеев, хранящих образцы искусства целых столетий. «Как вспомнишь, много нам тогда внимания уделяли. Специально посылали изучать памятники Кремля». Да, есть что вспомнить, тому, кто отдал свою жизнь любимому делу. Есть и с чем сравнить. И нынешний Костанай уже кажется Игошину не большой деревней, а городом, который похорошел за последние годы.

Казалось бы, позади столько колоссального по затрате сил, труда, столько нелегких лет. Ведь мать растила Леонида вместе с сестрами без погибшего отца и в не очень-то сытое время. А столько естественного света, столько жизненной силы в его творениях! Скромная же по размерам мастерская художника и поныне остается рабочей - той разнообразно «рабочего кабинета», без которой трудно представить человека творческих профессий. Все же, какая это удача и какое счастье всю свою жизнь быть причастным к культурной жизни своего города, своей страны.



#### Литература.

1. Аронова Д., Горбик К. Ювелирный Костанай – Костанайские новости, 15 августа 2013 г.
2. Стадниченко Н. Увидеть красоту за холодом металла. - Костанайские новости. – 12 февраля 2013 г.
3. Леонид Игошин. Составители Калинова С.Н., Сейтжан А.А.– Костанай: Картинная галерея, 2013 г.
4. Салыкова Рабига. Филигранью по жизни. – Арт-метро, 11.10, 2013.



### «Так сложилась судьба»

КАЛИНОВА С.Н.

Причастность к искусству может быть разной. И пути к нему не всегда прямые.

Мы сидим в одном из трех залов Областной картинной галереи. Напротив меня Сая Калинова. Сая Нурлубаевна – зам. директора Дома Дружбы, заведующая картинной галереей, с жизнью заполненной выставками и встречами с художниками. Прямо скажем: жизнью далеко не скучной.

Но думала ли прежде девочка Сая о том, что ее личная жизнь так сплетется с искусством своего края? – Как часто, многие из тех, кого встречаешь, вспоминают, что в детстве хотели быть художниками, артистами или актрисами. У Саи же были другие мечты, впрочем, менявшиеся столь же часто, что и мечты и стремления многих других детей, а само рождение никак не предполагало будущего интереса к искусству.

Родилась Сая под знаком Тельца в апреле 1964 года в основанном еще переселенцами поселке Успеновка Федоровского района. Отец ее был сначала шофером, а затем – зоотехником. Родившая пятерых детей мать - Зейнаб - сельской домохозяйкой с таким нелегким кругом дел, который сегодня был бы по плечу и далеко не каждой





«работающей». Погода – непогода, дождь ли снег – а корову надо доить, да и дом с многолетней по нынешним временам семьей следует держать в порядке. Отца, как можно понять из отчества Саи, звали Нурлубаем, а вот с отчеством его самого или именем деда оказалось сложнее. Нурлубая Бердышевича по паспорту вернее было бы именовать Бердыгалиевичем. Но так уж записали, вольно или невольно русифицировав имя его отца. Имя, которое волею истории само оказалось сплетенным с такими уже русскими словами, как «бердыш», «бердянка», Берск...

Среди рожденных у Нурлубая и Зейнаб детей трое были девочками, а двое мальчиками. Один из последних трагически погиб двадцатидевятилетним в результате автопроисшествия в далеком от Костанайской области Нижневартовске. Случилась эта беда накануне очередного Нового года, и тот Новый год стал самым страшным для семьи. Но вернемся к Сае. В школу она пошла в том же совхозе, правда, уже в другом селе, куда отец переехал в поисках лучшей работы. Вполне понятно, что вместе с ним переехала и семья. Совхоз этот именовался Воронежским, а школа была русскоязычной. Здесь Сая провела все свои школьные годы.

Шутливо вспоминая детство, Сая говорит: «В первых классах вообще не понимала, что такое учеба». Наверное, все было не совсем так. Но один казус запомнился на всю жизнь. Обучаясь письму, маленькая Сая старалась выводить «пузатые» буквы. Чем пузатее – тем, ей казалось, красивее. Особенно пузатой оказалась буква последняя. Какова же была обида, когда в ее тетрадке на другой день появилась двойка. Ну да у кого из нас не случалось так, что «красивое» и «правильное» мы понимали по-своему, а не так, как следовало бы понимать?

Запомнилось еще и то, что совсем малышкой начала сочинять «стихи». Может быть, потому что «каким-то боком» это передалось от дяди – старшего брата отца? Тот, будучи и участником войны, и известным железнодорожником, долгие годы проработавшим с ныне легендарным Б.И.Рубинштейном, тоже писал стихи, любил Есенина, и есенинский портрет, как и у многих в те годы, украшал его



комнату. Сая же писала стихи где-то до третьего класса. Во всяком случае, она помнит, как на Новый год сама вызвалась прочитать собственные стихи под елкой. Правда, от смущения прочитала свое творение так тихо, что «дед Мороз так и не услышал», и, наверное, никто не понял, что прочитанное сочинила сама девочка. Но все равно этот добрый дед конфетку ей дал.

Подрастая же, Сая все больше увлекалась точными науками. Любила геометрию, черчение. Позже физику. А уж кем только ей не хотелось быть! – И математиком. И чертежником. И архитектором. А в том самом третьем классе, когда учительница спросила, кем же малыши видят себя в будущем, Сая подняла руку и сказала, что хочет быть дипломаткой. Интересно же. И по миру можно ездить. Как в кино, которое посмотрела незадолго до вопроса.

После восьмого класса уже мечтала о медучилище – помощи людям. Но затем, все-таки, закончила школу, попутно занимаясь на заочных химико-технологических курсах при одном из казанских вузов. Когда же в книжном магазине ей попала книжка «Мы из МГУ», где рассказывалось о различных факультетах этого знаменитого университета, «загорелась» психологией.

Не удивительно, что после школы сразу поехала в КазГУ. Выбирая между химией и биологией, остановилась на биофаке – как-никак и к психологии поближе. Правда, с программой для абитуриента ознакомились лишь после приезда в тогдашнюю столицу республики, чем немало удивила тетю, которая тогда была рядом с ней. И что же делать? Засела в библиотеки и... поступила.

Учеба очень нравилась. Атмосфера была демократичной. «Не было школярства», нудных проверок «явки» на занятия. Бывало, конечно, что сами преподаватели устраивали переключку. Но это не пугало. Пропущенное можно было отработать. Главное же – были доверие и самодисциплина. Интересные специалисты: «У нас были ученые – цвет науки»... Диплом получила в 1986 г.

Поскольку училась хорошо, то можно было надеяться и на аспирантуру, куда, кстати, впоследствии и звали. Что



ж, стезя ученого-исследователя была тем, о чем мечтала Сая. (До сих пор «девочки говорят: прошла бы аспирантуру – была бы уже КБН (кандидатом биологических наук»). Однако в советские годы существовало такое любопытное для нынешних молодых людей явление, как «распределение»: три года надо было отработать. Будучи примерной и здесь, Сая провела их в школе Каратау (Джамбульская область тех лет). Те годы были для Саи, а точнее уже Саи Нурлыбаевны, повинностью, которую она честно отбывала. Но главное даже не в этом. Началась круговерть последних лет Перестройки. «80-е – 90-е во многом крах, ломка». Хотелось быть с семьей. Помочь ей.

Вернувшись в родную область, Сая Нурлыбаевна хотела поначалу работать по специальности. Ведь ее дипломная работа была посвящена пшенице, а у нас, в Заречном (и в Карабалыке) были опытные станции. Но один человек предполагает, а другие располагают. Предложили не место младшего научного сотрудника, а старшего лаборанта. Как-то отпугнуло: после солидного вуза – и мыть пробирки?

Случилось же так, что, проходя мимо Областного краеведческого музея, узнала, что там-таки нужен именно научный сотрудник. Хотя и младший, но **научный**, - вспоминает Сая, смеясь, - «академичность звучания привлекла». И пошла работать в музей. Там затянула организационная, общественная работа – была, «как пионервожатая». Думала: временно. А оказалось – нет. За областным музеем последовал только-только создававшийся «Алтынсаринский», где Сая стала главным хранителем. Пришлось участвовать в открытии этого музея. А память о таком дорогом стоит.

В 1995 году снова вернулась в областной музей. Так случилось, что на этот раз – в отдел живописи и графики. Отдел значительный, ведь в нашем музее собрано очень многое из того, что на протяжении десятилетий создавалось, прежде всего, местными художниками, многие работы которых известны далеко за пределами Костаная. Уже музей дал возможность побывать и за пределами РК, и в Караганде, и в Кокчетаве (Кокшетау), да и не только.



В две тысячи же восьмом году произошло событие, знаменательное не только для города, но и для области. Была вновь открыта Картинная галерея, которую еще называют и Выставочным залом. Причем где открыта! В самом центре города, в отреставрированном старинном здании, построенном еще накануне Первой мировой войны в 1913 году. Здание прочное, солидное, с тремя залами, так подходящими для размещения картин и других произведений искусства.

Вот здесь-то и довелось Сае Нурлыбаевне продолжить свои встречи с искусством. Миниатюрная и подвижная, словно солнечный зайчик, она успевает множество дел – от бесконечных, но совершенно необходимых телефонных разговоров – до подготовки выставок, встреч с художниками и многого иного. Мне доводилось видеть ее и сверкающей на презентациях, и отмеченной усталостью и деловой сосредоточенностью. Но ни разу не видел начальствующей и не слышал начальственного тона. Я не психолог. Но для меня всякое соприкосновение с Картинной галереей – это не просто встреча с искусством, но и встреча с людьми, с которыми легко и интересно.

Правда, самим этим людям легко не всегда. Вроде бы, «судьба оказалась достаточно милостивой... в чем-то», – роняет Сая Нурлыбаевна, которую я никак не могу представить солидной дамой с отчеством – настолько она естественна и проста. По крайней мере, со мной и теми, кого я давно уже знаю...

Судьба милостива. Ведь она подарила азарт нескончаемых встреч с творческими людьми и поездки, такие, как поездка в Питер, где довелось побывать и в Русском музее, и в частной картинной галерее «Эрата». Посчастливилось, уже самой съездить и в Москву. Город «Мастера и Маргариты». Побывать у памятника Пушкину. На Арбате. А сколько еще предстоит! И, наверное, судьба оказалась не такой уж слепой, если вывела к искусству девочку с устремленностью к науке, а душой романтика – явлению ныне нередко кажущемуся столь же странному и архаичному, как Последний из Могикан.



Но труд в Галерее – это не только презентации и сплошные встречи с искусством. Это еще и суета - сколько же времени она съедает! А так хотелось бы читать, чтобы на многое, уже связанное с искусством, могла бы ответить так же четко, как когда-то отвечала на вопросы по биологии.

«Ну, что ж, - может быть, на пенсии буду читать», - смеется Сая. Может быть, хотя того, кто соприкоснулся с творчеством, трудно представить, мирно дремлющим за книжкой или перед экраном телевизора – Главного Распорядителя в квартире современного пенсионера.



## «Жизнь интересна»

ШАЛУНОВА С.И.

Это слова Светланы Ивановны Шалуновой – художника-оформителя и педагога, члена Союза художников РК. Каковы же ее корни, какие дороги привели ее к жизни, неотделимой от искусства?

Светлана Ивановна родилась на Южном Урале, в Нижнем Тагиле. Было это 31 декабря 1951 года в десять часов вечера – ровно за два часа до Нового Года. Так уж случилось, что свой первый новогодний подарок она сделала маме. Фактом своего собственного рождения. Семья Светланы Ивановны, как и многие другие семьи, была интернациональной. Отец – Иван Зверин был русским. Мать – Гыльзина - «чистокровная татарка». Отец работал в охране лагеря, и, как вспоминает материнский рассказ Светлана Ивановна, был строг и «законопослушен». На службе и погиб. «Его переехала машина». И никто уже не скажет, была ли это случайность или чья-то месть. Так в два года Светлана потеряла отца. Мать же запомнилась мягкой и терпеливой. Но не бесхребетной. «От нее, - говорит Светлана Ивановна, - и мой характер. Могу долго уступать. По мелочам. Но не по сути». Работала мать на хлебозаводе, откуда и приносила с собой теплый запах хлеба.



Помнит Шалунова и деда по материнской линии. Звали его Валиулла. И жизнь его вполне могла бы стать основой какого-нибудь лихо закрученного боевика, или, как сейчас, называют, «экшин». На Первую мировую он попал совсем еще молодым. Там успел и «хлебнуть» газовой атаки, что сказывалось и многие годы спустя. В годы же Гражданской ему довелось воевать у Блюхера. Непосредственным командиром был Карташов, тоже достаточно известный и упоминавшийся в книгах об этой войне. Служил дед в кавалерии, где, по его словам, во время кавалерийской атаки и рубки очень много зависело от коня. Как-то он даже рассказывал, как во время реквизиции ему довелось самому выбирать скакуна. Реквизировать были вправе любого. Показывали и холеных, откормленных. Но он глянул: стоит в сторонке, грязный, измазанный навозом, со спутанной шерстью... и выбрал его. Отмыл, откормил. «Сколько раз спасал этот конь меня в атаках... когда рубились», - любил вспоминать дед.

Но война есть война. Бывало всякое. Довелось ему побывать и в плену у белых, откуда посчастливилось бежать – в кальсонах, босиком по снегу. На удачу свои оказались рядом. Так что не обморозился.

Кавалеристом оставался дед и в быту. Во всяком случае, свою будущую жену Мининор взял военной осадой. Та была на десять лет старше, и такие браки, особенно среди «простых» людей, казались странными. Но как не отнекивалась Мининур, Валиулла одержал победу. В результате у них сложилась семья и родилось двое детей – будущая мама Светланы и ее дядя – Гертруд, добрый человек и классный шофер, который и в пятьдесят участвовал в «Ралли» на «Газах». Может показаться, что имя у дяди для уральского татарина странноватое. Оно, скорее, походит на немецкое. Но таково было время, и имя советского татарина означало сокращенное «Герой труда», что для тех лет не было редкостью.

Дед же, которого по возрасту, да и по состоянию здоровья, на Отечественную не взяли, после завершения уже этой войны жил на своего рода «хуторе», где и пас



овец. Места были красивые, с земляничными полянами и живописными скалами. А два подопечных деда Светлане даже запомнились по его байкам. Один был козлом. И что ж это за отара без своего козла? Звали козла «Потап». Был этот Потап с характером. Сядет дед курить – и Потап тянется пожевать табак. Приляжет дед – копыта на грудь. Знак благожелательности. Если же не даст табака – не подходит целый день – обижается. Второй подопечный был крупным солидным бараном. Любил встречать, несущих ведра с водою. Кто его знал, останавливался и давал напиток из ведра. А если нет? – Вел себя баран совсем не по солидному: подбегал сзади – и рогами в соответствующее место. Так что и ведра опрокидывались, и вода расплескивалась...

После смерти бабушки мама забрала деда в Тагил, так этот боевой и охочий до рассказов дед и стал жить с дочерью и внучкой. Светлане же в детские годы довелось бывать и в иных крепко сбитых уральских домах. Глаз будущей художницы на всю жизнь запечатлел русскую печь, крынки, ухваты. крестьянский двор и... старую Библию с застежками.

В школу Светлана пошла в Нижнем Тагиле. Уже тогда, как, наверное, многие девочки, сызмала тянулась к красоте. Как-то раз, когда мама была на работе, взяла ее шляпу, навязала бантов и отправилась в школу, и казалась себе очень красивой. Мальчишки же обнаружили полное непонимание красоты. Стали «ржать» и обзывать «мадам». Этот курьезный случай запомнился, но тягу к прекрасному не отбил.

Больше же всего, наверное, Светлана любила литературу, библиотеки. В первом, втором и третьем классах «все сказки перечитала». Потом дошла и до фантастики, классики. С удовольствием помогала библиотекарям. Те пускали ее в закутки «не для читателей»: «глаза заклинивало от удовольствия».

В седьмых – восьмых классах, когда стала перечитывать классику, появился и учитель рисования – Гартман Александр Иванович – худой, высокий, интеллигентный. Он-то и подсказал Светлане: «надо рисовать». Художествен-



ных школ тогда не было. Но при каждом Дворце пионеров были студии, кружки рисования. Руководителем студии и здесь был человек подготовленный, выпускник Днепрпетровского художественного училища. Давал основы профессионально. Когда же Светлане было лет двенадцать, первая ее работа появилась на детской выставке в местной картинной галерее. – Аж, дух захватывало: «Моя...» «Раз сто посмотрела,- вспоминает Светлана Ивановна. Поэтому и я с детьми».

Заканчивая школу в 1969 году, думала поступать в пединститут, чтобы стать учителем литературы. Потом узнала о художественном училище, и решила поступать в художественное училище. Конкурс был шесть человек на место. Но поступила. На декоративно-прикладное отделение. Уже при сдаче экзаменов заметила паренька: невысок, красив, весел. А тут еще и, как тогда обычно бывало, поступивших послали на картошку. Трех девушек и трех парней поселили рядом. Вместе у костра пекли картошку. А на втором курсе Светлана и Александр, выросший со временем в классного художника, поженились. Завершая учебу, диплом уже делали втроем – с мужем и другом Матюшко Юрием Савельевичем, который и посоветовал ехать в Кустанай. Интересно, что дипломная работа, которую защитили на отлично, была столь объемна и увесиста, что ее везли на двух грузовиках. Она представлял собой пропорционально уменьшенный фриз и блок из гипса. Фриз был посвящен увлекательной теме: «Цирк».

Приехав в Кустанай, молодые супруги окунулись в мир художественно-производственных мастерских, в которых они сразу же получили работу. Жили поначалу в съемной землянке. Трудились, а сын был в садике. Работать было интересно. Но... подкатали девяностые. Госзаказы исчезли. Если прежде в мастерских трудилось около сорока художников, то в период «развала» очень много молодых и перспективных уехало. Светлана и Александр оказались почти безработными. Приходилось выкручиваться, рисовать то одно, то другое. Стабильности заказов уже не было. На отопление мастерских денег и то не хватало. Пришлось





приобрести печурку. Но, с другой стороны, когда было много заказов, львиную долю времени поглощал труд, причем труд запланированный. А тут – делай, что хочешь. И это не просто. Но такова жизнь: всегда что-то одно дается за счет другого.

Но и тогда погибло далеко не все. В 2002 году Светлану Ивановну пригласили в городскую художественную школу. Поначалу такое предложение казалось странным: «Я ведь не преподаватель. Я художник». Но... Попробовала. – «Я ведь у всех училась». И не зря. Работа педагога оказалась вторым призванием – подлинным подарком судьбы. К тому же и люди в коллективе не только творческие, но и человеческие. «У нас великолепный коллектив, – говорит Светлана Ивановна в беседе с Денисом Сутыкой. – Бывший директор Русин Леонид Иванович положил массу сил на создание школы. Он отбирал специалистов по отношению их к детям. Ведь педагогов много, а учителей мало. Мы детей с первых лет учебы начинаем приучать к выставкам. Ребенок должен быть заинтересован в том, чтобы его работы видели». (1, с.8) И словно продолжая тему уже с автором этих строк, размышляет: «Как приятно, что мы, все-таки, преподаватели. Жалко, когда талантливые художники живут сами для себя. Без учеников». И как замечательно, когда кто-то из учеников сам потом идет по стопам учителя. Одна ее ученица, закончившая с красным дипломом пединститут – Кокжанова Алина Рыскановна теперь тоже преподает в художественной школе. «И хорошо преподает»

Что же касается учеников, то любовь того кто, ведет детей прикасаться к искусству, неотделима от требовательности. «За так не хвалю. Но, когда хвалю, не скуплюсь. И они тогда работают с таким азартом. Учю и ответственности перед зрителем: если не хотите делать красоту – не беритесь. Какой прок в мазне?» «Правда, помимо мастерства, еще и душа важна. Бывает, что есть мастерство, а не греет никого». К тому же, - по мнению Шалуновой, - не всякую даже талантливую картину можно повесить у себя дома, например «Крик» Мунка. Это же страшная работа. Ведь любая картина – это «волновой пакет, тоже информа-



ция, которую закладывает художник длиною цвета, волны. У каждого свое излучение». И откликаются люди на это индивидуально.

Жаль только, размышляет Светлана Ивановна, что сегодня не все тянутся к искусству. Глядишь – иная выставка замечательна. А многие ли посмотрели? «Беда в том - добавляет она – , что нас засасывает быт. Тряпки, деньги. А здесь, в галерее (в подвальной части которой, кстати находится и ее мастерская), можно отдохнуть, поразмышлять немного, отдохнуть от быта, подумать о мире, о себе. Может, следует сделать передвижную выставку и выставлять ее в бизнес-центре, университетах? Люди будут идти и непроизвольно смотреть. А потом, заинтересовавшись, эти же зрители пойдут в галерею. И после этого они уже не смогут купить ... мазню, которую сегодня продают повсеместно за хорошие деньги. Кстати ее (эту мазню) отлично видят наши выпускники». Сами никогда уже поделки не купят.

Можете соглашаться в чем-то со Светланой Ивановной, можете – нет, но, разговаривая с ней, как и со многими иными ее собратьями «по цеху» буквально кожей чувствуешь, что художник – это не просто рисовальщик, не просто мастер, знаток своего дела, а это еще и обязательно острый, пристальный глаз и мысль.

И Светлане Ивановне повезло. Повезло в том, что ей есть, с кем поделиться и своим мастерством, и своими размышлениями о прекрасном, воплощаемыми в творчестве, в осязаемом материале. Повезло и потому, что ее муж, а затем и один из двух сыновей, тоже те, кто занимается общим с ней делом. Ее муж Александр Петрович Шалунов – уроженец г. Копейска. Родился он 5 мая 1948 года. Окончив вместе с супругой училище в Нижнем Тагиле и попав в Костанай, был «главным художником Художественно-производственных мастерских, являлся членом художественной комиссии». Являясь членом Союза художников РК, был около 10 лет был председателем Костанайской организации СХ РК. Работы его и по сей день трогают зрителя мягкой, ненавязчивой душевностью, разнообразием и



мастерством. Был он и полюбившим свое дело педагогом. Довелось ему преподавать и в КГУ на факультете истории искусств. (2) Но в 2009 г. он ушел из жизни. Внешне подвижный и энергичный, он с детства познал, что такое боль. Когда мальчонке было одиннадцать, он страшно пострадал после падения с мотоцикла. Перенес две клинических смерти, семнадцать операций. Отец, то ли не выдержав испытания, то ли увлекшись другой женщиной, оставил семью, и матери Александра, будущей свекрови Светланы, пришлось растить его самой. Было нелегко. Да и через годы травмы давали о себе знать, и уже, знакомясь со Светланой, Александр говорил ей о проблемах со здоровьем. Но какие могут быть проблемы, когда есть любовь? – Так вот и поженились, да еще родили и вырастили двух замечательных мальчиков. А потом, как водится, появились и внуки – заядлые хоккеисты, живущие вместе с родителями в недалеком от Казахстана Магнитогорске.

Пошедший же по стопам родителей сын, окончил художественное училище в Копейске, «по специальности художник оформитель», а затем, уже, как художник-дизайнер, получил и высшее образование в костанайском «Зерде». Дмитрий Шалунов «работает в художественной миниатюре и графике». Известен не только в Костанаяе. В рекомендации «Областного Дома творчества» на соискание премии «Казына» в номинации «Изобразительное искусство» особо подчеркнуто, что «на выставке декоративно-прикладного искусства в г.Актау» его «работы были отмечены специальным призом и дипломом». Что ж, признание много значит в жизни художника. Особенно в наше время с его все ускоряющимися темпами, метаниями ценностей и моды, когда, в отличие от прежних столетий, тем, кого не заметили современники, трудно надеяться на то, что их оценят потомки. И, все-таки, наверное, самое главное – это радость творчества и возможность заниматься своим любимым делом. Как ни грустно, но такую возможность жизнь дарит не всем. Но, если уж семья Шалуновых в такие нелегкие годы с путаницей и в жизни, и в головах, сумела сохранить тот стержень, который позволил выживать



и физически, и духовно, то, думается, такие люди достойны такого подарка. Да и уместно ли называть просто подарком то, что дается трудом и любовью к тому, чему отдаешь свою жизнь?

#### Литература.

1. Сутыка Денис. «Светлана Шалунова: «Впустите в свою жизнь художника». – Костанайские новости, 9 апреля 2011 г., с.8.
2. Александр Шалунов. «Светя другим, сгораю сам...» -Костанай, 2009. (Памятное издание подготовлено сотрудниками Костанайского областного краеведческого музея).



### **«Я не считаю себя живописцем...»**

НОВОСЕЛОВ Ю.Д.

«Я не считаю себя живописцем...» - произносит Юрий Дмитриевич Новоселов в своем компактном и по деловому обустроенном кабинете в цокольном этаже Костанайской областной картинной галереи. Казалось бы, о чем тогда говорить? – А говорить есть о чем, как и есть на что смотреть, над чем задумываться, когда соприкасаешься с его работами.

Но что же тогда означают его слова? – «Я не считаю себя живописцем, - словно о чем-то само собой разумеющемся говорит он. – Свои работы, если маслом делаю, назвал бы «композиция в технике масляной живописи». Я больше не чувством, а умом делаю. В живописи же нужно больше чувства, скажем, почувствовать цвет. А здесь все на знании делается».

Ремесленничество? – Не спешите с ответом. Особенно сегодня, когда критерии творческой деятельности так часто оказываются размытыми и тот, кто сочинил несколько удачных (или кажущихся таковыми) стихотворных строк, выпустил им же оплаченную книгу или добился искомой



научной степени, звучной по названию должности уже считает себя соответственно – то поэтом, то писателем, то ученым. Юрию Дмитриевичу этого не требуется. Его слова – слова не ремесленника, а мастера, который долго постигал основы мастерства и хорошо знает цену и себе, и другим. И в них нет самоуничижения – ведь творчество самого Юрия Дмитриевича разнообразно, а плакаты сделали его имя известным не только за пределами Костаная, но и Казахстана. Одно только перечисление успехов и призов и, посвященных Новоселову, газетных статей могло бы занять несколько страниц. И, думается, как в шахматах, именно мастер, а не дилетант, одолевающий противников « в своем дворе», может трезво судить о своей силе и особенностях собственного стиля. Да и то, что «умом делается», не всегда противоречит искусству. Не случайно в статье, посвященной двадцатипятилетию его творческой деятельности, упоминаются уже слова его друзей о том, что он «самый интеллектуальный человек, тонкий, воспитанный. Он – настоящий художник» (16).

Так кто же такой – Юрий Дмитриевич Новоселов? - Он – костанайский художник. Но родился не в Костаная, а в городе Асбест Свердловской области, 15 мая 1952 г. Детство его было непростым, и о родителях, да и детских годах в целом говорит скупое. Отчасти потому, что отец – Дмитрий Михайлович, 1922 года рождения был фельдшером, связанным с разбором и доставкой в соответствующие места секретной корреспонденции, и об этой своей, равно как и предшествующей деятельности дома не распространялся. Мать же умерла, когда Диме было четырнадцать лет. Отец женился вновь. Отношения в семье, во всяком случае, к детям, мягко говоря, были сложными. Были и «материальные проблемы». Поэтому уже после восьмого класса поступил ГПТУ - городское профессионально-техническое училище (СПТУ – сельское ... училище), где и прошло два года. Там кормили. Но вот механизмы оказались совсем не тем, к чему тянуло парня. Попав на практику в мир гигантских экскаваторов, не мелкий сам по себе паренек понял, что это – не его. По окончании же училища, поскольку



отработать положенное все же было надо, устроился в соответствующей направлении организации художником. И не «для отмазки». Рисование Дмитрий полюбил еще со школьных лет. Поэтому-то наряду с ГПТУ он не только закончил вечернюю школу (дававшую в те годы формально полноправное среднее образование), но и учился в художественной студии.

Более же «стойчиво» занялся живописью и творчеством в целом в восемнадцать лет. Четыре года он проучился в хорошо известном уральским, казахстанским, да и художникам всего Союза, Уральском училище прикладного искусства в Нижнем Тагиле. Позже, будучи уже зрелым мастером, окончил факультет изобразительного искусства и дизайна Костанайского государственного университета им. А.Байтурсынова. Правда, учеба в художественном училище, проходила с перерывами. После первого курса его «забрали» в армию. Служить довелось в Германии, связистом, когда в ходу была еще, требовавшая специального изучения, азбука Морзе. Воспоминаний о самой стране осталось немного: в увольнительных доводилось бывать не часто, учения же проходили за пределами городов. В память запало лишь ощущение аккуратности и чистоты. И еще невольнo рождавшееся ощущение мощи Союза, видевшегося таким громадным рядом с этой ухоженной Европой. («Понимаю иностранцев, которые хотят разрушить такую мощь – для них это неуправляемая стихия»). Сама же армия каких-то особых, достойных обстоятельного и оригинального рассказа впечатлений, по мнению Юрия Дмитриевича, не оставила. Но и мрачных воспоминаний не осталось. О «стариковщине» в годы, предшествующие его службе слышал, но сам лично «и на себе не испытал, и даже не видел», хотя годы службы пришлись на непростую для армейцев первую половину семидесятых.

Завершив армейскую службу, вернулся в училище. Училище это, по словам Юрия Дмитриевича, «было не как сейчас, настоящей школой мастерства». Из учащихся готовили не только оформителей, а художников. «Там и поймал бациллу» уже никогда не исчезавшей тяги к



творчеству. Поскольку же был худ и высок – и сегодня на полголовы возвышается над своими, подчас далеко не маленькими, братьями по цеху – постоянно участвовал в самых разных соревнованиях – от баскетбола до легкой атлетики. Полюбил и настольный теннис, которым продолжал увлекаться и годы спустя после окончания учебы. Спорт же помогал и просто физически выжить. Участникам соревнований давали талоны на питание, что было очень кстати, потому что с деньгами было туго. Новоселов вспоминает, как один месяц учебы протянул всего-то на десять рублей. Помогло то, что соседу по комнате привозили картошку. Да и деньги тогда были в иной цене. Но и в те годы такая жизнь была более, чем спартанской.

Там же, в училище, встретил и свою любовь, и будущую супругу. (Правда, по словам самого Юрия Дмитриевича, в настоящее время его жена отошла от бывшей деятельности и сейчас занимается тем, что можно было бы назвать «художественной кулинарией». Сама создает рецепты, готовит блюда, делает экспозиции и все это превращает в образцы художественной фотографии. Получила немало призов в Интернете и даже сотрудничает с одним из сайтов. Но все это сейчас. А тогда?)

После четырехлетней учебы в училище уже семейный Новоселов по распределению попал в Курган. Но в Костанае (тогда: Кустанае) были друзья. Мастерские, как в один голос говорят все художники, гремели по всему региону, да и не только. Здесь очень много было иногородних, включая и художников из Прибалтики, Алма-Аты. В сравнении с Курганом, где пришлось работать оформителем на заводе, кустанайские мастерские выглядели настоящим Эдемом для художников: «свобода, заказы», настоящее творчество.

«Для меня, - говорит Юрий Дмитриевич, - Рига и Костанай, города, где я сразу почувствовал себя на месте. Тут я сразу ориентируюсь. Не было ощущения, что попал сюда случайно. Как обувь, которая нигде не жмет. Носишь, как тапочки».

И, наверное, не случайно, что именно Костанайские мастерские для Новоселова, как и для многих иных



художников, стали и взлетной площадкой для творческого роста и, соответственно, местом, где они могли реализовать себя, как художники. В 1981 г. Новоселов, которому тогда не было еще и тридцати лет, был принят в молодежное объединение Союза художников Казахстана. В том же году он, как плакатист был направлен «в Дом творчества Союза художников СССР» в литовском городе Паланга. В советские годы дважды довелось побывать ему и в Доме творчества в латвийской Юрмале, расположенной вблизи от Риги. В 1986 году Новоселов стал членом Союза художников СССР. Он обладатель премии «Казына» 2012 г. в номинации «Изобразительное искусство».

Собственно же его работы многожанровы и разнообразны. Здесь и живопись (как бы ее не именовал сам автор), и графика, и экслибрисы, и плакаты, монограммы и логотипы. Работы Юрия Дмитриевича Новоселова выставлялись на десятках выставок (всего свыше семидесяти), в числе которых около двадцати персональных. Вспомним лишь некоторые из них. 8-е и 10-е Международное биеннале графики и плаката в г. Брно в 1978 и 1982 годах. Международная выставка «Красный крест, здоровье, гуманизм и мир» (Москва, 1982 г.). Участие в Международных выставках в различных городах Польши, в Германии, Италии, Болгарии, Румынии, Финляндии, США, а также СССР и республиканских, казахстанских. При этом целый ряд работ Новоселова был отмечен престижными премиями, как республиканских, так и союзных и международных конкурсов. Воспроизведем здесь только одно письмо, датированное 27-м января 1982 г. и адресованное Новоселову Ю.Д., Новоселовой Л.Н. и Думчеву В.К.: «Уважаемые товарищи! Медицинская ассоциация Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами учредила приз для победителей Международного конкурса плаката... По решению жюри конкурса наш приз вручен Вашему плакату «8 мая – Всемирный день Красного Креста»... С пожеланиями дальнейших творческих успехов».

Немало его работ, как, кстати, и ряда других наших художников, находятся в музеях и частных коллекциях





самых разных стран мира - в Чехословакии (в те годы еще единой), Финляндии, Польше, Румынии, Литве, Эстонии, США (Нью-Йорк), России и, конечно же, самого Казахстана.

Вполне понятно, что любое творчество не бесспорно. Да и что же это за художественное творчество, если оно всеми воспринимается однозначно, как таблица умножения? Так, об одной из давних выставок плакатов, состоявшейся в областной библиотеке им. Л.Н.Толстого, в книге отзывов можно было прочесть и «Очень интересная выставка. Такой личностный взгляд на окружающую действительность. По новому открывается этот мир»... и «Темы художника, конечно, актуальны, но не новы» ( Цит. по И.Ким «Несколько мнений о творчестве художника») (7).

Что ж, как говорится, ничто не ново под луной, и, естественно, не новы темы любви, боли, надежд и глупости, равно, как и многие-многие иные. Но представить, вроде бы, уже знакомое в новом свете, причем таком, который приковывает взгляд именно к нашему настоящему, это уже очень немало. Тем более, что многие плакаты буквально «цепляют» своим остроумием, своим неожиданно-парадоксальным, подчас гротескно ироничным сочетанием изображения и текста. Выхватим почти наугад только несколько из них. Вот перед зрителем бутылки и пара рюмок, одна из которых опрокинута, и подпись: «Друзья – воры времени». А вот – две руки с «зелененькими» под ироничным афоризмом «Богатый – это бедный с деньгами». А вот выплывающая из мрака рука с направленными к вам пальцами: «Сначала трижды подумай, а потом промолчи» или, набитый долларами, раскрытый дипломат с данной почти петитом, скромной текстровкой «Ничто так не увеличивает сумму взяток, как борьба с коррупцией». А вот совершенно замечательное: цыпленок подле скорлупы, из которой он только что вылутился, под сенью вроде бы банального: «Трудно избежать будущего!» Или: «Затянись!» - плакат с дымящейся сигаретой, протетой, словно в цирковое кольцо в веревочную петлю.

Подобные сочетания надо и почувствовать, и увидеть, как умом, так и глазами. Сам Юрий Дмитриевич говорит



об этом, что приходится и отбирать, и вылуцивать отдельные фразы из абзацов, как семечки из шелухи. Мне показалось, что такая работа чем-то сродни той, что превращает коряги и сучковатые ветви в гномиков, леших и создания самого разного рода. Кто из нас не сталкивался с корягами и причудливо изогнутыми ветвями? Но надо быть художником, чтобы увидеть и донести до нас то, что они таят в своих формах. По мнению Новоселова, художник – это не профессия, отдав которой, как заводскому станку, восемь часов, можно переключиться на что-то другое. Это – образ жизни, форма существования. «Ловишь себя на том, что идешь по улице: человек, машина, дерево... и непроизвольно представляешь: а как же это будет выглядеть на холсте?»

И, конечно же, никуда не уйти, от не вычитанного, не подслушанного, а от своего, личного восприятия мира и его ой каких непростых проблем, что неожиданно выплескивается в таких работах, как пронизанный молнией плакат, шапка которого алеющие, словно на пиру Валтасара, слова «Не верую, Господи!», а основой – высвечивающее на мрачном темно-синем фоне: «Помоги моему неверию!» Плакат – парадокс, плакат загадка и тайна, размышляя над которым один из самых профессиональных журналистов и литераторов области - Лариса Ивановна Кайнюкова – заметила: «У Новоселова с религией нестереотипные отношения. Как и с атеизмом. И то, и другое – нечто совсем иное, чем то, чему нас учили прежде и учат теперь. А что именно – это уж пусть каждый для себя сам решает», соприкасаясь с произведениями Новоселова. (10)

И, опять-таки, рассуждая о творчестве, о полете фантазии, никак не уйти от интеллекта, от того, что называют общей культурой. Конечно, хотя культура и называется «общей», здесь у каждого свои предпочтения. Свои они и у Юрия Дмитриевича.

Так, в том, что касается литературы, по словам самого художника, он консерватор. «Любимым авторам не изменяю всю жизнь. Шукшина, Лескова, Цвейга, Шишкова могу перечитывать десятки раз. В общем-то, с каждым писателем, поэтом нужно знакомиться вовремя – в том смысле,



чтобы он совпал с сегодняшним твоим состоянием. Тогда и примешь его, он твоим станет. И в музыке так. Сейчас вот ( в период беседы с Л.К.) с удовольствием слушаю современные ритмы. В другое время, возможно, будет нужнее классика или народная песня. Человек ведь тоже многозначен, многомерен» (10. Из беседы с Л.И.Кайнуковой). И, опять-таки, уже из сказанного мы видим, как относителен его так называемый консерватизм. Это консерватизм – не человека, замыкающегося в жестко очерченном кругу, своей, если хотите, скорлупке, а того, кто даже ради развлечения не склонен изменять определенному художественному уровню, к какой бы сфере творческой деятельности это не относилось. И при всем при том человека мыслящего, своего рода философа, если не по формальным критериям, то по духу.

А как же быть с заказами? – всплывает излюбленно подковыристый вопрос журналистов. «... На заказ труднее работать, чем на себя?» И Новоселов естественно, словно выдыхая, отвечает: «Какой же я профессионал, если не сумею и заказчику угодить, и против себя не погрешить? Кроме шуток, творчество творчеством, но и о хлебе насущном думать приходится. Я, в конце концов, занимаюсь делом, которое люблю. А когда за него еще и платят то, что может быть лучше?» (10, Кайнукова Л. От черного до белого). И, наверное, так оно и есть: одна из значимейших частичек того, что мы называем счастьем – возможность зарабатывать себе на жизнь тем делом, которое любишь, которое уже само оказывается сердцевиной твоей жизни, когда вопрос о разделении свободного и рабочего времени отпадает за ненадобностью, потому что для свободного в своей любви художника такого разделения просто не существует.

Но для Новоселова художник – это не только кабинет, не только карандаш, кисть, а теперь уже и профессионально освоенный компьютер. Это и общение. Общение с сотворцами, с братьями по цеху. Потому-то для него так значимы и прежние поездки в Палангу и Юрмалу, и уже гораздо более поздние на Симпозиум и Фестиваль живописи



в Алматы и Актюбе, и приглашение в Астану. «Когда варишься в собственном соку, апатия, бессмыслица. Когда же едешь – не столько поработать (хотя и это, бесспорно, важно), сколько зарядиться встречами».

И что тут возразишь? – Все мы, включая художников, литераторов и педагогов, упрощенно говоря, напоминаем те источники света и связи, которые, как, к примеру, мобильники, способны давать что-то другим, когда сами заряжаемся от окружающих. Такова жизнь человеческая. Такова наша природа, которую художники, будь то художники слова или художники в буквальном значении этого понятия, чувствуют особенно тонко.

### Литература.

К сожалению, в обширных подборках многие вырезки газетных статей даны неверно- без указания конкретных дат и изданий. Поэтому работа по их уточнению возможна в будущем (хотя общее перечисление публикаций в справочных данных о Юрии Дмитриевиче имеется). В целом публикации даны в предоставленном порядке. В силу технических сложностей здесь ссылки лишь на русскоязычные публикации.

1. Одиннадцатая республиканская выставка произведений молодых художников Казахстана. Каталог. – Алма-Ата, 1982.
2. На страже завоеваний социализма. Республиканская художественная выставка, посвященная 65-летию Вооруженных Сил и Пограничных Войск СССР. Каталог. – Алма-Ата, 1983.
3. Каталог выставки плакатов по охране природы (итоги всесоюзного конкурса. – М., 1983.
4. Республиканская художественная выставка, посвященная 80-летию Второго съезда РСДРП. Каталог. – Алма-Ата, 1983.
5. Каталог республиканской художественной выставки «Земля и люди», посвященной 30-летию освоения Целины. – Алма-Ата 1986., с.10.



6. Республиканская выставка плаката...
7. Выставка советско-польского конкурса плакатов «Братство. Дружба. Сотрудничество». Каталог...
8. Республиканская художественная выставка «40 лет Победы». Каталог. – г. Алма-Ата, 1996.

Газетные статьи.

- 1 Шестаков И., корр, «Ленинского пути» Посвящается юбилею Казахстана»
2. Знамя – у художников Кустаная. – Костанайские новости.
3. Костанайский художник с мировым именем....
4. Сила графического афоризма.
5. Миры Юрия Новоселова. – 22 ноября 2002 г.
6. Журковский Л. В искусстве и «мусор» сгодится. (О выставке 20 марта... в областной библиотеке).
7. Ким И. Несколько мнений о творчестве художника.
8. Мнений много – цель одна. Плакаты из Кустаная. – Ленинский путь. 18 июня 1985 гда, с.4.
9. Якушев В. Знакомство с прекрасным. (О выставке ряда художников на заводе химического волокна).
10. Кайнюкова Л. От белого до черного.
11. Городская газета «Юрмала».
12. Александров Г. Гражданственность художника (О произведениях Торшина, Лугового, Шалуновой, Карпенко, Новоселова, Бухнера, Сокова, Захарченкова и других
13. Кравченко П. Директор художественно-производственных мастерских «Казхудфонда». Палитра художников...
14. Потрясилова А Зав отделом ис-ва обл. библиотеки им. Л.Н. Толстого Персональная выставка.
15. Приз международного конкурса.
16. Костанайский художник с мировым именем (место публикации не указано).
17. Выставка «Земля и люди». (О выставке в Москве, в Манеже).
18. Дробах. Заметить бабочку (о коллективной выставке).
19. Суворова Л. Это Родина моя (к 60-летию образования СССР)



20. Щедрин П. Всегда начеку. (О выставке куст. худ во Дворце пионеров к 50-летию образования СССР и 65 – летию советской милиции). – Костанайские новости.
21. Алпысова А. Первая ласточка. – Актюбе таймс. 2011, №23, с.21.

Как уже было замечено, в список публикаций включены не только посвященные Ю.Д.Новоселову лично, но и те, в которых говорится о целом ряде других, известных у нас художников.



## Увидеть красоту

ТОРШИН Н.В.

Мы в мастерской художника. Точнее в длинном двухэтажном здании, где когда-то были мастерские Кустанайского художественного фонда, а теперь обитают два Николая Васильевича – один – художник-прикладник Николай Васильевич Гончаров, а другой – Николай Васильевич Торшин, открывающий одну за другой двери комнат, за которыми, как за нарисованным очагом каморки папы Карло, мир картин, набросков и рисунков, столь контрастирующий со старыми стенами и потолками строения, которое в былые десятилетия было сердцем художественной жизни города. Картины, рисунки и наброски заполняют стены и стопками лежат под бережно укрывающим их белым полотном. Их сотни и сотни. Только рисунков и набросков больше восьмисот. Берешь один рисунок за другим – и начинает казаться, что нескончаемые березы, сосны, и карагачи прорастают прямо из бумаги. И пейзажи... пейзажи... пейзажи. Много не видел почти никто, а то и вовсе никто. Но рисунки продолжали рождаться. Наверное, с такой же естественной неотвратимостью, как трава рождается землею, листья – ветками. Как рождается все живое.



И все это увидено и перенесено на бумагу и на холсты одним человеком – костанайским художником Николаем Васильевичем Торшиным, подметившим красоту то в узловатых ветвях карагача, то в отблесках лужиц на проселочных дорогах, то в каком-нибудь неброском домике. Художнике, который, показывая рисунок, порой замечает: «А ведь то, что я рисовал было красивее того, что на бумаге...»

Что ж, с природой человеку состязаться трудно. Но прикоснуться к красоте природы и самого человека – по силам; и тяга к таким вот прикосновениям словно разлита в комнатах мастерских. Тяга, которая навеивает банальные, но неотступные мысли: с чего начинается художник, поэт, писатель, музыкант, классный журналист? – Да с самого простого: с умения увидеть, услышать, почувствовать то, мимо чего кто-то другой пройдет. И, конечно же, с умения выразить, передать все это. Умения, нарабатываемого годами и десятилетиями. Вот эти два вида умения – своего рода два крыла, без которых не может быть ни творчества, ни творца.

С одним из таких творцов мы встречаемся сегодня. Это Николай Васильевич Торшин, известный и в Костанаете, да и за его пределами. Он – Отличник в сфере культуры, член Союза художников РК, участник нескольких десятков выставок, среди которых и ряд персональных. «В 1997 году был награжден медалью «Астана», в 2011 году ему – первому из костанайских художников вручили почетный нагрудный знак «Курмет» Союза художников Астаны..., Четыре живописные работы художника вошли в выпущенную в 2013 г. книгу «Художники Казахстана за годы независимости» ( «Гостеприимство», «Будет хлеб. будет и песня», «Солнце Казахстана», «Праздник в поселке Заречный») (1), а полотно «Мои земляки» вошло в пятитомник «Казахского искусства», подготовленный в Алматы к восьмидесятилетию Союза художников Казахстана... 33 произведения Николая Васильевича подарены областной картинной галерее (2).

Откуда же он, и как искусство вошло в его жизнь?



Родился Николай Васильевич 14 мая 1937 года в селе Карагалы в те годы Урицкого района Кустанайской области. Родители отца прибыли в Казахстан из Самары еще в 1906 г, как переселенцы во времена Столыпина. В семье деда было четверо детей – три сына и дочь. Третьим из сыновей и оказался будущий отец Николая – Василий, которому в ранние годы было нелегко: приходилось и недоедать, и скот пасти.

В 1941 году отец оказался на фронте. Рядовым. В 1943 г. вернулся списанным вчистую. Во время бомбежки был засыпан землей и контужен. Стал задыхаться. Поэтому и комиссовали. Знаменем того времени было то, что война напрямую вошла в жизнь миллионов. И отец жены Николая Васильевича - Валентины Иосифовны, школьной учительницы истории, тоже прошел войну и фронт. Но, если отец будущей жены художника после демобилизации выбрал Фрунзе, то отец самого Николая Васильевича вернулся в Кустанай.

Поначалу, еще в годы войны, Торшины жили «на Урицкой улице» – той самой, где многие годы стояла и хатка моего собственного деда. Рядом были степь и 514-й завод (опять-таки, тот самый, к которому была прикреплена моя собственная школа, и где доводилось мне проходить практику в годы учебы в старших классах). Неподалеку стоял вокзал. Травы же были столь высоки и сочны, что ими кормились выходявшие на волну утки и гуси. Где-то, сравнительно неподалеку, была и летная часть, и дети заморожено смотрели, как боевые самолеты делают в небе «мертвую петлю».

Отец стал работать завхозом в ремесленном училище – в самом центре города, в здании, связанном с именем Ибрая Алтынсарина. Сегодня на его месте располагается прокуратура. Мама Николая Васильевича была фактически матерью – героиней, родившей и воспитавшей восемь детей, и при этом прожила 91 год. Сам Николай Васильевич был третьим из восьми.

Из детства запомнилось немало. И, конечно же, день Победы, который Коля встретил восьмилетним мальчу-





ганом. Но запомнился не столько особой торжественностью, сколько обыденностью. Из рупора на малолюдной улице небольшого тогда города звучали слова о Победе. Слова, которые запали в память босоногих в буквальном смысле этого слова мальчишек. Еще запомнилось, как после переезда – ближе к Тоболу – вместе с сестрой ходили зимою к речке за водой. Вода была чистой и пригодной для питья. Когда расчищали затянувшиеся ледком лунки и набирали воду, то в ковш или ведро попадали и маленькие песчарики – лакомство для кошек.

Еще запомнилось, как поначалу, до переезда в 1945 г. на Набережную, ходил в школу около вокзала и однажды, когда старший брат дал флакончик с чернилами, одноклассник задел этот флакончик, и он разбился. Настоящее горе-до слез! Запомнились и однокашники, которые приходили в школу то в буденовках, то с сумками через плечо (скорее всего с планшетами летчиков). Ну как было не позавидовать мальчишке, чью тряпочную школьную сумку сшила мама!

А как же рисованье? Как и многие, связавшие свою жизнь с изобразительным искусством, рисовать начал очень рано: «Насколько себя помню, с трех лет рисовал», - говорит Николай Васильевич. Рисовали и те, чья стезя оказалась потом очень далекой от стези художника. Неплохо рисовал старший брат, который, к тому же «великолепно играл на баяне». Рисовали соседи. «Я всегда подсматривал, некоторые дети рисовали и лучше меня», - спокойно, как о чем-то совершенно естественном, вспоминает Николай Васильевич. Может быть. Но для школьника Николая рисование стало не просто увлечением, а страстью; и когда в 1953 году при Доме пионеров открылась изостудия с легендарным для Костаная Александром Ивановичем Никифоровым, имя которого все его бывшие ученики вспоминают с трепетной благодарностью, Николай «бегом побежал» и первым записался. Первым же пришел и на занятия.

Пролетело пять месяцев – и лучших студийцев – по два-три человека из музыкальных, танцевальных кружков, певцов, фото и изостудии – повезли в Москву, где детей из маленького казахстанского городка водили в Третьяковку,



театр и даже провели на стену Кремля, оказавшуюся такой широкой, что по ней могла проехать повозка, запряженная лошадьми. В театре же больше всего запомнились декорации, изображавшие, как лето, так и зиму. Пятнадцатилетний подросток изумлялся тому, как это художники могут так красиво и правдиво рисовать.

В Костаная со своим любимым учителем Александром Ивановичем постоянно ходили на этюды. Он-то и «привил любовь к природе». Он же учил точности и аккуратности. К сожалению, детские работы, которые сегодня были бы очень интересны, не сохранились. Они исчезли после ухода Николая в армию. Однако навыки будущего мастера оченьгодились в годы воинской службы, пришедшейся на 1956 – 1959-й годы. Стройному и поджарому, но крепко сбитому 177-сантиметровому Торшину служить довелось в Белоруссии, в ВДВ. Был он полковым художником, что обеспечивало своего рода «особое положение», но при этом не освобождало целиком и от того, что положено солдату. А что-то было и просто интересно. Например, прыжки с парашютом, которых за плечами у Николая Васильевича – 41.

Сказать, что Торшин армию вспоминает тепло, значит сказать очень мало. И поныне он помнит имя «хорошего мужика» - командира полка, Героя Советского Союза Колоева. Да и многие другие офицеры, особенно, кто постарше, были из фронтовиков и относились к солдатам с заботой. Из училищ приходили лишь те, кто помладше, командиры взводов. «Но и они не обижали».

После службы в армии вместе с известным у нас художником Г.Соковым поехали сдавать экзамены в Свердловск. «Специальность» сдали успешно. А вот с сочинениями была проблема. Поэтому не прошли. Зато затем удалось поступить в Алма-атинское художественное училище им. Н.В.Гоголя, где Торшин проучился пять лет - с 1961 по 1966 г. неизменно с повышенной стипендией. Имена своих педагогов Николай Васильевич с благодарностью вспоминает до сих пор. Но вот сам он в годы учебы, подобно многим, многим из нас, совершил то, о чем до сих пор



вспоминается, как о грустном просчете, о том, что нет-нет, а щемит до сих пор... Да и все ли могут похвастаться, что в личном ли плане, в творческом ли, они не упустили когда-то, садившуюся к ним на руки, свою птицу удачи? – Писал же поэт: «Сегодня не скажешь, а завтра уже не поправишь. Вечная память!»

А дело было так. Училище посетила делегация из трех человек. Из Ленинградского, репинского... Как раз тогда студенты трудились над портретами и обнаженной натурой. Выделили Торшина. Приглашали без экзаменов ехать учиться в Ленинград. Но он отказался: уже семейному молодому человеку хотелось вылезти из нищеты, поработать, приодеться.

Увы, второй раз судьба такого шанса не предоставила. Когда, уже поработав в кустанайских мастерских, поехал в Москву, в Суриковский институт, то, вроде бы, успешно сдал и живопись, и рисунок, и композицию. Да и сочинение. Но наступил час собеседования с ректором. Перед глазами художника и по сей день длинный, длинный стол. Ректор в галстук и пиджаке. И разговор о том, что Торшин из Кустанае, да еще и семейный. А был уже один такой, кустанаец, который появлялся лишь на сессии, а, по сути, не учился. Ректор намекнул, что и с Торшиным будет то же самое – станет зарабатывать, и будет ему не до учебы. Заверения абитуриента в обратном не подействовали, и зачислен он не был. «Это Репинский – для провинции, а московский – Суриковский, для москвичей». Так или иначе, а, возможно, складные речи ректора были лишь отговоркой – слишком уж много было рвущихся в училище из самой столицы и рыдающих девиц, и «волг» на подъезде к храму искусства...

Так и остался Торшин в Кустанае. Но многие десятилетия работы в мастерских для него, как и для иных художников, не были временем прозябания. Здесь, по его словам, только постоянно трудилось 60 человек. Работать же приезжали с разных концов Союза – из Харькова, Киева, Львова, Ленинграда, Москвы.

Правда, художественная среда своеобразна. Особенно столичная. С горечью вспоминает мастер столичный



снобизм, с которым он соприкоснулся в Москве, когда помогал обустроить выставку в Манеже – колоссальном по своим размерам сооружении в центре Москвы. Помогал и картины развешивать, и рамки запиливать – он и поныне все это может, вплоть до заточки ножей, о чем молчаливо свидетельствует столярка в одной из комнат его мастерских. Принимая за москвича, усиленно звали, буквально «тащили» на банкет. Узнав же, что он из Казахстана, да еще из Кустаная с изрядным высокомерием обронили нечто вроде такого: «Да бросьте вы. Рисуете там, пишете. Это не то. Вы должны молоко, мясо в Москву давать. А мы вам – искусство...»

Может быть, это не типично. Но штришок любопытный. И что интересно: в так называемом научном мире, по крайней мере, я лично в то время с подобным не сталкивался.

Но, как бы то ни было, а в советские годы в Кустанайских мастерских кипела жизнь. Была масса заказов, позволявшая художникам твердо стоять на ногах. Правда, сами заказы толкуются неоднозначно: мол, вот она, несвобода, труд по велению свыше, а не по велению сердца. Так одна из добротных в целом статей в местной прессе прямо названа «Колосья – на заказ, а васильки – для души...» Слова самого Николая Васильевича. Но они вырваны из контекста. Для самого художника заказ и душа – не антагонисты, а то, что дополняет друг друга. Более того, работа на заказ вовсе не означает обязательную бездушность. Вчитаемся внимательнее в слова художника, повествующего в беседе с тезкой Николаем Стадниченко: «Все знали о костанайских мастерских, как отличной базе для старта. И производственных зданий хватало – расписать огромные стены предприятия. Строек в то время было много... И частные заказы, на которых зарабатывали молодые художники. В советское время это не так просто было сделать. А Кустанай давал такую возможность. И местным, и приезжим мастерам. Заказов хватало и на именитых, и на молодых.

Кстати, такими мастерскими могла похвастать далеко не каждая область. И не только в Казахстане, да и в любой



другой республике Союза. У нас такие были в Караганде и Целинограде. Но большинство художников для производственной практики выбирали именно Кустанай. Во всем Союзе знали, что у нас подобралась очень хорошая команда художников, работающих в самых разных направлениях (что, как мы видели, порой не могло стать заслоном снобизму – Ю.Б.). При этом мы успевали и соответствовать заказу – серп и молот, колосья, волевые подбородки... И в то же время заниматься творчеством для души. Нет-нет, да и появятся васильки и ромашки на героических панно...» Работа по заказу при всей своей сложности и «запрограммированности» - тоже искусство. Казалось бы, «сделать композицию со вкусом, так, чтобы понравилось и худсовету, и заказчику, было просто невозможно. Но мы делали это! В тех самых мастерских». (3) Да и сегодня художник с гордостью вспоминает о тех случаях, когда его творения покупались, пусть уже и частными лицами. Ведь если платят деньги, значит созданное востребовано. И разве не работали по заказу то государства-полиса, то церкви мастера древности и гении Возрождения? Знаменательно, что уже в другом, более раннем своем интервью тому же Стадниченко. на прямой вопрос: «Для вас работа на заказ – это другое творчество?», Николай Васильевич четко отвечает: «Скажем так, более ответственная работа». (4).

Да и покупка картин – может рождать и гордость. Ведь, если еще покупают, значит, кто-то ценит. А раз ценят, значит, художник востребован, нужен людям, так что и тут дело не только в меркантильности. К тому же и жить художникам на что-то надо. И не только жить, а заниматься любимым делом, что уже само по себе требует немалых затрат. Ведь художник – не поэт, для которого в идеале может быть достаточно зоркого глаза, точного слова, да блокнота и ручки, чтобы эти точные слова не растворились в памяти. Художнику для творчества многое надо. А это многое требует и солидной поддержки.

С развалом же Союза «все стали все на себя тащить». А вот с заказами и, соответственно, с работой стало хуже. Именно в это труднейшее время – с 1996 по 2009 год Торшин



оказался директором Творческой студии Союза художников. Эта работа напоминала отчаянную попытку капитана подольше удержать на плаву тонущий корабль. Не случайно в год его шестидесятилетнего юбилея известный литератор Ольга Кунгурова опубликовала о нем статью с знаменательным названием «Гвозди бы делать из этих людей?»» Ведь что такое директор в тисках кризиса? – «Он, - по образному выражению, - что карась на сковородке. А все равно, то тут, то там сыплется, прорывает, течет...» А сколько еще иных забот! Но и при этом, «по прежнему, рождаются... чудо - работы...» (5)

И хотя эти слова были написаны больше пятнадцати лет назад, и сегодня продолжают рождаться новые замыслы и новые работы. Да и не удивительно. Мастер пейзажа, Торшин еще и интереснейший портретист, причем среди написанных им немало автопортретов – колоритных и разнообразных. – «Чтобы быть в тонусе. Кисть и карандаш, как и смычок скрипача, - говорит Николай Васильевич, - должны быть постоянно в деле». А какая из моделей может быть постоянно доступной? – Естественно, сам художник. Есть и композиции, причем масштабные, которые вызывают различные суждения и споры. Что ж, раз спорят, значит замечают. Значит, работалось не впустую.

Но, впрочем, главной наградой, высшим воздаянием остается сама работа. Такая работа, которая оказывается неотделимой от отдыха, когда и свободные, либо «пустые» минуты, скажем, ожидания на вокзале, отдаются карандашу и кисти. И тогда рождаются наброски. Такие, как вокзальчик на станции Тобол, и многое, многое иное. Правда, сам художник считает, что он поездил не так уж много, по крайней мере, не столько, сколько хотелось и сколько надо бы. Что ж, на такие суждения его право. Но хороводы картин и зарисовок говорят, что самих по себе этих поездок, всегда превращавшихся в поездки творческие, было ой как немало: Белоруссия, Украина, Одесса, Москва, Ленинград, Тула, Поленово, Ясная Поляна, Свердловск, Фрунзе. Была и памятная поездка по ленинским местам, организованная к столетию Ленина. И не только это. Но можем ли мы судить



художника за необъективность и излишнюю придирчивость к самому себе и собственной судьбе? – Едва ли. Потому что, наверное, всякий, кого затащила в свою круговерть неутолимая тяга к творчеству, ощущает, как много еще он мог бы увидеть и сделать, кроме того, что увидено и уже создано. И без этого голода, без этой внутренней неудовлетворенности собой и творчества-то быть не может. Ведь что творить, если все уже сделано? Но, с другой стороны, эта же неуспокоенность и основа долголетия. Раз уж есть что сказать и что сделать, то есть и зачем жить. Не так ли? И дай Бог художнику долгих лет творческих поисков и желания увидеть и сделать то, что еще не было сделано.

#### Литература.

1. «Художники Казахстана за годы независимости»: журнал «Made in Kazakhstan», 2013, сс.134 – 135.
2. Николай Торшин. Костанайский мастер изобразительного искусства, член Союза художников РК. Выставка одной картины «Мои земляки». – Костанай: «Костанайский областной Дом творчества», управление культуры Костанайской области, Картинная галерея. - мамыр 2014 ж.
3. Стадниченко Н. «Колосья – на заказ, а васильки для души...». – Костанайские новости, 29 января 2014 г., с.6.
4. Николай Торшин: «Сначала я люблюсь человеком, которого начинаю рисовать... - Костанайские новости, 26 января 2010 г., с.8.
5. Кунгурова О. «Гвозди бы делать из этих людей?» – Костанайские новости, 24 мая 1997 г.





## Блики жизни и творчества

ОРЕХОВ А.Е.

Анатолий Егорович - один из тех, с кем мы столь часто встречаемся в нашем небольшом городе. Вроде бы рядом. Вроде бы знаешь друг друга. Знаешь, что был актером. Потом какое-то время руководил поэтической студией «Свеча» при городской «Школе детского творчества». Но в то время те, кто как-то интересовался Словом, хорошо знали, что есть литературное объединение «Ковчег». Так что до «Свечи» ноги так и не дошли. Приходилось, правда, в бытность совместителем в училище культуры (где сейчас здание суда) приглашать Орехова на встречу к студентам, где он читал свою пьесу. Довелось побывать и на его встрече с читателями областной библиотеки. Запомнились строки:

Шептал кормилец, умирая:

«Не пейте водку от «Арая». (1, с.274)

Мы с дочкой-школьницей еще их обсуждали, и она обронила, что удачнее было бы вторую строчку переиначить, заменив на ироничное «Вот это водка от «Арая». Почему-то запомнилось, как в минуты внезапно налетевшего дождя, заскочили в укрытие, и там я прочел Орехову и Кочину собственные мимолетные строчки, на которые оба неожиданно живо отреагировали. Запомнились потому, что для автора, как и для учителя, увидеть нечто в чужом – очень и очень немало. Они это увидели.

Ну вот, вроде бы и все. И вдруг, на, казалось бы, обычном, «календарном» мероприятии – очередной встрече в день рождения Пушкина один из моих старых добрых знакомых – Михаил Калашеев читает стихи Орехова. Короткие. Емкие. И показавшиеся далеко не проходными. Стихи из тех, что я не знал. Или в свое время не заметил. И чувствуешь – перед нами человек, чья жизнь тоже была одной из нитей, влетававшихся и продолжающих влетаться в ткань культуры нашего города.

Фактическим соавтором этого, увы, крайне неполного очерка и является Калашеев. Он не только подтолкнул к





теме, но и сделал наброски статьи, дополнив их, выделенными им самим, стихами Орехова, и... книгой, выпущенной уже после жизни Анатолия Егоровича. Добротным изданием в плотной синей обложке, количеством в ... 15 экземпляров. Но, поскольку предоставленное Михаилом сегодня сложно проверить (например, о темпераменте Орехова я не мог бы судить с той же четкостью, поскольку сам лично знал его не столь близко), а какие-то наши суждения о герое очерка могут различаться, я постарался максимально полно использовать его собственный текст, закавычивая те или иные фрагменты.

Так чем же и сегодня интересен для костанайцев Анатолий Егорович Орехов? Согласно аннотации из изданной посмертно его книги «Половодье» и информации, любезно предоставленной Салихой Салиховной Юсуповой, он – актер, режиссер, драматург, автор стихов и немалого числа песен. Поэт? – Сам он не любил называть себя этим словом. Но именно с его стихами – хотя бы горстью из них – мы постараемся познакомить здесь читателя.

Анатолий Егорович родился далеко от Казахстана 1 марта 1938 г. в городе Сочи (?), и война на него, как и на миллионы его сверстников, обрушилась, когда он был совсем мал. Сейчас трудно проверить, но упоминается, что какое-то время он провел и в оккупации. Отец же – фронтовик – вернулся с войны искалеченным «обрубком», тем, кого почему-то, может быть, из-за культи, называли «самоварами». Вполне понятно, что такое детство не могло быть безоблачно легким. Но Анатолий сумел стать на ноги. В Ставрополе окончил школу «и студию при театре. По распределению приехал в Кустанай, где служил в Кустанайском областном драматическом театре. Помимо этого, писал пьесы и ставил спектакли, уже как режиссер. Его пьеса «Горсть бриллиантов, - пишет Михаил Калашеев, - шла во многих театрах Советского Союза. Он же был и автором нескольких сказок в стихах...»

В 1975 году вступил в брак с актрисой Кустанайского областного драматического театра Полухиной Раисой Яковлевной. Сын их, как и сама Раиса Яковлевна и сейчас живет в Костане.



Прямой и взрывной, он, по словам, близко знавшего его Михаила, «обладал холерическим темпераментом, был бескомпромиссным, как говорится, рубил правду-матку в глаза. Естественно, это кому-то не нравилось. Но он до конца жизни оставался искренним, душевным и очень порядочным человеком, что крайне редко в наше жестокое время. Его стихи печатались в журналах, газетах. При жизни был издан сборник «Половодье», дополненный после смерти и выпущенный под тем же названием»(1)

Влюбленный в поэзию и способный цитировать наизусть множество стихов самых разных поэтов Михаил Калашеев говорит: «Мне кажется, у него было внутреннее, глубинное понимание слова. По-моему, он писал сразу. Набело. У него было очень мало правки. Из частного, выхваченного из обычной жизни случая, могло родиться стихотворение, поднимавшееся над обыденностью».

Из жизни он ушел 30 октября 2011 г., и на памятнике застыли строки его собственных стихов:

Я спою тебе тихо, вполголоса,  
Песню вечную древних степей:  
Все мы зерна небесного колоса,  
Души живших когда-то людей.

Что же можно вспомнить о его стихах? Что же отобрать из множества? И что сказать, чтобы не быть сусальным, оперируя штампованным набором эпитетов, которые настолько поистерлись, что сами по себе давно уже ни о чем не говорят?

Говорить и писать о стихах Орехова, как и о многих иных, причем далеко не только местных авторов поэтических строк, трудно. И вот почему. Строки их, как бы это сказать, «слишком классичны». Добротны, но по форме своей часто напоминают век минувший. Форма же, размер стиха, невольно могут потянуть за собой и устоявшиеся, ходовые образы. Поэтому очень часто в сознании либо в подсознании смутно всплывает вопрос: прочитанное или даже, вроде бы, написанное тобой самим, ново или это – игра памяти? К тому же слишком много глагольных рифм, обилие которых не поощряется знатоками поэзии. Много религиозности, очень уж часты упоминания о Боге, что несложно воспри-



нять, как, пусть и неумышленное, а следование моде. Можно было бы, подходя с литературоведческой лупой, обнаружить и немало иного – того, что профессиональный критик отнес бы к слабостям. Наверное, да, можно. Но мне показалось, что в стихах Орехова есть то, что делает их стихами безотносительно того, что могли бы сказать титулованные критики. Это не театральная, не наигранная, а идущая из глубины сила чувства и та боль за происходящее, без которой трудно представить поэзию как таковую. Автору есть, о чем сказать. А это уже необычайно важно. Иначе родится поэтический одуванчик. Возможно, прелестный. Но ничего и не кому не говорящий. Потому, что и сказать-то нечего...

У Орехова немало крепких, коротких и емких стихов. И некоторые из них мы обязательно вспомним. Но почему-то хотелось бы начать с более длинного, без поэтических изысков, а цепляющего за живое. Это «Лосиха»:

Она спала тревожно в эту ночь.  
Ей снилась осень, сказочные краски.  
Ей снились сына маленького ласки,  
Убитого давно; потом приснилась дочь.

У дочери был сын, его весной убили...  
В тот день расцвел цветок – гонец весны,  
Подснежник первый. Все его любили,  
Дыханьем грели, охраняли сны...

Она проснулась. На душе тревога,  
Хотелось плакать. горестно завывать.  
Ей попросить бы милости у Бога.  
Бог для людей, а ей-то как же быть?..

Рассвет ушел, тоска ее металась.  
Казалось ей: нет в мире никого...  
Убиты все, одна она осталась...  
Брела, не понимая ничего.

Влекла ее к поляне чья-то сила,  
Иль голос звал – не ведает никто.



Ударил выстрел, ноги подкосило...  
Пыталась встать, пыталась встать.  
Чтобы понять: за что? (1, сс.146 – 147)

Та же бурлящая, словно в перегретом котле, сила чувства и в своего рода социально-психологических стихах, коротких, как лезвие кинжала. Того оружия, когда уже не важно, как и чем инкрустирована его рукоять – главное, что лезвие закалено и отточено.

Вот перед нами строки, подспудный настрой которых не раз варьируется у Анатолия Егоровича. Варьируется, повторяясь по духу. И не потому, что нечего сказать. А потому, что это засело в нем. Да и только ли в нем одном? Прикоснемся же к некоторым из них.

Он выл по волчьи на луну,  
Предсмертным оглашая воем  
В крови лежащую страну,  
Убитую его конвоем (1, с.39)

Вы можете иначе смотреть на нашу историю. Но нельзя отрицать не просто силы чувства, вобранного в эти строки, но и того, что это чувство – не нечто сугубо личное, а то, что стало одной из красок духовного портрета целой эпохи.

Сравните, с казалось бы, совсем иным пятистишием:

Сошедши тихо с небосвода,  
Спит ночь, припавши головой  
К земле заблудшего народа.  
Сестра грядущего восхода –  
Благословен ее покой (1, с.60).

Здесь поэзия слита с древней философией и навеивает воспоминания о даосском видении мира. В стихах надежда на то, что будущее может быть светлее настоящего. Вполне возможно – того смутного настоящего, которым оказались для многих из нас девяностые годы. Но, как ни жаль, дат написания стихов нет.

С процитированным перекликаются:

Все попрыгало рукою лжесвободы...

(Точнее здесь было бы «ногою». Попирает нога –Ю.Б.)

И отдельное четверостишие:



Помилуй, милостивый Спас!  
Не насылай смертей напрасных,  
Спаси заблудших и несчастных!  
Помилуй нас! Помилуй нас! (2)

Однако многое – далеко не только о девяностых или каких-то иных, конкретных годах. Как эти, очень просто написанные строки:

Я спрашивал диких зверей:  
«Вы, звери, боитесь людей?..  
Ответьте, за что, почему?  
Я, звери, понять не могу?»  
Ответили звери в ответ:  
«За ложь. Среди нас ее нет.  
За жадность, коварство, за лесть,  
Где попораны совесть и честь.  
И если к нам это придет,  
Звериный не выстоит род» (77).

Вырванная из текста строчка о «попоранных совести и чести», может быть воспринята, как штамп. Но в целом стихи звучат. Они наполнены и чувством, и смыслом. И, если отыскать где-то нечто подобное им, то и при этом строки не утрачивают значимости. Уже как историк буквально нутром чувствую: здесь есть, что переводить и есть, над чем задуматься – так же, как мы задумываемся над древнеегипетской лирикой, не будучи в силах оценить ее собственно поэтические достоинства. Перед нами один из интереснейших примеров того, что сохраняет свою значимость независимо от языка и времени написания.

Эта мысль о «неправедности людского пути», мысль о нескончаемости лжи пульсирует в авторе, не оставляя его в покое, даже, когда речь идет, вроде бы, о разговоре с женщиной:

Дорогая, чем нынче живешь?  
Ведь на истину вновь наплевали.  
И она в глубочайшей опале,  
На земле коронуется ложь (1, с.137).

Прописи? Рифмованная публицистика, как могли бы сказать иные, парящие в облаках, эстеты? – Не станем



спорить. Но Вы встречали строки, где бы звучали слова об истине, которая в опале, и о лжи, которая коронуется на земле? Или (уже из иного четверостишия) о «слове милом «свобода», сданном в аренду господам? (1, с.227) Именно образы, а не боль, которая, как не горько, но повторяется не только от поэта к поэту, но и от столетия к столетию. Боль, которая, наверное, тысячи раз на различных языках и наречьях застывала в строках, подобных этим:

Страшны дела великих мира,  
Купивших властные места.  
Они служители кумира,  
Поцеловавшего Христа (1, с.154)..

Да и одни ли «великие мира» повинны во множестве мерзостей, творимых на Земле?

-Горюшко наше немеряно –  
Нищенства давит сума.  
Совесьть народом потеряна –  
Это страшней, чем чума (1, с.245)

Можно спорить с автором, упрекнуть его в крайностях, возразить, что народ-то разный. А образ в памяти останется. Как остаются и неожиданно наполняемые новым, и ой каким горьким смыслом, строки об Украине:

Как живешь ты, моя Украина?  
Слышу в снах, как казак за рекой  
Про тебя запекает, Галина –  
Ой, ты Галю, что случилось с тобой? (1, с.266)

И почти следом:

Послушай, милая община,  
С тобой гутарит батьковщина.  
Ушел с поста один дурак,  
На пост вскарабкался м... ак.  
Уйдет м... ак, придет дурак...  
Когда же кончится бардак? (1. с.276)

Среди эпиграмм немало и жестких, хлестких строк о нас самих, о тех, кто вроде бы и рядом, да не с нами:

... Мы все с рождения на сцене.  
Но многим не понять того,



Что нас не за актерство ценят,  
А за отсутствие его... (Актеры, 1, с.65).

Но, может быть, точно так же и все – поэты? Тут уж нет. Для Орехова **поэт** – из тех высоких слов, которыми по здравому размышлению вряд ли станут разбрасываться:

Милый мой, с огромнейшим приветом,  
Потому зовет себя поэтом (1, .264).

Еще хлеще эпиграмма на совсем иную тему:

Есть званья за талант, за труд, а тут?  
А тут, я думаю за блуд. (1, с.273)

Вчитываешься - и видишь, как ирония прорастает своими корнями вглубь жизни, обретая философские оттенки:

Я не видывал в жизни такого,  
Чтобы пара, живя в шалаше,  
Дотянулась до рая земного,  
Не посеяв смятенье в душе (130).

Даже если Вы лично и видели такое, тут есть, где приостановиться мысли и над чем задуматься. Приостановишься и видишь, словно блески в скалистой породе:

Глаза у вечности... Какого они цвета?  
Как выглядит у вечности душа?.. (1, с.31)

Вы когда-нибудь задавались таким вопросом? А вот человек задался.

Или вот еще одна, тысячелетьями звучащая тема: о любви и разлуке. Ну что тут еще можно сказать, написать?

Судите сами:

Плачет женщина, бьется в печали.  
Как отчаянье ей перевозмочь?  
Птицы боли над ней закричали.  
Закружила безумная ночь...

Видно больше не будет свиданий.  
Значит, больше не будет разлук.  
Не приемлет любовь подаяний.  
У нее океаны страданий,  
А не капельки суетных мук (1, с.187)

Конечно же, с Анатолием Егоровичем можно в чем-то



не соглашаться, можно что-то принимать критически. Но и при всем при этом остаются живая мысль, живое чувство и искренняя, не наигранная боль за наш мир, наше время и нас самих. И наши сомненья:

Есть люди от тьмы...  
Есть люди от света.  
но, Боже, кто мы,  
Понявшие это? (1, с.173)

#### Литература и примечания.

1. Орехов А. Половодье: сборник стихов. – Костанай: ИП Гуцало, 2013. – 344 с.
2. Здесь можно было бы вцепиться в упрощенность рифмовки «напрасных и несчастных». Но перед нами то, что написано, как молитва. А тут свои законы.

#### Приложение.

Вполне понятно, что здесь не все, достойное внимания читателя, хотя любой очерк об авторе стихотворных строк небесполезен - он всегда подобен ситу, сохраняющему наиболее крупное и в значительной мере характерное для автора. И, тем не менее, есть нечто, что невозможно обойти - это строки, написанные совсем в иной тональности. Да и как же иначе? – Перед нами стихи, рожденные, как гимн КГУ им. А Байтурсынова:

Мы пришли по велению века,  
По законам его красоты,  
вознести над землей человека  
И посеять цветы доброты

Помним, что завещали пророки,  
Уходя, расставаясь с землей:  
«Надо жить на великом Востоке,  
Только в братстве, единой семьей».

Припев:  
Все хорошее будет у нас.  
Что завещано, то и случится.





Мы пришли на зовущего глас,  
Человеку земли поклониться.

Нас Ахмет Байтурсынов позвал  
К лучезарной и вечной науке.  
КГУ – наш надежный причал,  
Материнские теплые руки.

Мы возвышенно чтим Человека,  
Для него будем вечно светить  
На земле, чтоб от века до века  
Не порвалась духовная нить.

Припев... (1, сс.157 – 158)



### **«Строитель номер один»**

КУПЕРМАН Л.А.

«Строитель номер один». Так был назван Лев Александрович Куперман в одной из многочисленных статей, посвященных этому человеку. (1, с.6) И не случайно. Бывший долгие годы директором Кустанайского проектного института, Лев Александрович был Заслуженным строителем Республики Казахстан, Лауреатом премии Совета Министров СССР, награжденным одиннадцатью орденами и медалями и многими иными наградами, среди которых ордена «Знак Почета» и «Трудового красного знамени» (2, с.23). Главной же наградой за многолетний труд, наверное, стало то, что им и его коллективом было сделано для города и области. И, опять-таки, видимо, ой как немаловажно то, что делалось все это, хотя и с напряжением, но с любовью к своему делу и поддержкой тех, кто рядом. Вспоминая о своем, уже ушедшем из жизни отце, его дочь, Ольга Куперман, говорит, как, перебирая семейный архив, наткну-



лась на открытку, подписанную друзьями: «Называться Вашим другом – это честь, а общение с Вами – великий дар судьбы». (3, с.14) Многие ли самые высокие государственные награды в глазах историка могут сравниться с такими словами?

Откуда же родом этот «строитель номер один», который на долгие годы своей жизни стал нашим земляком? Он уроженец Ростова - на -Дону. Родился там 18 октября 1924 г. в семье работника железной дороги Купермана Александра Иосифовича. Дочь Льва Александровича до сих пор вспоминает дедушку, ходившего в железнодорожной форме. Был Александр Иосифович родом из Кременчуга. Мать же его – Ревекка Мордуховна родилась в г. Днепрпетровске. Она портняжила на дому. Был у Льва и брат Марк, на двенадцать лет младше его.

Еще в школе Лев увлекался театром. Играл в Ростовском Молодежном народном театре и хотел быть артистом – «собирался в театральный институт» (3). И уже в Кустанае, когда его внук Лева учился в школе, Лев Александрович увлеченно помогал ему ставить спектакли «для всех домашних праздников». Но война, как и у миллионов других людей, перепутала все жизненные планы. Враг стремительно наступал, и семья была эвакуирована в город Нальчик Кабардино-Балкарской АССР, что и спасло всем жизнь в годы массового истребления евреев нацистами, оккупировавшими обширную часть советских земель.

Эвакуацию Лев встретил школьником. Когда же в следующем, 1942 г., закончил школу, был мобилизован, и родители, бывшие к тому времени уже под Новосибирском, некоторое время даже не знали, где он. Он же, как перспективный специалист, оказался в эвакуированном из Воронежа, Куйбышевском авиационном заводе, том самом авиационном заводе, где выпускали «Илы», на которых уже моему собственному отцу довелось совершить большую часть своих боевых вылетов. Поскольку же выпускались «Илы», на завод постоянно приезжал Ильюшин, и молодому Куперману доводилось не раз встречаться с этим легендарным авиаконструктором.



Эвакуация была срочной – сроки диктовала война. По воспоминаниям самого Льва Александровича, приходилось «ускоренными темпами демонтировать оборудование, срочно перебросить в Куйбышев и прямо с платформ» везти для установки на новом месте. «Причем монтаж оборудования производился в недостроенных корпусах, какого-то ... комбината». Корпуса эти были окружены колочей проволокой, так как их строили заключенные.

«Жилья для прибывающих рабочих практически не было. В срочном порядке строились землянки, но работники завода целыми сутками находились на работе, так как фронт требовал самолеты, и нужно было» не медля «запускать производство. Рабочие жили на казарменном положении... Неделями не уходили домой. О питании в первый период можно было только догадываться. Очень много было подростков 14 – 16 лет. Чтобы им стать к станку, нужно было подставлять ящики.

Свою трудовую жизнь на заводе начал с контрольного мастера механического цеха, чему предшествовала учеба на краткосрочных курсах» (4).

В 1943 г. инициативный и знающий Лев вошел в состав заводского Комитета комсомола, затем стал его секретарем и занимался этой деятельностью до самого конца войны. Занимался успешно, и его намеревались двигать «по партийной линии». Но он предпочел иной жизненный путь и сумел настоять на своем. В 1945 году вернулся на родину и поступил в известный всей стране РИСИ – Ростовский инженерно-строительный институт. В 1951 г. его закончил, получив диплом инженера-строителя, диплом с отличием, и по распределению, будучи уже отцом, поехал в Харьков. Собственно распределение было для таких, как он, то есть лучших выпускников, во многом делом их собственного выбора. Вот он и выбрал один из крупнейших индустриальных центров Украины, где довелось работать в институте «Гипрококс», расположенном в огромном здании, обрамлявшем самую большую площадь в Европе. Здании, в котором была масса самых разнообразных институтов. Там он проработал инженером-проектировщиком до 1954



года: «проектировал коксохимические батареи и другие объекты...» (6).

В 1954 г., как член партии, в идеалы которой, по словам дочери, он «свято верил», был отправлен на Целину. Поначалу планировалась отправка в Алма-Ату, но летом того же года оказался в Кустанае, к которому прирос на всю свою жизнь. Хотя начало было непростым. Три с половиной года пришлось провести без семьи в напряженнейшей работе с многочисленными поездками по огромной области с ее степными дорогами. Ездили на трудяге-«лошадке с мотором» тех лет – газике, который в народе прозвали «бобиком» «Забивали колышки» - намечали места и общие планы будущих целинных совхозов, многие из которых получили названия от тех городов, откуда приезжало в них большинство целинников. Так появились на карте области совхозы Киевский, Севастопольский и иные. Первое время Лев Александрович работал главным инженером треста. В 1955 г. ему предложили «организовать первый в области проектный институт, бессменным директором которого» он «проработал 27 лет». При этом и как руководитель, и как «человек с активной жизненной позицией» (выражение тех лет), «многократно избирался в партийные и советские органы города и области»(3). На протяжении двадцати пяти лет Лев Александрович был членом горкома партии, десяти лет – членом обкома, двадцать два года депутатом городского совета и 12 – членом его исполкома (6).

И уже позже, когда была получена квартира и семья переехала в Кустанай, на работе задерживался допоздна, Днем его, как депутата и человека, наделенного иными почетными, но съедающими время, обязанностями «дергали» на различные мероприятия в горисполком и обком. Поэтому собственным трудом архитектора частенько приходилось заниматься уже после окончания так называемого рабочего времени. Да и что такое нерабочее время для специалиста такого масштаба? – Как вспоминает его дочь Ольга, и с работы он возвращался с целой папкой почты, которую разбирал уже дома.



Но труд его ценился, и не только в деньгах. А это для любого значит так много! Высоко отзывался о Купермане и прислушивался к его мнению сам первый секретарь Кустанайского обкома Андрей Михайлович Бородин, который умел ценить специалистов не за угодливость, а за профессионализм. Ценили и любили Льва Александровича и в его коллективе. Наверное, потому, что и он сам умел ценить людей. «Это руководитель от Бога», – вспоминает Раиса Петровна Кравченко, машинистка отдела оформления, проработавшая с Куперманом 27 лет. – «Он жил и работал для людей. С ним можно было поговорить на любые темы, в том числе и на семейные. Лев Александрович никогда не повышал голос на сотрудников, любые конфликты он решал мирно». Его заботу о людях наглядно иллюстрирует эпизод, связанный с отправкой на сельхозработы в Тургай молодых сотрудниц института. Условия жизни там оказались, мягко говоря, тяжелыми. Да и как специалисты они были «там особенно не нужны. На току остатки зерна подметали». И при этом руководство совхоза, вопреки обязанности, не сообщило в институт о прибытии на место и устройстве девушек. Лев Александрович «забил тревогу». Дал отцу Кравченко грузовую машину, и всех сотрудниц забрали в Кустанай. «После этого случая Лев Александрович категорически отказался посылать своих сотрудников на такие «сельхозработы», несмотря на неприятности и давление на него обкома партии» (2). Как мы еще увидим, это мужество человека и профессионала, умевшего ценить людей и само дело выше инструкций и требований руководства – мужество столь редкое ныне – он демонстрировал не раз, причем в ситуациях, требовавших еще большей настойчивости.

«Есть категория руководителей, – размышляет Ольга Куперман, – которые хороши только для своей семьи, живущие по принципу «все в дом». Мой папа не из их числа. Вот поэтому мне сложно разделить его «работу» и «дом». Он был един во всех ипостасях. Я еще не встречала человека, который был бы обижен на него за что-то. Наоборот, все, с кем его сводила жизнь, всегда высказывали



мне свою благодарность за его к ним внимание» (3). И не случайно, работавшая с ним почти четверть века, Светлана Васильевна Лачугина вспоминает: «... этот человек навсегда остался для нас примером добропорядочности, интеллигентности и высокого интеллекта. Благодаря таким людям расцвел и хорошеет наш город» (3).

Совершенно естественно, что специалист такого уровня имел и соответствующее материальное обеспечение, и влияние, и возможности, которые не сводились только к получаемой зарплате. Со временем он получил квартиру в самом центре города в «элитном», так называемом «бородинском доме». Удобную, достаточно просторную, но отнюдь не «супер», особенно по нынешним временам. Подобные квартиры вполне могли иметь и люди иного ранга. Ежегодно, как и многие «номенклатурные» работники ездил в санаторий. Но не лечиться, а отдыхать на море и окунаться в концертно-театральную жизнь мест отдыха. Впрочем, такие поездки тоже не были редкость для людей самого разного рода занятий. А стоило появиться так называемым «горящим путевкам» по линии профсоюзов, так просто уговаривали ехать на отдых. Дважды так было и со мной лично, но как-то не хотелось среди учебного года отрываться от занятий и вместо меня поехал другой, такой же вузовский преподаватель, как и я.

Доводилось Льву Александровичу побывать в качестве руководителя группы и на Балканах: в Болгарии, Румынии, Югославии. В отличие от прочих членов группы руководители ездили в такие поездки бесплатно, но и ответственность была на них немалая.

Что касается влияния, то вспоминаю один эпизод, когда так случилось, что нам вместе с его дочерью, с которой мы заканчивали одну школу и даже довольно долго занимались «лечебной физкультурой», должны были в одно и то же время лететь в Москву. Билеты тогда были несравненно более дешевыми, чем сейчас, а вот «достать» их, именно, достать, а не купить (сейчас и словечко-то это кануло в Лету), бывало, подчас, очень сложно, практически невозможно. Он же, и, не будучи авиатором, сумел это



сделать, и чувствовалось, что это было ему приятно. Для меня же самого он, как и прежде, оставался лишь отцом той, с кем я учился в одной школе, тем, с кем, как и с иными, здоровался на улице. Никакой «небесности», никакой внешней, подчеркнутой значительности я за много лет и припомнить не могу.

Впрочем, он тут был, как это ни стереотипно звучит, «сыном своего времени». Ведь мне самому довелось учиться в школе и классе, где за соседними партами сидели и сын секретаря обкома партии, и один из лучших друзей моего детства – сын директора Дома политического просвещения (впоследствии директора Дворца пионеров), и совершенно замечательный парень – сын главы КГБ области, впоследствии генерала, которого «забрали» на повышение в Москву. И со всеми ними, как и с детьми «работяг» мы дружили, бывали у них в домах, и думать не думали, кто чей отец. Конечно же, так было не везде и не всегда. Но в том мире, где довелось расти мне, было именно так, и Лев Александрович был для меня органичной частью этого мира, частью, столь же естественной, как трава или небо, когда и не представлялось, что может быть иначе.

Сугубо земное, «почвенное» проступало и в его навыках в домашней жизни. Он с наслаждением копал и делал все прочее на «казенной» даче, и, к тому же, три с половиной года жизни вдали от семьи стали для него хорошей кулинарной школой. Как иногда полушутя говаривал он сам, «я не могу только пирожки печь». А его «фирменный борщ» вспоминают до сих пор те, кому доводилось этого борща отведать.

Но главным, конечно же, как мы уже почувствовали, для него стала и на всю жизнь оставалась работа. Любимым же детищем стал Проектный институт. Институт жизненно необходимый для растущего целинного города с пыльными бурями и периодически утопающими в грязи улицами. Утопающими в буквальном смысле слова. Помните, как одной осенью у меня, младшеклассника, нога благополучно выскользнула из сапога, застрявшего в грязи, и чуть ли не пол-класса помогало мне, качавшемуся на одной ноге, этот



самый сапог вытаскивать. Зато лужи были целыми озерами – раздольем для корабликов, которые мы веснами пускали в плавание.

Сам Лев Александрович о Кустанае времени своего прибытия в наш город выразительно вспоминает: «... трудно было даже представить себе, что увиденное здесь можно назвать цивилизованным и благоустроенным городом. А ведь город Кустанай имел статус областного центра. Если не считать двухэтажной застройки ряда кварталов, прилегающих к бывшему заводу химического волокна, то практически другого капитального строительства не велось. Город в основном был представлен одноэтажной застройкой частного сектора, без всякого благоустройства, без развитой сети торгового и культурно-бытового обслуживания населения». Отдельные объекты такого рода в большинстве своем размещались «в непригодных бывших купеческих зданиях».

В городе отсутствовали благоустроенные дороги и тротуары, коммунальное хозяйство, централизованная система тепло- и газоснабжения, пассажирский транспорт, а также надежное энергоснабжение и телефонизация». Зелени было очень мало, в основном карагачи. «... о телевидении приходилось только мечтать.

Очень слабыми были мощности малочисленных строительных организаций, а строительные материалы и конструкции вообще не производились. Вспоминается такой пример: из шлака, образованного после сгорания угля в квартальных котельных заводского района на месте изготавливались шлакоблоки, из которых возводились стены немногочисленных двухэтажных домов, расположенных в этом же районе. Что это был за строительный материал, можно судить по тому, что после нескольких лет эксплуатации пришлось стены этих домов укреплять металлическими стяжками».

Поэтому-то, как вспоминает Куперман, планомерная застройка уже современного города началась «практически с нуля»: «вначале отдельно стоящими зданиями, затем целыми кварталами и в последствии микрорайонами с полным набором объектов жизнеобеспечения» (5, с.4).





Таким образом, Проектный институт, наряду со строительными организациями, явился той основой, благодаря которой создавался новый облик города, рождавшегося из былой полудеревни.

Первоначально, «согласно приказу» Министерства городского и сельского строительства Казахской ССР, появился Кустанайский филиал Государственного проектного института «Казгипрогорсельстрой», располагавшийся в цокольном этаже здания на пересечении улиц Амангельды и Повстанческой. После ряда передач из ведомства в ведомство в 1969 г. на основе филиала «Целинпроект» был создан Государственный проектный институт, «куда вошел и кустанайский филиал ГПИ «Целинпроектсельхоз» (2. сс.4-5). Сам же институт (построенный по проекту коллектива, возглавляемого Львом Александровичем) стал размещаться в специальном пятиэтажном здании, снабженном столовой, пользующейся популярностью и ныне. При этом определенное время на первом этаже руководитель института приютил редакцию областной газеты «Ленинский путь» – ныне «Костанайские новости»

Уже само создание работоспособного коллектива оказалось делом непростым. Специалистов набирали и далеко за пределами Казахстана, для чего самому Льву Александровичу приходилось отправляться и в Москву, и в Ленинград. Таким образом, за четырнадцать лет штат сотрудников увеличился с 20 до 500 (7, с.1)

За десятилетия своей деятельности коллектив института вместе со строительными организациями в буквальном смысле этого слова преобразил облик области, на просторах которой росли современные города и свыше двухсот совхозов. Институт обеспечил генеральными планами застройки строительство двенадцати районных центров, 187 центральных усадеб, 216 отделений совхозов и многих типовых и уникальных зданий в самом областном центре (7 и 8). При этом, в отличие от более позднего времени, проекты стремились привязать к местности и превратить в целостные ансамбли. Среди наиболее известных индивидуальных проектов в областном центре – Дом культуры на



500 мест в районе КЖБИ города Костаная, костанайский Главпочтамт, девятиэтажный дом со стоматологической поликлиникой по улице Тарана - Советская (ныне Байтурсынова), здание аэровокзала и Главный корпус сельскохозяйственного института (ныне одно из зданий КГУ им.А.Байтурсынова) и кинотеатр «Кустанай», снос которого вызвал в свое время целую волну протестов. Вполне понятно, что при огромном масштабе работ и замыслов не все проекты были совершенными. Так немало проблем возникло при эксплуатации здания Костанайского пединститута, наделенного огромными окнами, сквозь которые летом врывалась жара, а зимой холод. Но, что показательно: наиболее уязвимые стороны проекта проявились именно в девяностые годы, тогда как в советское время система отопления ухитрялась справляться с костанайскими ветрами и морозами...

Проектировались и строились детские сады, школы и современные для своих лет жилые здания. При этом подчас приходилось действовать вопреки навязываемым стандартам. Как пишет журналист Семен Суханов, Куперман вместе с коллегами подолгу размышлял, как улучшить тот или иной проект, не опасаясь ни возможных выговоров, ни «нелицеприятных бесед» за «излишества» в виде лоджий или больших кухонь, появлявшихся взамен былых, крохотных. «Так, что живущие в (таких) квартирах люди и не знают, что их лоджии или большие кухни были не положены по типовым проектам, а сделали это и добились исполнения сотрудники института» (6) и, естественно, его руководитель, который, по словам товарищей, «принимал непосредственное участие в размещении всех крупных объектов городов и поселков Кустанайской (Костанайской) области» и, «обладая феноменальной памятью, до последних дней жизни занимался своим любимым делом», работая в поздние свои годы уже главным специалистом в ГКП «Архитектурно-планировочное бюро» (9, с.2) В период же руководства институтом он, как зарисовали авторы талантливо и живо написанной книги «Наследники» К.Бухметов и Н. Дегтярев, походил на капитана корабля. «... спокойно,



неторопливой походкой, проходил по коридорам, высокий и стройный, с приветливым выражением лица, предупредительно здоровался и с инженером, и с чертежницей, и с рабочей архива. Не повышая голоса, делал замечания. давал указания и поручения. даже ошибки поправлял без лишних эмоций... Словом, он выглядел интеллигентом в полном смысле этого слова. И, удивительное дело, его побаивались, в его кабинет шли с робостью. даже инженеры проектов прежде, чем нести на утверждение свою работу, тысячекратно проверяли работу, боясь допустить ошибку или оплошность. Авторитет его был несомненен». При этом, по воспоминаниям, Лев Александрович «обладал солидной эрудицией». «Уверен, - писал один из его коллег, – что никто в институте не мог соперничать с ним в знании предмета их деятельности...» (10, сс. 271 – 278)

Таким запомнился Лев Александрович многим знакомым и коллегам. Но это не значит, что сама жизнь его после достижения высот протекала безоблачно. Рынок с хаотической застройкой и слишком уж частым господством денег над логикой и здравым смыслом вызывал у специалиста, наверное, такое же чувство, как любительское бреньканье на гитаре у профессионала-музыканта. Поэтому-то и пришлось ему еще до выхода на пенсию оставить руководство институтом. Слишком уж неудобными иногда бывают специалисты. Но созданное им и его коллегами осталось неотделимой частью истории области и в немалой мере ее настоящего. А это уже дорогого стоит.

#### Литература.

1. Танько Т. Человек вне возраста. – Давар. Сентябрь-октябрь 2000 г.
2. 25 лет «Кустанайгорсельпроект». Государственный проектный институт. 1955 – 1980. – Кустанай, апрель 1980.
3. Лев Куперман, которого помнят и любят. - Костанай, 27 августа 2009 г.
4. Из автобиографической рукописи, предоставленной дочерью Льва Александровича Ольгой Куперман.



5. Куперман Лев. Все начиналось с проекта. – Костанай, 25. 05, 1999 г.
6. Суханов Семен. След на земле. – Кустанай, 15. 10. 1994 г.
7. Судьба человека – история области. – Костанайские новости, 18 октября 1999 г.
8. У строителя завидная судьба: он оставляет след на земле. – Костанайские новости, 19. 10, 1994.
9. Памяти товарища. – Костанай, 11 ноября 2003 г.
10. Дело его жизни. – В кн.: Наследники. Жизнь замечательных людей в краю хлеба и металла. Книга десятая. – Костанай, 2001, с.274).
11. Как «Ленинский путь» боролся за Костанайский проектный. - Костанайские новости, 26 июня 1996 г, с.5.



## **Слово и жизнь**

ТАРАСЕНКО А.В.

Я знаю Анатолия Владимировича еще с советских времен. Мне всегда интересны люди, которые, чем бы они не занимались, сохраняют тягу к живому слову. И слово это – не самоцель. Говорить и писать - то витиевато, то наукообразно, то «живо», «кося» под народ, пока еще могут многие. Кто-то же ловко, словно циркач, поигрывает словами. Но вчитаешься: о чем это? Что из прочитанного я могу узнать и над чем задуматься? Так вот, у Тарасенко, что бы он ни писал, всегда есть то самое «о чем», которое цепляет за живое, соглашаешься ты с этим или нет. Но что еще более привлекает в Анатолии Владимировиче, так это внутренняя свобода, ощущаемая во всем, что он пишет.

И живость слова, и внутренняя свобода кажутся странными: откуда они у человека, прошедшего по ступеням партийной номенклатуры? Ведь как мы, особенно в последние десятилетия, представляем партийного функционера



и борзописца? Как некое огалстученное и опиджаченное существо с набором цитат классиков на все мыслимые и немыслимые случаи жизни. Как человека шаблона и работающего на эти самые шаблоны, буквально, как птенца из гнезда инкубаторского, способного лишь к воспроизведению себе подобных, тех, для кого крылья – декор, а не возможность полета.

Однако такие, как Анатолий Владимирович начисто опрокидывают подобные образы-схемы. Стоит для начала прикоснуться, хотя бы, к его публицистике – и уже не просто оторваться. Прикоснемся к пятому тому сборника его работ, тому публицистики, сердцевинной которого стал «Долгий путь к Лукоморью», На мой взгляд, он является примером именно такого, живого слова и собственной, а не просто взятой на прокат из «умных книжек» мысли. Совершенно естественно, что эта, живая мысль временами и ершисто задириста, и непричесана и уж явно не бесспорна. А размах-то – ого-го! Автор буквально тормозит читателя, побуждая очередной раз призадуматься и над нашим сегодняшним днем, и над днем вчерашним, и над тем, что еще совсем недавно у нас величали Законами Истории, казавшимися столь же незыблемыми, как ньютоновский закон Всемирного тяготения. Нас истово убеждали: как яблоку невозможно было упасть иначе, как на голову гения, очутившегося под яблоневыми ветвями, так и человечеству некуда податься, кроме коммунизма. И вдруг такой конфуз и с идеологией, и с наукой, и с титулованными, а то и орденоносными их представителями: едва успели уверить собственный народ в полной и окончательной победе социализма в СССР, как ни социализма, ни самого СССР не стало. Но как же быть тогда с марксизмом, еще недавно провозглашавшимся единственно верным учением? – Выбросить на свалку духовных отходов? - Тарасенко советует не торопиться, а совместно поразмышлять и над этим самым марксизмом, и над нашим нынешним мировым кризисом. Да и над многим иным, и, прежде всего, над мучительными и ой какими непростыми поисками социального идеала.



Что ж, размышлять есть над чем. Это, конечно, не значит, что мысль автора должна обязательно совпадать с Вашей собственной. Я, например, куда более критично отношусь к некоторым личностям, скажем, к Ельцину. Да и к марксизму, в том числе и к формационной теории, образам «базиса» и «надстройки». Кто-то сочтет спорным что-то иное. Но в данном случае не это важно. Важно то, что в мире мечущихся и, подчас, переоблачающихся авторитетов академической науки и преданных Служителей Кормушки, в какие бы идеологические цвета ее не перекрашивали, появляются книги, демонстрирующие собственное видение и истории, и настоящего. Видение, основанное на личном, многолетнем опыте, опыте, который, застывая подобно капелькам смолы на листах бумаги, становится тем янтарем, без которого не было бы мировой истории, как потока разнородных описаний многовековых социальных процессов. Для истории, как науки, все интересно, все достойно анализа: и официальные хроники, и метания флюгеров социальной мысли, и, дополненные личными наблюдениями, данными СМИ и т.д. работы, в которых авторы, подобные Тарасенко, вносят крупинцы своего. Ведь без такого рода нашей общей мозаики ознакомление с историей было бы просто напросто невозможно. Для нашего же современника книга интересна тем, что пробуждает собственную мысль и вместе с тем дарит, опять-таки, живые воспоминания о мире во многом уже столь же загадочном для современной молодежи, как Атлантида. А это значит, что книга Тарасенко стоит того, чтобы ее читать, что-то совместно с автором вспоминать, о чем-то спорить, и о чем-то задумываться самому.

И публицистика не единственное, чем интересны книги и отдельные статьи Тарасенко. Интереснейшей и с исторической, и с чисто человеческой точек зрения оказывается его «Целинная хроника», кстати, тоже не чуждая задиристости и публицистичности. Пронзительна по звучанию повесть «Эмигрант». Он же автор целой россыпи рассказов и своеобразного интеллектуального исследования о пребывании Тараса Григорьевича Шевченко в Казахстане,



где Анатолий Владимирович, опять-таки, стремится идти путем своей собственной мысли, стремясь доказать, что, вопреки расхожим клише, Казахстан не стал для Шевченко лишь местом безысходных страданий и одним из кругов ада. Неустроенность, а зачастую и невозможность заниматься творчеством были для поэта жесточайшим наказанием, «наказанием более жестоким, чем экстремальные условия пустыни. Но не было у Шевченко одиночества в упрощенном понимании этого слова. И друзей у него здесь будет намного больше, чем у усердствующих на службе самодуров из солдафонов. Что и позволяло ему обходить запреты, гордиться тем, что он так и не научился браво печатать обязательный строевой шаг». (1, сс. 189 – 190)

Однако, наверное, самая известная из работ Тарасенко – это «Студии над «Словом», помещенная им во второй том его работ. Кажется невероятным, как человек без специальной лингвистической подготовки мог бы не то чтобы написать, а лишь прикоснуться к тому, вокруг чего сломано столько копий, да еще и предлагать свой вариант перевода знаменитейшего «Слова о полку Игореве»! А вот Анатолий Васильевич прикоснулся. Поскольку сам я не лингвист, не филолог-литературовед – не берусь оценивать итоги, а просто воспроизведу здесь три письма, полученные из самых разных мест и от самых разных людей. Первое – от Олжаса Сулейменова, чьи «Аз» и «Я», где поэт прикоснулся к «Слову», подверглись в свое время острейшей критике. В письме этом, высланном из Парижа 27 октября 2003 года, звучат слова: «Уважаемый Анатолий Владимирович! Получил обе Ваши книги. начал читать. естественно, с той, что о «Слове». И опять дела отрывают, уезжаю в очередную командировку. Но то, что успел прочесть – очень интересно!... Спасибо за то, что вы продолжаете вчитываться в «Слово»...»

Второе письмо, отправленное чуть позже – 27 ноября 2004 г. – за именем патриарха Московской и всея Руси Алексия. Кто бы ни писал сам текст, он стоит того, чтобы его здесь частично воспроизвести: «Сердечно благодарю Вас за книги, написанные Вами и изданные к 625-летию Куликовской битвы...



Выражаю Вам искреннюю благодарность за Ваш труд, несомненно, нужный и полезный всякому заинтересованному читателю.

От души желаю Вам крепости духовной и телесных сил и благословенных от Господа успехов в ваших дальнейших трудах».

Третье же, наиболее развернутое и эмоциональное письмо от автора, ставшего Лауреатом госпремии России имени Александра Невского Юрия Николаевича Сбитнева. В письме этом, датированном уже 8.09, 2008 года, мы читаем: «Уважаемый Анатолий Владимирович! В Новгороде-Северском, да-да в Новгороде Северском, том самом, подарили мне два тома «Студии над словом». Одну на «мове», другую «на языке». Буду краток, потому что не уверен в точности адреса. если мой голос в какой-то степени заинтересует вас, подтвердите свой электронный адрес. Вы всю жизнь работали над «Словом». Я – шесть десятилетий. Лихачевскую диктатуру и очень коротенькую любовь испытал на себе лично. Сейчас хочу сказать вам единственное. Ваш перевод считаю лучшим из прочитанных мною, а прочитал я несть числа. И это несмотря на то, что мой взгляд на «Слово» во многом расходится с вашим. Но перевод блистательный...»

Нельзя не добавить, что А.В.Тарасенко еще и переводчик, составитель, издатель и редактор раздаваемой бесплатно газеты «Печатный двор». В 2011 году в Костанайском «Печатном дворе» им выпущена книга «Диалог поэзий», где даны интереснейшие образцы переводов на русский язык, неизвестных прежде русскоязычному читателю литературоведческих и стихотворных произведений украинских авторов. Он же – автор переводов с русского языка на украинский, образец чего известное стихотворение Евг. Евтушенко «Граждане, послушайте меня!»

Последняя же масштабная работа (но, надеемся, далеко не последняя вообще) Тарасенко и сотрудников «Печатного двора» - это «Хрестоматия книгохранилища», вобравшая в себя стихи многих, причем самых разнообразных костанайских авторов стихов и эпиграмм. Дело это чрезвы-





чайно не простое. В своей развернутой статье «Хрестоматия книгохранилища», то есть стихотворных работ, отобранных из публиковавшихся в «Печатном дворе» за 20 лет его существования, Анатолий Владимирович пишет с мягкой, но вполне понятной иронией: еще в советское время, и в 90-е пытались выпустить альманах. В последнем случае, спонсор готов был оплатить его выпуск. Но оба раза страсти разгорались так, что дело не удалось довести до конца. Остается добавить, что далеко не полной оказалась и «Антология костанайской поэзии», выпущенная в 2013 году. При немалом числе интересных стихов в «Антологии», тем не менее, не оказалось очень многих авторов, включая и известных за пределами Костаная и Казахстана. Так что книга, подготовленная «Печатным двором» - самое беспристрастное и представительное из изданий такого рода, выпущенных на костанайщине. О литературной деятельности Тарасенко и «Печатного двора» можно было бы писать еще очень много. Но остается вопрос: откуда начало, как бывший партийный работник так «прикипел» к живому слову?

Исчерпывающий ответ мы с Вами на него не дадим. Но можем вместе совершить краткий экскурс в историю. Родился Анатолий Владимирович в 1942 году на оккупированной нацистами Украине или в Третьем рейхе, так что мог бы без особых препятствий получить германское гражданство. Но это не для него. Он ощущает себя гражданином Казахстана ... Но вернемся к месту рождения и ряду лет, проведенных до школы и в школе. Тарасенко помнит жуткий голод сорок седьмого года. По его словам, на местном, Варваровском кладбище половина захоронений пришлась на этот страшный для Украины послевоенный год. Но он выжил. Выжили и родители, работавшие учителями и относившиеся в то время к служащим. И не только выжили, а позже подарили ему и двух братьев.

В семилетку Анатолий поступил в пригороде. Там же и закончил ее, а с восьмого по десятый класс учился уже в самом Гуляй-Поле. Видимо, это была та самая школа, в которой учился известный и по советским фильмам «бацька Махно». Во всяком случае, бабушка Анатолия Владимиро-



вича – Евдокия Владимировна, по воспоминаниям, училась вместе с самим Махно. А дед? – Дед и Махно еще пацанами вместе батрачили или, говоря современным языком, вместе подрабатывали. Позже, в годы Гражданской дед служил в армии Махно. Когда же наступил «антракт» - перерыв в боях вернулся домой. Но «антракт» закончился. Махно стал вновь собирать свое воинство. Приехали и за дедом. Тот выстроил пятерых детей: куда же мне идти от них? Вроде бы логично, да этот довод не показался убедительным. Деда уже готовы были расстрелять, да выручил сам Махно, приказавший деда оставить. Но наступил день, уже через годы и годы после гражданской, и бывших махновцев, подозревая их в шпионаже, стали преследовать. Так был расстрелян и дед Анатолия Владимировича – Антон Андреевич, (2, с.188) По словам Тарасенко А.В., преследования эти были связаны с тем, что бывших махновцев, включая и знаменитого Леву Задова, бывшего долгие годы завхозом в ОГПУ, просто «подставили», чтобы отчитаться о проделанной работе по раскрытию государственной измены.

Как бы то ни было, а на судьбе самого Анатолия Владимировича, который предпочитал не распространяться о судьбе деда, это не отразилось. Зато отразилось иное. Уже в восьмом классе он играл в футбол за команду Гуляй-Поля, а также и в 9-м – 10-м. Причем в десятом классе уже играл на первенстве Украины. После школы оказался в Мелитопольском техническом училище, по окончании которого по распределению следовало бы ехать в Луганск. Но появился агитатор и... заговорил о Казахстане. «А что это такое?» - «Да та же Украина, только в семь раз больше». Вот и поехали парубки в Казахстан. В декабре 1961-го. Без фуражек и в туфлях. На родине то было плюс 14. А приехали в минус 25. Их одели по полной форме - валенки, фуфайки... Словом, отступись, мороз! И отправили в Аркалык. На строительные работы. Вскоре ребята оказались в Челгашах. Здорово было. Интересно! Молодежи много. Там же и футбольная команда. Потом же Тарасенко, как футболиста, «забрали» в Денисовку. «Опекуном» его на годы стал глава района Я.П.Буц. Беспартийный Тарасенко стал комсомоль-



цем. Так и пошел – сначала по комсомольской, а затем по партийной стезе. Был переведен на работу в Кустанайский обком. Инструктором. Но с футболом не расставался. Был даже в свое время председателем федерации футбола в Костанае. Тогда костанайскую команду «Энергетик» удалось вывести на первенство СССР – вторая лига, шестая зона.

В Кустанае получил и высшее образование, закончив в 1974 году заочно истфак Кустанайского государственного пединститута. Заочно? А что это за образование? – Шутили же тогда, что «заочное образование все равно, что заочное питание». Но Анатолий Владимирович вспоминает ту систему образования самыми добрыми словами. Да и заочник заочнику рознь. Именно в годы учебы в пединституте он прочитал массу художественной и педагогической литературы, чем дивил и своих сотоварищей: «Ты и Дистервега читал?» - Читал. И не только его.

На основной же работе стал тем, кого на Западе называли бы спичрайтером. И тут повезло. Время скучных докладов стало сменяться живинкой. Так и вышло, что партийная работа не засушила Анатолия Владимировича, не приучила его к дистиллированному языку шаблонов. Но зато очень много дала в общении с людьми. С кем только не довелось встречаться! И с Василием Лановым, и с Розой Рымбаевой. И с легендарным Девятаевым, сумевшим, будучи военнопленным, угнать самолет из самого сердца Третьего Рейха. Эта жажда общения сохранилась у Анатолия Владимировича и поныне. Он – почетный консул Украины в Казахстане, глава украинской общины области. Его можно видеть на многих литературных встречах, в доме Дружбы и картинной галерее. И что может быть интереснее такой насыщенной жизни?

#### Литература.

1. Не исчез в степной пыли. – В.: Анатолий Тарасенко. Собрание сочинений в пяти томах. Том первый. Повести и рассказы. – Костанай. 2006.
2. Призрак бродит по Казахстану... - Там же.



## Русскоязычная литература Костанайщины

25 апреля в гостиную Областной научной библиотеки им. Л.Н.Толстого состоялась презентация книги известного автора и издателя А.В.Тарасенко «Хрестоматия книгохранилища. Русскоязычная литература Костанайщины». Выпуск книги стал уникальным явлением в истории нашего края. Впервые появилась книга, охватывающая поэтическое творчество земляков, их поиски, успехи, да и неудачи за целые десятилетия. И перед читателем не просто подборка текстов, что уже само по себе является делом очень и очень трудоемким, но и собственные размышления составителя, его сопоставительный анализ ряда образцов различных направлений в нашей, костанайской поэзии. Знаменательным оказалось включение широкого круга рудненских авторов и тех, кто бывал в Костанасе. Среди последних широко известно имя колоритнейшего казахстанского поэта О.Сулейменова.

Вполне понятно, что при такой полноте не все опубликованное равноценно. Есть и любительские, хотя, подчас, и очень любопытные для понимания нашей истории строки. Но очень многое не просто недостаточно профессионально, а и сильно. В «Хрестоматии...» множество имен тех, чьи стихи без стыда можно было бы поместить в сборники на всем постсоветском пространстве. Не имея возможности упомянуть всех, назову только А.Шаяхмета, А.Досова, Евг. Букина, В.Корытного, И.Данилова, А.Коштенко, Н.Кочина, А.Олексюка, В.Лоскутникова, А.Суслову, Евг.Демидовича, Е.Чумаченко.

Особенно бы хотелось выделить пронзительно-эмоциональные женские стихи В. Кайнюковой и Т. Ковальской. Женские не столько даже по тематике (хотя у Ковальской есть и это), сколько по силе и обнаженности чувства.

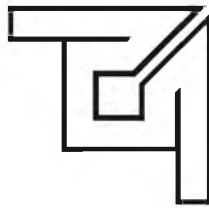
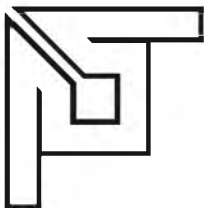
Значимы и, думается, очень интересны, как для нас, так и для будущих историков и иные разделы издания, которые включают, как собственные историко-литературные изыскания А.В.Тарасенко, так и краткие сведения о целом ряде авторов, и библиографию того, что было выпущено



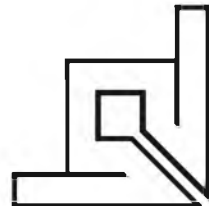
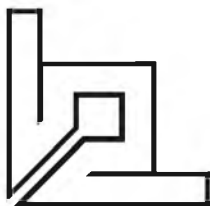
«Печатным двором» за минувшие десятилетия его деятельности: здесь уже перед нами не только поэзия, но и научные, и публицистические издания... Такого рода издания дают немалую пищу для размышлений и сопоставлений того, чем жила и чем живет ныне наша костанайская поэзия, публицистика, наука. Где тут успехи? Где то, что называют «данью времени»? Где штампы? Где неудачи или то, что еще требует оттачивания мастерства?

Но это предмет отдельного, неторопливого разговора, возможно даже круглого стола с участием представителей нашей интеллигенции и всех, кому дорого живое слово.





# МЫСЛИ О КУЛЬТУРЕ







## Словесное творчество детей

Словесное творчество детей чрезвычайно важно и для развития личности (не случайно, в науке укоренилось выражение «языковая личность»), и для развития собственно художественного вкуса, что, естественно, неотделимо от развития личности в целом, и для расширения возможностей при освоении краеведения, ибо культура – важнейшая составляющая краеведческих материалов.

Детское словотворчество, равно, как и зачатки творчества литературного привлекают внимание уже не одно десятилетие. В Советском Союзе интереснейшие образцы детского творчества были собраны уже в двадцатые годы. Хорошо известна замечательная книга Корнея Ивановича Чуковского «С двух до пяти». Примером того же рода стала и казахстанская книга «Говорят дети»(1). Отдельные издания связаны и с именами конкретных детей(2). Этот ряд можно было бы продолжить. Но, с другой стороны, последние десятилетия мы наблюдаем довольно-таки тревожные явления. Устная речь, поступающих в вузы вчерашних школьников, зачастую клочковата и малограмотна; художественный вкус, умение отличать достойное, мастерски отточенное от слабого, а то и вовсе далекого от подлинной литературы, блекнет либо просто не развивается под натиском масс-медиа.

Таким образом, с одной стороны, есть колоссальный опыт десятилетий, с другой – множество сплетающихся друг с другом проблем, требующих постоянного внимания. К тому же воспитание, органически включающее в себя и взращивание патриотизма, неотделимо от реальных дел. И одним из таких реальных дел, способствующих и развитию личности, и формированию вкуса, и рождению и закреплению чувства патриотизма, любви к своей «малой родине» (без которой трудно воспитывать любовь к большему) является практическое использование детской тяги к словесному творчеству.

Что же здесь по силам любой городской и сельской школе, любой библиотеке?





1. Движение, по пути, четко обозначенным К.Чуковским и другими. Это сбор слов, высказываний, рассуждений малышей. Казалось бы, подобное уже делалось. Так зачем же это? Да затем, что делалось именно подобное. Наши малыши, именно наши и растут они в наше время. И разве не интересно, собирая по крохам, проследить, что тут близко уже известному, что практически повторяется, а что, быть может, несет на себе печать нашего времени и нашего края?

2. Начиная со школы, а иногда и с более раннего возраста, записывать фантазии, сочинения детей. Так, костанайский автор Алексей Алексюк, победитель одного из литературных конкурсов им. А.Коштенко, первую свою сказку сочинил еще в пять лет, не умея читать, и его папа записал эту сказку на открытке.

3. Собирать и систематизировать то, что уже многие годы входит в творческий арсенал наших учителей литературы, являя собой ученические работы разных видов и жанров.

Попробуем обозначить и рассмотреть основные из них.

А. Загадки, сочиненные детьми.

Б. Сказки, которые зачастую пишутся по мотивам и в духе уже известного детям.

В. Эссе. Необычные, фантастические и иные придуманные истории.

Г. Стихи. Эпиграммы. Шутки.

Д. Для старших – рецензии, отзывы на увиденное на экране, в Интернете, на выставках, прочитанное или специально подобранное учителем.

Е. Очень интересна такая форма заданий, не раз использовавшаяся при работе со студентами, как завершение фразы, выражения.

Ж. Живую реакцию вызывают и задания, связанные с предложением дать свое объяснение того или иного образного выражения, обрисовать словами картинку, которую оно рождает.

И, наконец, 3. Записи историй, рассказанных дедушками, бабушками, знакомыми. Это уже прямая краеведческая работа, которая не только обогатит наши знания о своем



крае, его людях, но и позволит детям почувствовать, из каких крупиц складывается то, что может стать достоянием исторической науки.

Попробуем на примерах, взятых в нашем городе, показать, что здесь возможно и какие сокровища нередко оказываются рядом с нами. Приводя примеры, автор исходит из доступного ему лично и заранее извиняется за то, что круг этих примеров очень ограничен. Не учтен опыт местных библиотек, и многое, многое иное. Но это лишь один маленький шажок, лишь примеры, демонстрирующие то, что возможно при движении по обозначенному пути.

Начнем с Первого. Уже к трем годам малыши занимаются естественным для них словотворчеством. У маленького Д. (2 г. и 4 мес.) пылесос именуется колесосом, лунаход – юханодом, карусели – сосулели, а мотоцикл звучит, как молотикл. Словом же «светляет» заменяет слово «светает».

Очень интересно сопоставить детское словотворчество с языками других народов. Например, если речь идет о русском языке, то со славянскими, логика развития которых показывает, что рождаемые детьми слова органичны. Например, на болгарском мороженое – сладолед, а на чешском красавица – это урода. А почему бы и нет? Ведь и те, кого на русском называют уродами, а на чешском – красавицами, таковыми обычно являются от рождения, то есть родились такими.

Что же касается собственно детей, то уже к двум с половиной годам фантазии нередко плещут из них, как ленты и платки из рукава фокусника.

-Папа, на!– и кроха дает отцу в руки палку, которой он вместе с отцом раздвигает шторы (это – лук), и обломок игрушечной стрелы.

-Стреляй! Его ручонка указывает на угол подле балконной двери. Отец мечет стрелу – «стреляет».

Малыш бежит к стене, подбирает и, зажимая ртом, приносит папе стрелу...

- И снова: «Стреляй! Стреляй!»...

Оказывается, он – царевна-лягушка, а папа, прихотью его воображения, Иван – царевич. И ему, как и всякой



порядочной и уважающей себя царевне-лягушке, наскучило прозябать в болоте(у стены). А раз «жених» такой несообразительный, то надо ж и подтолкнуть: «Стреляй - мол. Нечего тянуть!»

Минута, другая – и та же палка – ружье, ракета, а потом – удочка.

Но вот в руках его тесемка. Он дает один конец отцу. Сцепились. Пошли.

Теперь уже оба - поезд, пыхтящий и стучащий колесами.

- Сестренка же лезет под стол: «У-у. Я холодильник». Потом сгибается: «Сталужка я».

Со временем игры и произвольное словотворчество дополняется «философскими» размышлениями и своего рода «филологическими изысканиями». Четырехлетка спрашивает отца и сам же отвечает:

-А знаешь, почему называется трос? - Потому что, когда поднимают тяжелый груз, он трясется

- Знаешь, почему буква «ж»? – Потому, что у нее много лапок. Как у жука.

В семь же лет сочиняет «стишок». О времени:

Только что недавно

были динозавры,

а теперь остались

косточки одни.

А вот девочка – 2 г. и 3 мес. Ненароком слышит разговор о том, что соседской девочке нужна пилотка. Через некоторое время поясняет: пилотка – шапка с неба.

(2 октября 87 г.)

Не менее любопытны и такие филологические размышления уже четырехлетней:

– Папа, давай с тобой чаевничать. Нет, ты кофейничаешь. А бабушка какавничает.

Сам собой рождается и стишок:

Отодвинь меня немножко -

Буду ласковой, как кошка.

(Конечно же, здесь уместнее «пододвинь»)

А вот и детская «философия:



- Дочка большая, а мама маленькая, потому что дочка уже выросла, а мама стала немножечко старенькая.

И совсем уж замечательные вопросы девчушки-четырёх-летки:

- Почему часы не тикают?

- Потому что они стоят.

- А если б они лежали?

Не менее любопытны рассуждения мальчика лет девяти-десяти после просмотра фильма «Александр Невский» в конце восьмидесятых годов. В финале фильма князь, определяя судьбы пленных и указывая на рыцарей, изрек: «А этих на мыло будем менять!» Почему-то вспомнив этот эпизод, мальчуган произносит: «Умный был князь! Знал, на что менять!» А дело в том, что в годы перестройки мыло-то, как раз, наряду с сахаром и др., было в дефиците. Не случайно ходил анекдот о том, как хозяин спрашивает гостя: «Вы будете руки мылом мыть или чай пить с сахаром?» Режиссеру и сценаристу подобное толкование княжеской фразы и в голову не могло придти. Но поистине: «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется!» В приведенных же словах ребенка, как в капельке смолы, сохранился дух того непростого времени.

Даже там, где на взгляд взрослых, ребенок просто употребляет не то слово, перед нами могут быть образцы собственного детского словотворчества. Например, пятилетний братик, увидев сестру, коротко постригшую свои пышные волосы, восклицает: «Как ты унизилась!» Вроде бы, неверно. Но ребенок сам выражает свою мысль. И откуда ему, да и нам, не филологам, (а может быть, и филологам?) известно, каким образом в русском языке «по» и «у» приобрели разные смысловые оттенки?

Еще более любопытный пример детской логики мы видим в диалоге четырехлетнего Андрея и его мамы. После телепередачи о маленькой, шестилетней девочке, вытащившей из огня своего братца, мама спрашивает Андрея: «А ты бы так смог?»

- Я тигра убью, - отвечает тот.

- Ну, при чем тут тигр? Ты бы так смог?

- Я тигра убью, - упорно повторяет Андрей.



И его ответ по своему логичен. Просто образец мужественного поведения – такого же мужественного, как у увиденной девочки- перед глазами мальчугана другой.

Сколько подобных прелестей собирают родители и по сей день! И сколько еще можно собирать, подключив к сбору – игре старших братьев, сестер и других детей!

То же можно сказать и о фантазиях и сочинениях детей. Но о них подробнее по-со-размышляем в п.3.

Итак, по порядку.

Уже в 1929 г. были специально опубликованы составленные детьми загадки. Их и сегодня можно было бы загадывать уже нашим детям, давая при этом дополнительное задание: придумать загадки самим. Попробуем вспомнить некоторые из загадок бабушек и дедов, придумавших их в возрасте 10 – 14 лет.

Бежит по канатику, по тонкому.

Взойдет в пузырек – и засветит огонек.

(электричество)

\* \* \*

Самый звонкий я рабочий в мастерской.

Колочу я что есть мочи: ту-ту-ту, та-та-та.

(молоток)

\* \* \*

Зимой скрываюсь,

Весной появляюсь,

Летом веселюсь,

Осенью спать ложусь.

(травя)

\* \* \*

Летом одеваюсь, зимой раздеваюсь.

(дерево)

\* \* \*

Без кисти, без красок, без ручки

Рисует цветочки



На прозрачном полотне.  
(мороз)

А вот загадка, которую нам, непосвященным, не отгадать: «Не петух, а с хохлом, не крючок а цепляется, не вертушка, а вертится». И как Вы думаете, о ком речь? – Да это же мальчик-задира (3)

Очень интересны и детские сказки, многие из которых первоначально пишутся по заданию учителей. Задания могут быть узко учебными, например, связанными с грамматикой.

И вот рождается **Сказка о том, как поспорили корни «лаг», «лож» и «кас», «кос».**

«Возле одной реки стояли две маленькие деревушки – одна на правом берегу, другая - на левом. И все там было одинаковое: и избы, и заборы, и печные трубы. Но люди говорили по-разному. Люди из деревушки на правом берегу никогда не употребляли слова с корнем «лаг», а только «лож», и только «кос», а не «кас». Жители другой деревни делали все наоборот и смеялись над жителями первой, спорили с ними, иногда даже дрались.

Однажды какой-то человек был на ярмарке, где собралось множество народу из двух деревень. И услышал он такой разговор.

- Мы вчера думали, как нам деньги сложить.

-Как это ты говоришь сложить? Нужно говорить: «слагать».

- У нас все так говорят.

- Это меня не касается, как у вас говорят.

- А должно коснуться!

Так они спорили. Приезжий человек не мог их больше слушать.

- Как вы можете спорить из-за корней в слове? – сказал он. – Лучше говорить и так, и так. Я полагаю, что нужно употреблять два корня и вы можете на меня положиться.

С тех пор жители деревень начали использовать все корни. Им это очень понравилось». (Газета «Кустанай», 17.09. 1996). Здесь, как и далее даны образцы детского творчества



Оли Бондаренко. Не потому, что они исключительны. А потому, что в качестве примеров различных видов словесного детского творчества оказались наиболее доступными для автора).

Еще красочнее «Сказочное появление на свет учебника литературы», написанное 11-летней девочкой и опубликованное в газете «Альтаир» 15 ноября 1995 г.

Сугубо учебные сказки сменяются сатирическими, в хорошо известном духе старых сказок на новый лад. Приведем здесь две. Коротюсенские.

Первая – **Про репку**.

«У всех бюджет, как бюджет, но у нашего мужика – настоящая репа. Посадил он ее, значит. Глубоко в землю ушла. Пора вытаскивать из кризиса.

Кто первые помощники в государстве? - Давай звать бабку да внучку. Вроде бы и репка-то совсем небольшая, да не вытащили.

Где пес? – Пес в запое. Дед бабке:

- Срочно! Где твой пейджер? Звони в кодирование от алкоголизма!

Бабка:

- Нет уж, милый. Я тебе соленым огурцом кого хочешь раскодирую.

Ладно. Пес готов. Уже и кот за ним.

- Но где же мышка? Кот, ты видал?

- Какая мышка? – спрашивает кот, довольно облизываясь.- Сколько можно не платить котам зарплату?»

И вторая сказка, с тоже знакомым названием «**Новое платье короля**». Детская сказка времен, припрыгающих к перестройке.

«В маленьком королевстве большие перемены. Еще бы – новый король. Королевский дворец переименовали в Палату Ума. Вокруг нее с утра до вечера толпится новое поколение, выбирающее вместо кваса и рабства пепси и свободу. И вот – долгожданная минута: новый король появляется с речью.

«Старый король рядил всех в одинаковые шинели. При старом короле все плясали под одну дудку. Он ошибался и скрывал свои ошибки. Нет позорному прошлому! Я даю



вам полную свободу. Свободу одеваться – точно как я! А я оденусь по новокоролевски. Кабинет новых советников предложил мне самые новые журналы мод из самого свободного мира, и я покажу вам истинное платье нового короля!»

Теперь позвольте маленькое объяснение. Новый король, к сожалению, не знал английского и не разобрал, когда вместо «Бурда моден» ему протянули «Плейбой». И вот на глазах ждущей чего-то нового толпы, король торжественно снимает с себя шинель – прежиток прошлого. Рукоплескания.

Что же дальше? О! Король продолжает раздеваться. Поглядывая то и дело на картинку журнала, снимает с себя все остальное. На секунду толпа шокировна. Грозное молчание.

Но это не пушкинский народ. Увы, он не умеет даже безмолвствовать! Взрыв рукоплесканий: «Да здравствует новая мода!»

Найдется ли в королевстве хоть одни малыш, который скажет, что король-то – голый?»

... И кто после этого скажет, что дети – не философы?

А к сказкам примыкают эссе. Приведем здесь лишь три, демонстрирующих совершенно разные возможности этого жанра (?).

**Первое - В поисках света.**

«Люди ползали на четвереньках. Но не просто так: они искали свет. Видимо, свет был им очень нужен, потому что они все больше склонялись к земле и все внимательнее смотрели. Иные носы купались в пыли.

- Глянь-ка, - вдруг толкал один другого в бок, - я нашел!

- Дурак! – отзывался другой. – Это же лужа.

- А что такое лужа?- спрашивал первый.

- Это жидкая тьма, - говорил другой, и они снова искали.

Грязь покрыла их с ног до головы. Пыль забивалась в нос, заставляя чихать. Но они не отступали. Люди были упрямы.

А свет был рядом. Свет бил им в макушки, нагревал спины. Люди не замечали таких мелочей, только поглубже натягивали шляпы и закутывались в плащи. Им было





некогда – они искали свет. А ведь нужно было только встать и посмотреть вверх».

Второе эссе – **Где логика истории, или почему Клинтон не носит тибетейку?**

«Когда Александр Македонский покорил Персию, то первым делом он поспешил заглянуть в местные супермаркеты. И вот на нем персидский наряд.

Когда Чингиз –хан завоевал Северный Китай, его брат с удовольствием примерил модную шапку китайских полководцев.

И, кстати, истребление индейцев не помешало цивилизованным сынам Европы привезти домой заморское курево – табак.

... Если бы сегодня спутники Македонского, Чингизхана или Колумба прошлись по улицам Костаная, пожалуй, они бы решили, что мы ... завоевали Америку! Еще бы! Куда ни глянь – под рекламными щитами, где смачно дымат ковбои, разгуливают аборигены в звездно-полосатых трусах и майках. Подобно каннибалам, съедавшим своих пленников, закусывают «ножками Буша», прихлебывая кока-колу. А реклама передает по наследству джинсы, из которых выросла «вся Америка».

Правда, злые языки поговаривают, что это Америка нас покорила. Но где же логика истории? Почему тогда Клинтон не носит тибетейку?»

И, наконец, третье эссе, написание, да и чтение которого уже требует определенного литературного кругозора. Оно называется **«Скотный двор развалился»**, переключаясь с названием ставшего у нас известным в годы Перестройки автором антиутопий Д. Оруэллом, «Скотный двор» которого был к тому времени переведен на русский язык.

«А все началось с того, что Скотный двор развалился. Ну не знаю, может кто когда считал его великим и нерушимым, а мы – ослы, быки и свиньи и др. поспешили официально прохрюкать и промычать, что почувствовали себя свободными.

Да, нынче все не то, что раньше. Раньше, как нам говорили, так мы и думали. А теперь каждый своими



мозгами думает: курица – куриными, баран – бараными. Опять же, идеи какие-то нам вдалбливали, говорили: «Нет МЯСОКОМБИНАТА. Нет его – и все тут. Пустота там одна. А будущее наше здесь. Светлое будущее Скотного двора».

Теперь мы поумнели, знаем, ПРОИНФОРМИРОВАНЫ, что мясокомбинат этот есть и всегда был, даже и до нашего рождения. Но самым удивительным оказалось то, что еще существует некое астральное тело (свинья хоть и утверждает, что оно в пяточке, да я – то ощущаю его в левом заднем копыте). Так вот, это тело продолжает дальше жить: и в тушенке живет, и в сардельках. Пока не достигает седьмого неба. Желудок называется, если по человечески.

Всякие другие новые слова появились. Раньше мы что строили-то? – «Светлое будущее». А кто его видел? Все басни одни. Чертополоха выеденного не стоят. Теперь мы конкретно знаем, куда идем. В правовой свинарник. Точно объяснить, что это такое, пока не могу. Пожалуй, что и индюк даже не знает. Но только там должна быть Гражданская кормушка и разные права и свободы. Я раньше и не думал, что простому ослу, как мне, или там козлу какому-нибудь, надо в жизни столько прав. Право там есть, например, ... Как же оно... свобода от совести, кажется, называется. Право голоса тоже...

Вот Буренку раньше в принудительном порядке пастись водили по утрам... А теперь и не водят. И не доят. Мычит она спозаранку. Но мычать, что же, не воспрещается, благо право на рев есть.

Ох, кстати, про право голоса. Побегу, а то Главного Осла выбирают. Хотя спешить некуда. Знаю, что выбирают теперь четко, непременно того, у кого самые длинные уши.

PS.

И не верьте тому, кто говорит, что от реформ нет пользы. Вот наш Скотный Двор. Хотя и разделились на независимые стойла, все продолжает опережать других по производству навоза. Правда куры говорят: еще два дня кормить не будут – и они отказываются помет давать. Но это твари безмозглые, как известно. Им всегда какой-то другой свободы хотелось. Неземной. Крылатой».



(Молодежный Костанай. 20 – 26 апреля 2000 г.)

Написано уже старшекласницей. Но, читая это, трудно поверить, что рука взрослого даже не касалась текста. Однако его касалась «взрослая жизнь» трудных и не простых девяностых. И перед нами не просто образцы детского творчества, а и своеобразные моментальные снимки духа ушедшего времени.

Трудно удержаться и не привести здесь нескольких образцов детских стихов. Уже не беспомощных, но и не одетых в штампы. Например, **«Осенняя элегия бизнесмена»**, опубликованная в «Берегах» (№9 (24):

Желтая, как пресса, осень  
Снова этот мир возьмет в аренду.  
Улыбнувшись по-американски спросит:  
«Обанкротилось давно ли лето?»  
Как налоговый инспектор неизбежна.  
Бьет, как снайпер. Промахнется редко.  
Золотишком все сорит небрежно,  
Сексуально раздевая ветки.

Это шутка. Но, опять-таки, в духе своего времени. А вот драматическое ощущение эпохи перелома и страны, и ценностей, и судеб:

Двадцатый век, как блудный сын,  
За сотню лет растратил сны  
Осмеянных отцов.  
А путь домой далек, непрост,  
Распутных дней прилипший хвост,  
Дороги без концов.  
И ты хотел любой ценой,  
Все потеряв, придти домой,  
Рабом, не сыном быть.  
Но кончен век. Разрушен дом.  
В нем нет отца. Пустырь кругом.  
И некому простить.

Уже эти строки говорят о том, что дети способны воспринимать окружающее и иронично, и очень серьезно. И очень важно учить их видеть окружающее собственными глазами, выражать свои мысли и чувства собственным, а не



взятым напрокат, чужим языком штампов (хотя из штампов, как из пеленок все мы вырастаем лишь постепенно, да и то не в полной мере). Но это не значит, что мы не должны быть критичными, не должны советовать, подсказывать возможные пути улучшения написанного. Так, когда О. написала замечательные стихи, посвященные уайльдовскому «Портрету Дориана Грея», там были такие слова: «Что так райски красиво, то уродски красиво». Ей самой нравилось. Казалось нестандартным. Отец же сказал, что слово «уродски» здесь как-то выпадает; и через какое-то время строка заиграла новыми красками: «Что так райски красиво, то безбожно красиво». Смысл стал многослойным. Исправление девочка сделала сама. Сама нашла более точное слово. Но для этого нужен был толчок, а не банальное восхищение: «Ах, как здорово ты написала!» ...

Из-за ограниченности объема этой своеобразной статьи, которая скорее сводится не к теоретическим размышлениям, а к демонстрации того, что могут наши дети и что из года в год делают наши замечательные учителя, сея в их душах не просто «разумное, доброе, вечное», но и зернышки творчества, мы переходим сразу к завершающему пункту. Это непосредственно краеведческая работа. Но работа, проводящаяся в нестандартной живой форме бесед, интервью, записей рассказов старших. Причем совсем не обязательно таких, которые затрагивали бы то, что принято именовать «большими делами». Для истории и детали могут быть чрезвычайно важны. Так, например, сколько было сказано об участниках войны, фронтовиках, тружениках тыла! Но хорошо известно, что непосредственные участники боевых действий не очень любят рассказывать о войне, особенно о героизме и всем возвышенном. Помню, сколько я, будучи мальчонкой, не допытывал деда о его военной жизни, он только отшучивался: Как дал фашисту автоматом по голове – так и отлетела!». А вот дочке удалось записать драматичную по своей сути историю из жизни военных летчиков, каждый вылет для которых мог стать последним. Это была запись рассказа о том, как, играя в карты, один летчик обманул совсем молоденького, ушедшего на



фронт добровольцем, ее деда. Обман вскрылся. Но игра была сыграна. Во время же вылета самолет обманувшего был поврежден. Правда, до аэродрома было недалеко, и летчик, чтобы легче было дышать, откинул прозрачный «колпак». К несчастью случилось так, что при попытке посадки в грудь его ударило дерево; и, умирая, тот шептал: «Зачем я Яшку обманул». Вроде бы простая история. Но говорящая о войне больше, чем иные «причесанные» репортажи и рассказы.

А сколько подобного и совсем иного, кроется уже в мирной жизни. И то, что могут записать, запечатлеть объективом фотоаппарата, с помощью «мобильника» и т.п. наши дети – тоже бесценная и очень значимая краеведческая работа в самом прямом смысле этого слова. И не просто краеведческая. Ведь без истории нашего края, без знаний о жизни и творчестве наших людей и мировая история будет неполной.

Вполне понятно, что лишь очень и очень немногие, когда вырастут, свяжут свою жизнь непосредственно с литературой. Но работа-игра подобного рода, несомненно, сделает их жизнь богаче. Кроме того, овладение словом окажется практически значимым и в будущей профессиональной деятельности. Кому, к примеру, интересен косноязычный ученый? А можете ли вы представить себе руководителя, который не способен четко выразить свою мысль подчиненным?

Однако при этом можно встретиться и с опасными подводными камнями, когда ребенок, даже одаренный, окажется отравленным известностью. А что уж говорить о тех, кто сочинил несколько строчек, стихов и уже именуется юным поэтом? Когда он вырастет, то либо с болью для себя обнаружит, что его так называемая «поэзия» была лишь детской игрой, чем-то вроде игрушечного пластмассового или деревянного меча, который для настоящего боя совсем не годится, либо так и не научится отличать литературу от того, что около, а Есенина или Блока – от графомана, благо последние не редкость и в оплаченных авторами изданиях, и в Интернете, и на телеэкране. Так, одна из таких недетских по своей сути драм связана с



именем девочки Ники, с восьми лет писавшей поразительно, по-взрослому грамотные и по-взрослому же звучащие стихи. Ее заметил и поддержал Евг. Евтушенко. Но, увы, повзрослев, став девушкой, Ника сломалась; и позже, во время одной из своих встреч с читателями (в Политехническом музее), поэт с горечью признал, что совершил ошибку, способствуя слишком резкому подъему еще слабого ребенка на вершины известности...

Подобные опасности подстерегают подрастающих во многих сферах творчества. И в спорте, и в изобразительных искусствах, и в занятиях музыкой. Но во всем том, что относится к слову, опасность эта особенно велика. Несравненно более велика, чем во всем прочем. Почему? Прежде всего, из-за кажущейся легкости священнодействия со словом. Овладевая речью с самого раннего детства и дополнительно изучая языки и литературу в школе, дети воспринимают речь, как воздух, а способность писать, как нечто само собой разумеющееся либо, что гораздо опаснее, как некий талант, выделяющий их среди других. То есть овладение словом не требует таких постоянных и серьезных усилий, как регулярные занятия музыкой, изобразительными искусствами, спортом. К тому же, здесь нет спортивных разрядов и тех соревнований, которые приучают проигрывать, дают почувствовать вкус очевидных для ребенка поражений, когда либо он получает мат, либо кто-то явно бежит быстрее... В том же, что относится к литературе (да и не только к ней), даже, когда есть конкурсы, необходимо доступно и при этом аргументировано объяснять, почему отдано предпочтение одному, а не другому. Но и при этом акцентировать внимание на самом творчестве, творчестве, как игре, как такой составляющей детства, которая делает его более интересным, но ни в коем случае не обещать ребенку звездный билет в будущее. Главной наградой должно быть уже само творчество, ощущение чего-то созданного, сделанного самим, как прыжок через преграду, изготовленная игрушка или иная поделка, вещь и многое, многое иное, что ребенок, входящий в жизнь общества, осваивает сам.



### Литература.

1. Говорят дети. Диалоги. Алма-Ата: Жалын, 1968. – 20 с.
2. Девочка, зажигающая звезды. Инна Степанцева, составитель Тамара Алексеевна Пономарева. – Алма-Ата: Жалын, 1984. – 33 с.
3. Революция – искусство – дети. – М., 1968, сс.281 - 291.



### Есть такой «Ежик»

*Автор выражает благодарность за живой интерес и дружеское содействие в сборе материала директору библиотеки Надежде Минаевне Тепляковой и нынешнему редактору Евгении Шилинской.*

Есть такой ежик. И живет он не в лесу. Не в зоопарке. А в Костанайской областной библиотеке для детей и юношества им. И.Алтынсарина. Он еще очень молод. Совсем подросток. Ему нет и четырнадцати. Но, впрочем, для Костанайского ежика это немало. Ведь наш «Ежик» – любовно издаваемый детский журнал. Не вполне официальный. Без особых знаков, указания тиража и, возможно, чего-то иного, приличествующего «солидным» журналам. Но уже со своим сайтом, своим электронным адресом и перечислением в более поздних выпусках, пусть не горделиво звучащей «редколлегии», но реальных членов «редакционной группы» и, что, естественно, редакторов. За время жизни «Ежика» появилось на свет 52 номера, в которых читатель смог увидеть больше 1400 работ юных авторов и художников. Да, да, и художников. Ведь большинство иллюстраций этого яркого журнала сделано самими детьми.

Думается, очень важно, что это и журнал детей, и для детей. Здесь есть и перепечатки из других изданий, и слова о библиотеке, но самое главное - творчество самих детей. Правда, уместно сразу оговориться: журнал – не инкуба-



тор «юных гениев». Это, скорее тренажерный зал, или, если хотите, стадион, позволяющий и «малышкам», и тем, кто постарше, разминать свои «интеллектуальные мускулы», самостоятельно прикасаясь к чуду слова, звучащему в журнале и на русском, и на казахском языках... Но так уж случилось (да и могло ли быть иначе?), что среди тех, кто делал свои первые шагжки именно по страницам «Ежика», мы встречаем имена, ставшие со временем известными и во взрослом мире. Это и Женя Чумаченко, и Ольга Лехтонен, и О. Аккерман, и другие. И совсем неважно то, что и они пока не стали профессиональными литераторами, поэтами. Куда важнее то, что любовь к слову вошла в их уже взрослую жизнь, сделала эту жизнь красочнее, богаче, какие бы жизненные пути не ожидали в будущем прежних юных авторов «Ежика».

Значимым представляется и то, что «Ежик» позволяет и тем, кто далек от собственно литературы, увидеть, что слово может рождаться здесь и сейчас, а не только спускаться из заоблачных далей. Так, кто не знает, как дети любят отгадывать загадки? А ведь бывает, что сочиняют и сами. Причем не только где-то там, в элитных студиях и школах больших городов, а здесь, у нас. Вот, например, такие незатейливые строки Ивакиной Маши:

Есть в лесу дремучем  
Серый и колючий.  
В руки его не возьмешь,  
Потому что это...  
Кто? – Догадайтесь сами.

Или загадка подлиннее:

Никто меня не любит:  
Ни кошка, ни собака,  
А только меня любит  
Хозяин мой.  
Нажмет он мне на кнопку,  
И я начну рычать.  
Пылинки разбегутся,  
Начнут рыдать.





А я их проглочу,  
А я их засосу  
Себе в большую пасть!  
(Ежик, 2000, № 3, с.5).

Прочитаешь такое, и как не попробовать сочинить загадку самому, пусть и не в стихах?

Да и стихов в каждом номере немало. Что-то из них собственно стихами пока еще можно назвать только условно. А где-то уже проблескивает нечто, что, возможно, когда-нибудь даст свои ростки и в мире «взрослого» творчества. Но очень важно, что везде – увлеченная игра со словом. Игра, становящаяся школой мысли и школой чувства. Даже там, где пока еще речь идет только о подражании. Но только ли? Ведь и подражая, и наблюдая то, что рядом, ребенок учится всматриваться в мир, подмечать его черточки и краски:

Я иду по мостовой,  
Увязался кот за мной.  
Что его привлекло?  
В сумке моей молоко!  
(Ивакина Маша)

А вот уже коротюсенький рассказик о коте домашнем. И называется он «Мяубай»: «У нас есть кот. Его зовут Мяубай. Он большой серый пушистый, красивый. 12 апреля ему исполнилось 7 лет. Я его люблю. А он любит мою маму. Моя мама убирает за Мяубаем. А еще Мяубай любит семечки, орехи, сыр, колбасу, молоко и мясо.

Мяубай хороший».

(Самабетова Мансия. Сегодня – это одна из самых лучших, увлеченных студенток Гуманитрано-социального факультета КГУ – Ежик, 2000, № 3, с.7).

Заметьте, как интересно, и при этом непосредственно здесь использовано слово «любит». Кот любит и маму, и определенную еду, что, как мы понимаем, не совсем одно и то же. Впрочем, правы ли мы, взрослые? Разве для кота «мама» - не даритель любимой им вкусной еды?..

Ох уж эта еда и мир животных, хотя бы и тех, которых видели разве что на экране или на картинках! Вот и полоса-



тый тигр Тогжан Жантелесовой, тот, что «в зоопарке есть у нас», разборчив в пище, «и не нравится ему есть невкусную еду». (2008, № 3 -4, с.9)

Судя по написанному, трудно сказать, видела ли девочка настоящего тигра, да еще за трапезой. Но как с ней поспоришь? Уж ей-то самой невкусная еда, наверное, совсем не нравится. А если ей не нравится, почему у тигра должно быть иначе?

Складывая свои, зачастую далеко не оригинальные строчки дети начинают постигать и мир очеловеченной природы, и мир сравнений:

В летний тепленький денек  
Вдруг увидел василек:  
*Словно белые барашки,*  
В поле выросли ромашки.

Наряду же с совсем еще детскими, но такими милыми, как первые шажки по земле, строками, на страницах журнала встречаются и юношески отточенные стихи. Такие, как «Котоклизмы» Ивана Кайнюкова:

Не наступите на кота,  
Хрустальный замок грез разрушив,  
Идущий из глубин хвоста  
Истощный вопль прорежет уши... (... № 1, с.22)

Совсем в иной тональности – «Тополиный снег» Ольги Аккерман:

Тополиные пушинки –  
Словно летний снег...  
Облака бегут, смеются...  
Сплетница – листва щебечет  
О моей мечте.  
Не приму, что время лечит –  
Времена не те.

Конечно же, над стихами, взятыми в целом (включая и опущенное здесь) еще можно было бы, как говорится, «поработать». Но заметьте: «пушинки -... летний снег», «облака бегут, смеются, сплетница-листва щебечет». И обратите внимание на по-взрослому афористичные, философские по своей сути, завершающие строки. Эти,



как и некоторые (и только ли некоторые?) другие детски-юношеские стихи, интересны именно своей живостью. Они невольно напоминают лицо подростка, не всегда с правильными, порой неоформившимися чертами, подчас с веснушками. Но выразительное, живое. И уже эта выразительность, эта живость примагничивает, побуждает искать и думать.

Очень интересно наблюдать, как в совсем еще детских и подростково-юношеских стихах сквозь, казалось бы, знакомые интонации и формы начинает проступать свое, личное. Как в стихотворении десятиклассницы Надежды Вельгоши «Выгляни в окно»:... «Если стало вдруг тоскливо, выгляни в окно...» (... 2013, № 2, с.15).

А кто еще, как не подросток, превращающийся в юношу или (наверное, в первую очередь) девушку сможет так передать ощущение близости детства и одновременного расставания с ним? – Вслушайтесь, как эти настроения звучат в стихах шестнадцатилетней Даши Матвиенко (ныне уже студентки) под таким непретенциозным, но знаковым названием «Плюшевому»:

Дай, родной, я тебя обниму.  
Положи-ка мне лапы на плечи.  
Все, что есть, доверяю ему.  
И от этого, кажется, легче.

Он не спит, охраняя мой сон,  
Ночью, слышу, урчит потихоньку.  
И с дыханьем моим в унисон  
Сам сопит, прижимаясь легонько.

Сколько доброго в бусинках глаз  
У приятеля родом из детства.  
Не хозяйка я, сколько же раз  
Говорить тебе: «Мы по соседству».

Если хочешь уйти – уходи.  
Правда, знаю, что точно не бросишь.  
*И меня прижимая к груди,*  
Ничего ты взамен не попросишь. (... 2011, № 3, с.5)



Только этим стихам можно было бы посвятить целое эссе, настолько они богаты чувством и тем, что стоит за словами. И даже такая интонационная неточность, как « Мы по соседству», показательна именно, как повод для анализа, для размышлений.

Еще одна особенность юношеских стихов - предельная концентрация грусти, боли за то, что, казалось бы еще не пережито лично, боли, неотделимой от потребности в любви, близости с другим и другим и отчаянного стремления вырваться из круга неповторимо-юношеского одиночества. Все это очень часто ощущается, независимо от того, какова конкретная тема стихотворения. Таковы, например, строки из цикла стихов О.Лехтонен «Струны ночи»:

Нерожденное поколение  
Среди плачущих дней и лет  
В приоткрытые двери времени  
Видит тонкий замерзший свет...  
Нерожденное поколение –  
Нерожденных героев крик. (... 2003, № 2, сс.22)

И наоборот, переплавленные в юношескую грусть, нерастраченные силы могут сменяться восторгом от избытка собственных сил и очарованности миром, окрашенным собственной молодостью автора. Как у Евгении Чумаченко - одной из самых заметных в годы собственного творческого взлета:

Как в это утро я входила...  
Как в море...  
Как невесомая ундина,  
Ликуя, в омут сходит свой.

И воздух, плотный, словно влага,  
И воздух, хрупкий, как стекло,  
Меня, как тонкую бумагу,  
Пропитывал своим теплом

И тишину *не нарушая*,  
Звенела я как бы струна.



И утро, пальцы погружая  
В меня, озвучило меня.

И в мочку уха впилося желтым,  
Подобно солнцу-янтарю,  
И полновесным, и тяжелым,  
С густою жилкой кровеносной, -  
Оно шепнуло мне:  
«Люблю!» (... 2008, № 2, с.13).

Эти, как и многие иные стихи, причем не из одного лишь «Ежика», говорят нам не только о богатстве образного мышления юных, но и о том, как недостает школы огранки слова, сочувственного обсуждения, которое позволяло бы идти, если не к совершенству, то к совершенствованию. Так, думается, что над выделенным курсивом уместно было бы еще поразмышлять)

Ценным и совершенно необходимым представляется то, что со временем в журнале стали указывать, намекающий на возраст автора, класс, как, в маленьком стихотвореньице «Домбра»:

Звучи, звучи моя, домбра!  
И пусть услышат небеса,  
Как ты играешь и поешь,  
И облака к себе зовешь!

( Дмитрий Султанов,..., 2005, № 2. с.9)

Заметьте: здесь уже проступает колорит именно Казахстана. Вообще, тема патриотизма – специфическая и при этом совершенно естественная, даже если дети пока не находят своих собственных слов. Просто надо учесть то, что чрезвычайно трудно выразимо на языке взрослых, трудно именно из-за повторяемости, из-за постоянной угрозы срыва в пропасть шаблонов, штампов, напыщенности, в детском творчестве может быть важной составляющей воспитания социальной зрелости. Поэтому-то мы ни в коей мере не должны относиться высокомерно и к такому подвиду творчества детей, который в журнале, в частности представлен в номерах 8 за 2005 г. (С.9, 50-летию целины посвящается), 33-4 ,2008 (С.3: «Казахстан» и другие). Просто надо дать



детям понять, что сама тема, будь то тема патриотизма, любви, как бы значима она не была, еще не делает написанное подлинной литературой. Наоборот, чем значимее тема, тем большей деликатности, искренности и мастерства требует обращение со словом.

Особого внимания заслуживает проза, представленная в «Ежике» достаточно разнообразно. Но заслуживает не из-за достигнутых высот, а, прежде всего, как школа, обучающая на практике выражать свои чувства и мысли, записывать воображаемое либо увиденное. Вполне понятно, что здесь, как и в наиболее ранних детских стихах немало подражательности. Но и подражание, будь то ремесло, спорт либо прикосновение к литературе, - это то, без чего невозможно двигаться к уже собственному творчеству. Важно только не задерживаться лишь на подражании. Да и подражание подражанию рознь. Среди опубликованного можно встретить и достаточно самобытные миниатюры. Особенно среди сказок. Замечательный пример – сказка про лося и черепаху, появившаяся уже в первом номере двухтысячного года (с.20 – 21. Напечатана под именем «Мария Тойли»). Другой вариант такого «сказочного» творчества – Старая сказка на новый лад «Уже новый колобок!», за подписью Мурлыка из Костанайского района (... 2008, № 3, с.20 – 21). И тоже свежо, занятно, с ощущением вкуса именно нашего времени.

А вот совсем другой жанр – эссе уже упоминавшейся 11-классницы Дарьи Матвиенко о том, что «в нас столько нерастраченной нежности» (2012, №1, с.14).

Интересными и поучительными для нас, взрослых, видятся размышления юных читателей и читательниц о прочитанном (См. , например: ... 2008, № 3-4, с.15 – 19). Показательный образец таких развернутых размышлений представляет творческая работа восьмиклассницы из города Лисаковска, ставшей победительницей областного конкурса «Лучший читатель года. 2011». Порою бывает трудно судить о том, насколько самостоятелен детский текст, и насколько он непосредственно детский. Не беремся здесь судить и мы. Но сам обзор истории края, истории Лисаковска в ее



неразрывной связи с творчеством, несомненно, интересен. Замечательно то, что обзор включает и строки Таисии Шевченко, мелькнувшей звездочкой на небе костанайщины – такой короткой оказалась ее насыщенная событиями жизнь. (... , 2012, № 1. сс.16 – 30). Конечно же, такого рода объемные работы не могут появиться без содействия взрослых, и порой, проступающие сквозь них, слишком уж взрослые интонации меня нередко настораживают. Хотя именно здесь существенно то, что девочка среди прочих лично защищала свой проект и продемонстрировала блестящее знание и понимание написанного. Но и без этого совершенно очевидно: кто бы и когда не приступал к такой работе, она нужна, очень нужна: ведь история края – это и история его культуры. И как здорово, когда ребенок может прикоснуться к той составляющей культуры, которой нет в учебниках, но которая оживляет, делает более объемной историю его «малой Родины».

Одна из изюминок журнала – юмор. Здесь и образцы того, что пишут взрослые о детях (См., например, Наталью Дубинину в разделе с замечательным названием «Равняйсь!») (2008, № 2, сс.10 – 11), и написанное самими детьми, что, кстати, демонстрирует и их начитанность. Вот, к примеру, в разделе с задиристым названием «Я с три короба наврал...» коллективное творчество – стихотворение «История 5-го «Г» из школы ЕМГ», написанное «в подражание С.Михалкову»:

Дело было в перемену ровно в 9: 45.

Среди этой суматохи кто-то крикнул вдруг опять:

А у меня в кармане плеер, а у вас?..

А у меня щенок «Мартел»

«Чапи» есть не захотел,

А мой дед «Доместос с хлором» перепутал с демидролом.

Это что! Вот тетя Маша «Комет» высыпала в кашу!

А у меня сосед соседа бил вчера велосипедом!

Велосипедом ерунда, вот мотоциклом, это да!!!...

(Семенова Ю.В., Зайка Кристина, Карпенко Юлия, Алина (... 2008, № 2, с.22).



Юмор стал настолько популярным, что появилось даже три специальных выпуска «Черного Ежика».

Совершенно уникален пример переводческой деятельности Лены Ромашкиной, которая, по словам директора библиотеки Н.М.Теплаковой, первой перевела Шэл Силверстейна, так что в «Ежике» тексты этого автора смогли появиться сразу на английском и русском языках – явление не частое даже в самых солидных изданиях.

Попробуйте сами оценить задор и очарование этих коротеньких стихов. Вот – «Сиделка»:

Миссис Мак Твиттер, наша сиделка,  
Чокнудей всех на свете.  
Она, бедняжка, убеждена,  
Что надо сидеть на детях.

А вот «Схватила»:

Простуду подхватить  
Пытался я на днях,  
Когда она случайно  
Мимо проходила.  
Жаль мне не повезло –  
Она умчалась прочь.  
Но я был рад узнать,  
Что ТЫ ее схватила!

Или вот «Невидимый мальчик»:

А в этом прекрасном невидимом доме  
Живет невидимка-мальчишка.  
И кормит он вкусным невидимым сыром  
Невидимую мышку.  
Картиной невидимой долго любуюсь.  
... А мне нарисуешь картину такую?  
(... №1, 2005, сс.16 – 17)

Здесь, как говорится, комментировать нечего. Просто хочется всем своим существом вбирать в себя прелесть Слова. Вбирать и думать: можно же так: лаконично, емко и неожиданно...

Вполне понятно, анализ наш поверхностно-ознакомительный и многое не упомянуто - читайте сами. Тем более, что читать есть что. В то же время хотелось бы и кое-что пожелать.





Вполне понятно, что дети – фантазеры и для них, как и для огромного числа взрослых (ведь все мы немножечко дети), мир фантазий столь же значим, как и мир повседневности. Но все же хотелось бы увидеть и истории из жизни школ, забавные либо просто интересные случаи, казусы при ответах на уроках или экзаменах, фрагменты из сочинений или подражания таковым. Не менее значимыми могут быть и детские записи рассказов старших о случаях из жизни, а также, перенесенные на бумагу, наблюдения за малышами, подборки их «перлов», а то и целых «философских» конструкций, вроде той, которую еще в начале 80-х выстроил детсадовец Денис, подытоживая неожиданным образом свои «лингвистические изыскания»: «Люди пьют бормотуху. Таких Бармалей кушает. А простых людей – людоед». Сколько подобного рассыпано по нашей с вами жизни! А сколько иного? И главное, что и такие наблюдения, и все, что мы встречаем непосредственно в журнале, пестуют живой интерес к слову, к самой жизни. Жизнь же всегда достойна того, чтобы быть запечатленной в Слове. Для внимательного взгляда и чуткого уха нет и не может быть ни провинции, ни захолустья, которые были бы недостойны Слова. Об этом свидетельствует опыт всей мировой и, конечно же, нашей казахстанской литературы. И огромное спасибо всем тем взрослым, которые поддерживают в детях тягу к Слову. Наверное, это прозвучит банально и высокопарно, но ведь известно, что пока живо слово, жива культура, а значит, жив и народ.



## Слово о библиотеке

Мы уже которое десятилетие живем в эпоху перманентных перестроек, переключений и бесконечных «исправлений».. Эпоху, когда всякая очередная реформа означает обязательный слом чего-то, давно привычного, и, подчас, отнюдь не бесполезного. А, как писал еще советский поэт: «Исправить – значит уничтожить. Но только не под барабан».



Сколько одних только библиотек пало жертвою триумфального шествия «рыночных отношений»! Чудесная заводская библиотека в здании бывшего дома культуры завода химволокна. Библиотека в Доме политпросвета при прежнем обкоме партии. Словно стоило рухнуть КПСС и руководящие лица области вкупе со своими помощниками с изумлением обнаружили, что на «новом витке исторического развития» книги для руководства массами совсем не обязательны. А ведь какой там был замечательный, уютный читальный зал со справочными изданиями, выпущенными еще до 1917 года! Печальный перечень можно было бы продолжать и продолжать.

Но не будем о том, чего нет. Слава Богу, у нас пока еще сохранились прекрасные библиотеки и для детей, и для взрослых. Упомяну только об одной – областной библиотеке, так много значащей и для областного центра, и для КГУ, который на сегодняшний день относится к числу ведущих высших учебных заведений области. В университете есть собственная, великолепная библиотека, оборудованная по последнему слову техники. Но она далеко от центра. Есть и уютный читальный зал в главном корпусе. И, тем не менее, областная библиотека (вместе с городской) стали фактически неотъемлемой частью нашего университета. Образно говоря, «толстовка» - второе легкое университета, органично дополняющее то, что дает библиотека самого КГУ. Для города же это – и один из основных центров духовной культуры и, не побоюсь быть высокопарным, место встречи поколений на бесценных по своему значению «мероприятиях» подлинная, живая суть которых так не вяжется с этим высушено-казенным словом. Сколько здесь выставок, обсуждений, так необходимых для студенческой, да и молодежи вообще. Ведь учеба, и, прежде всего, учеба в вузе, - это отнюдь не только лекции, семинары и прочая, прочая, но и тот воздух, который вдыхают студенты, та интеллектуально-духовная жизнь, которая пульсирует в университетском городе.

Честно говоря, я лично не представляю ни себя самого, ни Костанай без областной библиотеки и ее младших сестер,



других библиотек, без людей, которые с такой любовью и знанием делают свое дело. И, наверное, не стоили бы писать эти, довольно бесхитростные строки, если бы была уверенность, что и те, от кого зависит облик города и его духовная жизнь, тоже не представляли город без библиотек, которые не заменят никакие развлекательные центры. Остается надеяться, что в своем видении значимости библиотек в нашей жизни мы с властями едины. В конце концов, не пивом единым жив человек, о чем можно было бы подумать, глядя на те россыпи пивных, которые так ловко усеяли наш город. Хотя, что греха таить, от кружки хорошего пива и я не откажусь. Но это – уже иная тема.



## Прикосновение к поэзии

Март – месяц Наурыза. А любой праздник, да еще с такими древними корнями, уже сам по себе явление. Не зря же еще древние греки обронули: «Жизнь без праздников – это долгий путь без постоянного двора». Но не все праздники столь масштабны, как наурыз или, меняющий свои названия, но не звонкую весеннюю суть, день первого мая. Это – праздники души, праздники встреч с искусством, со словом и просто с людьми, которые нам интересны. Немало таких вот встреч дарят нам музеи, выставочный зал, библиотеки. Так, совсем недавно в гостинной областной библиотеки, в день кануна Дня поэзии прошла одна из таких не фанфарных, но памятных встреч. Эти заметки – не отчет и поэтому я не собираюсь перечислять всех, кто мог бы быть достойным внимания. Да не в этом суть. Суть в ином - в не столь уж частой роскоши живого человеческого общения, слитого воедино с прикосновением к творчеству. Приглашенные на встречу студенты КГУ смогли не в книгах, не в Интернете или на экране телевизора увидеть, что живое слово звучит и здесь, в Костанайе и, судя по отзывам, получили от встречи подлинное наслаждение. Да



и было от чего. Звучала музыка разных языков, вспыхивали огоньки колких пародий Н.Кочина. Слушателей, особенно молодых буквально очаровали девушки из пед. колледжа своей непосредственностью и замечательным, прочувствованным чтением стихов, и собственные строки нашего земляка, а ныне гостя –В.А.Захарьева, кинорежиссера и актера, снявшегося в десятках фильмов, рискнувшего с волнением юности явить людям и свои стихи. Лауреат же многих международных конкурсов А.И. Сулова сумела органично соединить воедино дар педагога и чувство, точнее даже не просто чувство, а осязание слова, его зримость. Казалось бы, кто из нас не видел не до конца прикрытую дверь с пробивающимся из другой комнаты светом? Но только А.Вознесенский смог написать, «как кричит полоска света, прищемленная дверьми». И, о чудо! Одна эта строчка, словно неожиданно распахнувшаяся дверь в каморке папы Карло вдруг открывает нам, что поэзия – это не умение красно говорить, не искусство витиевато вязать Гордиевы узлы замысловатых слов, а, прежде всего, умение слышать и видеть, причем своими собственными глазами, продираясь сквозь заросли штампов...

И такая встреча не исключение. В этом здании встречались и с Евг.Демидовичем, и с А.Тарасенко, и со многими другими. Надо было только видеть, как в час одной из таких встреч молодежь буквально льнула к почти ровеснице Т.Ковальской, выпускнице КГУ, уже успевшей выпустить книгу своих стихов. Оказывается не только бабушки и лысеющие дедушки, но и совсем молодые способны на это!

Казалось бы, как сейчас принято говорить, все в шоколаде. Но остается странное и грустное чувство неполноты, рождаемое уже не самими конкретными встречами, а причудами мира (или, может быть, мирка?) тех, кто именует себя поэтами. Мира, подчас, напоминающего, по словам одного из моих добрых товарищей, своеобразные секты: место на Парнасе только у нас. Мы его забронировали. Конечно же, не все, что в рифму – то стихи. Но кто там «мелкая сошка» - кто «не мелкая» не так-то просто рассмотреть, глядя в упор. И член – ты или не член чего-то, как



бы это «чего то» не величалось, не так уж много значит для культуры, как таковой. Ну, кто сейчас будет вспоминать: были или не были членами каких-то там союзов и какие имели ранги да степени Пушкин, Абай, Блок или Мандельштам? И очень хотелось бы надеяться, что, придет день и мир нашей, костанайской поэзии будет куда более единым. Ей-богу, всем нам есть чему учиться. А какая учеба без живого общения?



### «Не славы, и не коровы...»

Уже не первый год Областная библиотека практикует «литературные десанты». 11 июня 2013 года такой литературный десант «был высажен» в библиотеке г.Рудного. Дело уже само по себе интересное. Этот же, на мой взгляд, был особенным. Особенным и по атмосфере, и по тем задачам, которые он высветил.

В работе «десанта» (если только это можно назвать бытовым словом «работа»), помимо сотрудников библиотеки, участвовали не только такие известные у нас авторы и яркие личности, как А.К.Шаяхмет, А.В.Тарасенко и А.И.Суслова, но и зал. Да еще как участвовали! Говорили не только о литературе, но и о жизни. Но главное...

А что же главное, подмеченное и рудничанами? - Приехали не метры, демонстрирующие себя, а сотоварищи, увлеченные общим для всех делом и озабоченные общими со слушателями проблемами, ощущающими одни боли. И главным в этих проблемах, в этих болях стало то, что так емко выражено в «Песне акына» А.Вознесенского: «Не славы и не коровы, не шаткой короны земной. – Пошли мне господь второго... на два голоса спеть». Цитирую по памяти. Но суть именно такова. И как крик души звучало: «Нужен обмен. Обмен написанным. Обмен мнениями. Нужна критика. Анализ». А рудничанам есть и что показать, и что обсудить. Есть авторы. Среди них – Сергей Лешаков, наверное, один из очень не многих в области, прикоснув-



шийся к сфере профессиональной литературной подготовки. Выпущено несколько номеров «Рудненской лиры».

Ну да кто только и что сегодня не выпускает! Не публикуется разве тот, у кого совсем нет денег. И рудничан заботила и заботит не проблема выпуска, а проблема сотворчества, проблема критического рассмотрения того, что сделано и делается. Вопрос из важнейших. Если взять рисование, живопись, то мы видим, как настойчиво пестуют своих учеников педагоги-энтузиасты Художественной школы. Взять шахматы или шашки – то и здесь ученики и ученики. Именно ученики, а не уже испеченные художники, мини-гроссмейстеры и т.д. А в литературе? – Частое, слишком уж частое бряцанье жестяных мечей о щиты из кастрюльных крышек. Иными же словами, выдавание за уже расцветшее искусство самых первых шагов в грандиозный мир Слова. Стоит ребенку связать незатейливой рифмой пару строк – и его уже причисляют к поэтам, а уж авторов горстки стихотворений – причем далеко не бесспорных – к литераторам. И это далеко не только у нас.

Задача же совсем в ином – дать почувствовать вкус слова, прелесть и тайну поэтического образа, помочь в нашем, все более косноязычном мире, выражать свои собственные, а не только заемные мысли и чувства и, что очень-очень важно, учить вглядываться в этот потрясающе интересный мир. Учить не только смотреть, но и видеть. Потому что, без умения видеть другого не может быть ни шахматиста, ни художника, ни даже не литератора, а просто автора записей, очерков, которые могли бы сохранить для истории драгоценные черточки наших дней.

Я уже писал и повторяю: нам, как воздух, нужны литературные студии при библиотеках. Особенно для детей. Причем с акцентом не на стихи, а на развитие остроты зрения и овладение культурой речи. Стихи же, если так уж пойдет, у кого-то будут рождаться сами собой. И пусть единицы свяжут свою дальнейшую жизнь именно с поэзией – для всех, кто хотя бы прикасался к ней, это прикосновение не проходит бесследно. Иначе у поэтов просто не было бы слушателей. Что же касается дележки пьедесталов – то это дело десятое. Если



повезет – время само выставит баллы. И, быть может, куда более точные, чем мы в своей неизбывной суете. Не зря же сказано: «Лицом к лицу лица не увидать».



## **С чего начинается музыка?**

Театр, как известно, начинается с вешалки. А с чего начинается музыка? Лично для меня, состоявшийся 4-го апреля, благотворительный концерт Тимура Урманчева (фортепиано), Андрея Трегубенко (баритон) и Ермека Курманаева (виолончель) начинался с зала. Да-да. Именно с зала. С зала, готового, словно губка, впитывать не просто «развлекуху», а высокое искусство.

Есть такая восточная поговорка: «Учитель появляется тогда, когда ученик готов к этому». Думаю, что сказанное можно точно так же отнести и к искусству. Артист в полной мере раскрывается тогда, когда зал готов его принять. Мне довелось побывать на немалом числе концертов и замечательных выступлений, как просто талантливых, так и самых именитых мастеров сцены. Причем не только в Костанае, но и в столичных городах. Многих встречали с восторгом. Но, пожалуй, никогда еще я не был свидетелем такого единения зала и сцены. Зала, забитого до отказа, да что там до отказа – сверх меры людьми самых разных возрастов и национальностей, среди которых можно было увидеть и женщин в одеяниях мусульманок, и исполнителей, осмелившихся нести этим самым разным людям, включая и молодежь, и детей, серьезную музыку, реальное искусство, а не его имитацию. И на наших глазах рождалось чудо: зал чутко откликнулся и на эту смелость, и на бесспорное мастерство, и на то уважение к слушателю, которое и своим мастерством, и характером самого репертуара демонстрировали исполнители, когда и в популярных песнях звучала та же сила и слышалась та же самоотдача, что и при исполнении мировой классики...



Мы много и нередко справедливо браним современную массовую культуру. Но уже этот опыт показывает, что искусство для масс совсем не обязательно должно быть маскультовым в расхожем смысле слова. Но для того, чтобы это было так, необходим и настрой тех, кто идет на встречу с прекрасным, и мужество актеров, готовых не заигрывать с залом, а творить, превращая зрителей и слушателей в со-творцов красоты. Как говорится, дай-то Бог, чтобы такие начинания давали как можно больше ростков.



## **О языке искусства**

Известно выражение: «Искусство мыслит образами». Главное же отличие «подлинного» искусства, как считал в свое время «матерый человечище» - Лев Николаевич Толстой, – это его заразительность. Из учебников по эстетике известно, что, в отличие от научных понятий, образы многозначны, нередко парадоксальны и являют собой сплав эмоционального и рационального. В них зримое и воображаемое может сливаться с мелодией, ритмом и т.д.; и т.п. Знаем мы и о «вечных» памятниках мировой культуры, тех произведениях искусства, которые живут тысячи и сотни лет. С другой стороны, то, что еще считанные десятилетия назад считалось образцами, порождало ажиотаж, сегодня уже не трогает, а то и просто забыто.

Так в чем же дело? В темах, содержании переданного посредством искусства? В том, что прежде рождало глубокие переживания, а сегодня нет? Или в самом языке искусства, в том, как изложены, переданы те или иные события, феномены, переживания?

Можно предположить, что и в том, и в другом, и в третьем. Да и не только в упомянутом. Но мы здесь акцентируем внимание лишь на языке искусства, который, как листья с деревьями или же человеческая одежда неотде-





лимо от времени, в какое он рожден. Крайне существенно то, что язык этот, неотъемлемой частью которого становятся образы, всегда является средством коммуникации, связи творца художественного произведения и зрителя, слушателя, читателя, который становится сотворцом автора. Поэтому и «заразительность», и эмоциональное воздействие – результат не просто деятельности творца, а взаимодействия собственно создателя или создателей произведения и тех, кто его воспринимает, становясь при этом сотворцами.

Вполне понятно, что, поскольку язык любого произведения слит с определенным временем, то встает вопрос о его уместности в уже иные времена.

В какой-то мере и язык прошлого, его ритмы, особенно прошлого сравнительно недавнего, может использоваться и в совсем иные времена. Так, элементы классицизма минувших столетий смогли ожить в том, что было названо «сталинским классицизмом», а еще раньше в архитектуре представительных зданий Соединенных Штатов Америки. В поэзии же забавные и при это знаменательные примеры может дать невольное использование старых ритмов, оказавшихся на слуху.

Например, читая стихотворение Николая Тихонова «В железных ночах Ленинграда по городу Киров идет», так и хочется продолжить некрасовским: «Глядит: хорошо ли метели лесные тропы занесли, и нет ли где трещины, щели, и нет ли где голой земли». Прикасаясь же к стремительным строкам Роберта Рождественского «Я не знаю, я не знаю, вам ответа я не дам. Сам сегодня уезжаю, собираю чемодан», невольно вспоминаешь пушкинское: «Мчатся тучи. Выютя тучи. Невидимкою луна освещает снег летучий...»

Как видим, перед нами случаи вхождения уже известных ритмов времен ушедших в произведения иной эпохи. Но «прямое» такое включение дело непростое и зачастую невыполнимое. Так, миллионам и миллионам образованных людей знакомы «Илиада» и «Одиссея». Но кто сегодня, не будучи узким специалистом филологом, способен прочесть эти знаменитые произведения «от корки до корки» да еще получить при этом эстетическое наслаждение? – Мы



можем смотреть те или иные экранизации, знакомиться с пересказами этих произведений, но даже язык их перевода для обычного читателя слишком тяжел. Причем тяжел даже не столько в силу сложности, непонятности тех или иных слов, имен, а именно своей архаичности. Возьмем в качестве образца стиля фрагмент из перевода И.Гнедича и В.Жуковского:

Зевс на Олимпе воззвал к златотронной сестре и супруге:  
«Сделала ты, что могла, волоокая Гера?...» (1, с.270)

Представьте, что в современном русском искусстве, в драматическом произведении, романе или рассказе, к примеру, Ельцин будет говорить тем же языком со своей супругой:

«В Кремле восседая Борис, воззвал к достославной супруге...» Такое возможно только в пародии. То же можно было бы сказать и об уже непереводаемых произведениях, таких, как «Былины», которые изначально были написаны на русском языке. Как бы мы восприняли сообщение в «Новостях» или «Вестях», в котором бы говорилось о примерно таком обращении Путина к Сердюкову: «Ты скажи-ответь, добрый молодец, отчего-пошто в министерстве твоём расшалились так и казну мою да растаскивают?»

Уже из этого видно, что язык передачи информации, равно, как и язык чувств не может не меняться. Но, если это так, то, быть может, адаптация классики, ее приспособление к живому языку нашего времени так же допустима и даже необходима, как смена одежды по сезону? Ведь, при всем почтении к Священному Писанию, выпускают же немалыми тиражами «Детские Библии».

Но тут остается открытым вопрос, к какому языку и до какой степени допустимо такое приспособление? Виктор Шаповал попробовал это сделать, переводя на сленг некоторые из произведений русской классики: «Беспрайсовая Лиза» («Бедная Лиза» Карамзина). «Ботанику – атас» (Горе от ума), «Стих о тусовке Гарика-милитариста» (Слово о полку Игореве» (2, с.91). Конечно, перед нами шутка. Хотя и с привкусом горечи. Слишком уж и современные СМИ, и современное образование сплющивают, делают все более



и более плоской и отечественную, и мировую культуру. Однако сама смена языка культуры, языка художественных произведений является реальностью любой эпохи перемен, равно, как и иных эпох, когда эта смена происходит более медленно и менее заметно. Итак, первая грань проблемы языка образов – это неотъемлемость образного языка, как от того, что накоплено предыдущими поколениями, так и тем временем, в которое этот язык живет. Помимо прочего, и аллитерации, аллюзии, сравнения должны быть созвучными тому времени и той культуре, в рамках которой они используются. Скажем, если в старинной Индии, где слон виделся как образец не только силы, а и грации, наставления юноше могли включать пожелание обрести супругу «с походкой лебедя или слона», то у нас «походка слона» рождает совсем иные ассоциации. Нечто подобное можно сказать и о поэтичнейшем тексте из «Библии», где в «Песне песней» восторженный юноша восклицает: «О ты прекрасна, возлюбленная моя... как лента алы губы твои... шея твоя, как столп Давидов... тысяча щитов висит на нем – все щиты сильных». «... два сосца твои, как два козленка... нос твой – башня Ливанская, обращенная к Дамаску». Здесь уже, как и во многих иных случаях, необходимо соответствующее образование, чтобы понять и почувствовать красоту и силу образов, рожденных тысячи лет назад.

Но и интеллектуальное постижение, понимание само по себе еще совсем не обязательно породят ту эмоциональную связь творца и сотворцов, без которой Толстому невозможно было представить подлинное произведение искусства. Здесь было бы интересно посоразмышлять с вдумчивым читателем над вопросом об исторической сменяемости и трансформации самих видов и жанров литературы и искусства и конкретных средств передачи мысли и эмоций. Так, мы можем восхищаться зиккуратами, архитектурными шедеврами минувших столетий, колоннами, выполненными в коринфском и ионическом стиле, но их буквальное воспроизведение столь же мало реально, как и строительство современной правительственной резиденции в виде нового Кремля. Архаичными могут выглядеть и оды, и мадригалы.



Трудно представить, чтобы сегодня в «местах общественного отдыха» стали танцевать минуэт.

Но как, в таком случае, тогда быть с традиционными операми и романсами, с опереттами? – Не превратились ли и они в «музейное искусство» - в нечто, подобное древнеегипетским статуям Лувра, которые и поныне восхищают своим мастерством, но не вызывают священного трепета былых тысячелетий?

Оставим вопрос открытым, потому что здесь мы подходим ко второй грани проблемы – личному, групповому и, в определенной степени, этнокультурному и этноконфессиональному восприятию литературы и искусства. Тот же Толстой язвительно описывал свои ощущения от постановок Вагнера, казавшихся ему далекими от малейшего правдоподобия. Юлиан Тувим (и не только он) высмеивал оперетты за надуманность, нежизненность сюжетов и такого рода примеры можно продолжать и продолжать. Здесь мы оказываемся перед проблемой личного вхождения в мир языка искусства, который везде и всегда, даже в самых реалистических и натуралистических произведениях либо их фрагментах будет в определенных отношениях условным. (Так, те же глаза, что глядят на зрителя с экрана, при всей буквальности передачи, могут быть восприняты при соответствующей подготовке, потому, что в обычной жизни мы одних только глаз не видим).

Чрезвычайно значимы и способы, нюансы передачи возвышенного, трагического, ужасного... Актеры веков минувших, которые входили на сцену и уходили с нее с поднятой рукой, сегодня выглядели бы странно. И даже в одно и то же время, но в разных культурах, в произведениях, нацеленных на разную по своей эмоциональной «подготовке» публику, восприятие одного и того же может резко различаться. Так, известно, что знаменитая кинолента «Экзорцист», то есть «Изгоняющий дьявола» режиссера У.Фридкина удостоилась премии «Золотой глобус», как самый шокирующий фильм последних десятилетий и лучший фильм 1973 г., а эффект его был таков, что некоторых слабонервных зрителей уносили из кинозалов



в обморочном состоянии (хотя, по сообщениям прессы, находились и те, что встречали экранные ужасы хохотом). На автора же этих строк, смотревшего фильм в видеосалоне ДАСа (Московского Дома аспирантов и стажеров) на рубеже 80-х – 90-х годов прошлого века этот фильм никакого заметного впечатления не произвел. Вполне возможно, что в определенной степени дело было и в сравнительно небольшом экране. Но не только. Мне довелось быть и свидетелем того, как уже в кинозале здания МГУ на тогда еще Ленинских (ныне Воробьевых) горах был воспринят японский «ужастик» «Легенда о динозаврах». В трагичнейшие моменты, когда, к примеру, чудовище перекусывало пополам изящнейшую японочку, в зале раздавался хохот. Не из-за жестокосердности. А из-за невосприятия языка, коим создатели фильма пытались передать ужас происходящего на экране. Получалось почти по Л.Толстому: «они пугают, а мне не страшно».

С другой стороны, и при колоссальных и резких изменениях культурной среды обитания и всего того мира, в котором творится и воспринимается искусство, и то, что принято относить к реальным шедеврам, может утрачивать силу своего интеллектуально-эмоционального воздействия. И «Солярис», и тот же «Сталкер» А.Тарковского, равно, как и целый ряд иных «интеллектуальных» фильмов сегодня не могли бы стать кассовыми, а, значит, и «успешными». Они и прежде были «не для всех», но за последние десятилетия и мы, зрители, стали иными, и искусство тонких намеков, ассоциаций, аллюзий – «птичьего языка» утратило свое значение в новом «кислотно ярком» и шумливом мире, где целые десятилетия можно было кричать и показывать практически что угодно и как угодно.

Еще сложнее дело обстоит с тем, что затрагивает архетипы, стереотипы, традиции и религиозные чувства, когда эстетически допустимое и привлекательное для одних может в принципе не приниматься другими, порождая бурю эмоций. Такого рода реакция может быть связана, прежде всего, как с тем, что относится к святыням, так и к интимным сторонам жизни и той или иной степени оголен-



ности человеческого тела. К примеру, то, что приемлемо для индусов, может вызывать искреннее неприятие у мусульман, так же как и украшенность католических храмов – неприятие у протестантов.

Третья грань затронутых нами проблем – это вопросы, связанные со спецификой языка литературы и различных видов искусства, о чем свидетельствует уже то, что, при обилии экранизаций, целый ряд литературных произведений очень сложно переложить на язык кино.

Очень непросто обстоит дело и с такими, казалось бы, родственными видами искусства, как кино и театр. Характеризуя их специфику, французский писатель Андре Монро остроумно заметил: «Театр – это маленькая голова в большом зале, (а) кино – это большая голова в маленьком зале». В театре и жесты, и голос актера таковы, что их должен воспринимать и зритель, сидящий в отдаленном конце зала. Киноэкран же способен передавать детали и нюансы, так что любой «нажим», любая «театральность» здесь могут показаться неестественными и неуместными. Так, ряд моментов в транслируемых телевидением телеспектаклей оказывается трудным для восприятия – ведь они рассчитаны на зрителя, сидящего в зале, а не перед телеэкраном. По своей сути, собственно телеспектакль – это уже несколько иной вид искусства, нежели спектакль театральный. Это – азбука. Но азбука, которая очень важна.

И, наконец, острейшая и сложнейшая проблема – проблема «подлинного» искусства и искусства имитации, то есть собственно искусства и неискусства. Есть ли здесь четкая грань, либо границы размыты и есть своего рода «переходные» зоны, не говоря уже о том, что относимое к сфере «низкого» или неискусства в одни эпохи, могло обрести совершенно иной статус в иные времена. Так, возможны ли с учетом этого «вечные» критерии искусства, как такового? Возможно ли при определении того, что относится к искусству использование методов, подобных методам «верификации» и «фальсификации», которые в свое время попытались использовать для отграничения науки от ненауки?



Думается, что это те вопросы, ответы на которые будут варьироваться на протяжении всей истории человечества. Но на сегодняшний день они, как непосредственно в сфере искусства, так и в иных сферах человеческой деятельности, смещаются в плоскость рассмотрения творческой деятельности, деяний, требующих затраты усилий, мастерства, талантов, в конце концов, и деятельности имитационной, которая в силу пиара, способна затмить реальное искусство, оставить его в тени скандалов и околотеатральной, околосредств массовой информации и иной суеты. (3). Возможно, именно эта проблема становится одной из центральных проблем развития современной культуры в глобализирующемся и унифицирующемся мире.

#### Литература.

1. Гомер. Илиада. Одиссея. – Алма-Ата: Мектеп, 1986.
2. Шкапенко Т., Хюбнер Ф. Русский «тусовочный», как иностранный. Учебное пособие. – Калининград: Янтарный сказ, 2003.
3. Одно из блестящих выражений этой проблемы художественными средствами мы видим в романе известного писателя и философа Эрика-Эммануэля Шмита «Как я был произведением искусства». – Санкт-Петербург: Азбука, 2001.



### Птица с одним крылом?

Все мы, сколько бы нам ни было лет, чему-то учимся. Вот и мне в детской областной библиотеке подсказали, что есть целое собрание замечательных детских стихов современных авторов, то есть тех, которых не было ни в моем детстве, ни в большинстве своем в детстве моих детей. Собрание это – «Классики» или «Лучшие стихи современных писателей»- «хохотательное литературно-художественное издание для детей в возрасте от 7 до 70 лет».



Буквально за два дня прочел все лучшее – как говорится, от корки до корки. Вполне понятно, что раз прочел – значит, было что читать. Занимательные игры со словами. Каскады остроумия. Немало поисков нового – та самая «езда в незнаемое», которую когда-то В.Маяковский назвал поэзией. Есть и просто шедевры. Например:

Стриж и крот.

Стриж сказал:

- Люблю парить,

Облака люблю, рассвет!

Крот сказал:

- Нельзя любить

То, чего на свете нет! (с.с.152 – 153)

Но остались и вопросы. И то, что вы сейчас сможете при желании прочесть – не критика, а именно ощущения – сугубо личные, и вопросы, которые мне сугубо личными не видятся.

Не будем спорить со словом «классика». Хотя собственно мне словосочетание «современная классика» напоминает «античный Интернет». Что классика – что нет, выясняет Время. Хотя и оно совсем не обязательно будет отбирать наилучшее с нашей нынешней точки зрения. Осталось же от ныне забвенного автора прошлого лишь «... Вышел зайчик погулять...»

Но дело не в этом. Просто мне показалось, что передо мной образец, квинтэссенция постмодернизма в детской поэзии: легко порхающая ирония, аллюзии, скоморошья перепевы или обыгрывание знакомого и столь любимое детьми, полное парадоксов перевертывание, соединение несоединимого.

Причем перед нами не просто постмодернизм, а и постостеризм – послеостеревская волна, где «остерит» уже целый цех авторов. И встает вопрос: не превращается ли в чем-то езда в незнаемое в движение по уже обкатанной, причем одной колее?

Я не сужу. Я просто спрашиваю. И дело даже не в том, что кое-что из отобранного может показаться затянутым, что-то сероватым или вторичным. Вопрос в ином: если





перед нами лучшее в современной русскоязычной детской поэзии, то насколько это лучшее всеохватно?

Конечно же, полной всеохватности никогда не было и не будет. Но все же о том, чего мне, может быть, из-за своей невнимательности не удалось или почти не удалось заметить.

Первое. При массе парадоксов, занятных нелепиц и тонких насмешек почти нет того, что могло бы быть образцом. А детям, как мне кажется, совершенно необходимо не только «отталкивание от противного», но и знание того, а как же правильно. И для этого совсем не требуется занудливая назидательность. Возможен же и такой, с виду незатейливый «Щенячий урок поведения»:

Играя косточкой под лавкой,  
Не чмокай, не чешись, не чавкай! (с.18)

И этот пример, хотя и не из многих, но не единственен. Хотя, может быть, тут многого и не надо? Но нужны ли еще в современных стихах такие, как дядя Степа, «Неизвестный герой» Маршака, пусть даже обрисованные совсем иными красками?

Второе. Я практически не заметил того, что, словно воздух, наполняет и всю мировую литературу для детей, и кинематограф: добра и зла и их борьбы. А ведь и в русских былинах, и в казахском, да и ином эпосе, сказках народов мира (в соответствующей обработке), в советской литературе, и у Уолта Диснея, и т.д. эта борьба – стержневая. Богатыри и батыры сражаются с чудовищами и злодеями, воробей склевывает «страшного и усатого» таракана, комарик защищает Муху-Цокотуху, Гарри Поттер тоже за добро. В предлагаемой же, во многом совершенно замечательной книге **добро и зло** заменено **простительными недостатками**. Особенно, когда речь заходит о школе. Конечно, дети и сами любят иронию, шутку. Так, когда-то моя дочь сочинила забавные «полумистические» стихи о школе, что не помешало ей закончить школу с отличными отметками. И это естественно. Как и то, что дети, подчас, любят играть в так называемых «отрицательных героев». Тех же пиратов, что замечательно обыграно в пародийных,



наверное-таки, уже классических строках «Провожала на разбой бабушка пирата».

Но при всем при этом остается вопрос: а может или нет **вся** современная детская поэзия, веселая, живая, не отягощенная унылой назидательностью обходиться без сегодняшнего определения границ добра и зла?

И третье. Возможно, вытекающее из предыдущего. Нехватка сюжетности. Развития событий и, соответственно, драматизма.

И четвертое: насколько детским оказывается многое в детской поэзии? – Ведь и аллюзии, намеки, известные ритмы и выражения, знакомы нам, взрослым. А детям? Не проскользнут ли они мимо их глаз и ушей, если, как сетуют специалисты, для немалого числа молодых (не детей) и слова «Пирр», «Куликово поле» уже ничего не говорят?

... Значит ли это, что книга и, соответственно, современная поэзия недостойны увлеченного читателя?

Да нет же. Очень и очень многое может доставить читателю истинное удовольствие. И отметить это многое было бы столь же неразумно, как бранить в свое время генетику и кибернетику. Однако достаточно ли **лишь** всего этого?

И есть ли и другое крыло у современной детской поэзии, где живо то, чем тоже дышала долгими десятилетиями мировая детская литература и предлитературная традиция? Да и нужно ли в современных детских стихах то, что здесь упомянуто, или эту лауну, этот пробел может вполне заполнить то, что уже было создано до нас? К примеру, если уж когда-то создали велосипед, то зачем изобретать его снова?

Вопрос не риторический. И очень хотелось бы узнать, что думают об этом сами учителя, работники детских садов, родители?

Какие стихи и в каком возрасте любят сегодня дети? И что и почему происходит с этой тягой к звонкому и неожиданному слову по мере их взросления?

Сказано же в Писании: «В начале было Слово...». Так каким должно быть Слово сегодня, чтобы не остаться гласом вопиющего в пустыне? Что бы сказали об этом Вы?



На заметку читателю:

С.6 Артур; 7. Герман; с.8. Рука; 11. Великий могучий; 30. Кашаглот; 32. Само собой; 36. Колючая вода; 40 Собачкин сон; 44. Помидор; Голая картошка; 49. Людоед; 50. 57. месть двоечника; 62. 64. 75. Володя и сом; 76. Щенок; 77. 89. Хорошо бы; 94. Песочница; 113; 116; 130 – 131. 132. (?), 137. 141. Подарок; 165 Дырка в небе; 172. 176. Убежало молоко; 182. Артур; 200 Головастик; 202. Что такое джентльмен; 213 и другие.



## **Улитка на склоне эпохи О фантастической повести братьев Стругацких**

Фанфары поют про пленительный взлет.  
купаются в славе поэты и власти.  
Все чинно, все в деле и цвете. Да вот.  
Улитка по склону Эпохи ползет  
И Хищные Вещи разинули пасти.

Повесть Стругацких «Улитка на склоне» с непростой литературной судьбой. Увидела свет далеко не сразу. Когда же увидела, для многих стала, как сейчас сказали бы, брендовой, проще говоря, оказалась в струе. Кого-то просто привела в восторг. И не случайно. Сатира видна невооруженным глазом. Хлесткая, безыскусная, но предельно (а, может быть для цензоров и «запредельно»?) смелая.

Правда, оговорюсь сразу: эстетика повести – не моя. Как и эстетика пастернаковского «Доктора Живаго». Только «Доктор» показался мне пресным, лишенным цвета. Лишь описание творчества напоминало мне солнечный свет, пробивающийся сквозь узоры на морозном стекле. В «Улитке...» же, опять-таки, не для Высшего Судии, а для меня лично, слишком уж много грязи, слизи, сумбура. Хотя, опять-таки, поневоле вспоминается Евтушенко тех далеких лет, оправдывавший длинноты в своих стихах тем, что



будь они короче, слишком уж очевидной была бы дерзость неофициозной мысли.

Но какое нам, сегодняшним, дело до сатиры, а то и незатейливого зубоскальства лет минувших? Ведь отнюдь не всякая сатира и даже очень смелая – свидетельство таланта. Не зря же Жванецкий заметил, что в советское время взлететь на гребень славы было легче: в условиях ограничений достаточно было быть либо смелым, либо талантливым. А сегодня смелостью особенно не удивишь. Приходится уповать на талант.

Что касается таланта Стругацких, да и не только их одних, судить не берусь. Пусть здесь судит время и профессионалы-литераторы. Когда же речь доходит до их сатиры, то встает вопрос: а не останется ли она реликтом, артефактом матушки-Истории? Есть же римская сатира, блистательная эразмовская «Похвала глупости», Рабле... Но кто их сегодня особенно читает, кроме разве что студентов и специалистов? Любо нам это или нет, но, скорее всего, они, подобно наконечникам стрел, стали клинков и чугунным ядрам, уже прочно заняли свое место в музейных витринах, утратив былое назначение разящего врага оружия.

Вполне может быть, что это так. Не буду спорить. Просто предлагаю вместе с читателем прикоснуться, только прикоснуться лишь к некоторым из сатирических стрел Стругацких.

Вот извечная проблема человека. Человека и свободного времени. Проблема, поднята тогда, когда вещали: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». А что такое коммунизм, как не такое обилие сил, средств и свободного времени, когда каждый сможет демонстрировать миру свою разносторонность? – Прямо - мечта Маяковского, писавшего о папашах, которые и землю попашут, и стихи напишут. Но вот всяк ли, окунувшись в океан свободы, посвятит себя творчеству? – Один из героев повести, сомневаясь в этом, замечает своему знакомому: «Это тебе только кажется. Не будешь ты меня слушать. И сочинять не будешь. Повыпиливаешь по дереву, а потом к бабам пойдешь. Или



напешься. Я же тебя знаю. И всех я здесь знаю. Будешь слоняться от хрустальной распивочной до алмазной закусочной. Особенно если будет свободное расписание. Я даже подумать боюсь, что будет, если дать вам свободное расписание...» (с.90)

Вроде частный штришок. А ведь любопытно было бы подумать, как сегодня, пусть не при том, книжном коммунизме, владеют своим свободным временем и деньгами те, у кого всего этого в избытке?

Этот вопрос органически срастается с вопросом о сущности человека и прогресса, вопрос, который стал будоражить умы советских людей со времен Оттепели, взметнувших ввысь строки А.Вознесенского: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Вот герой Стругацкий касается книги, размышляя: «Те, кто тебя читает, тоже становятся добрыми и честными. Хотя бы на время. Хотя бы с самими собой... Но ты знаешь, что есть такое мнение, что для того, чтобы шагать вперед, доброта и честность не так уж обязательны. Для этого нужны ноги. И башмаки. Можно даже немывые ноги и нечищенные башмаки. Прогресс может оказаться совершенно безразличным к понятиям доброты и честности, как он был безразличен к этим понятиям до сих пор. Управлению, например. для его правильного функционирования ни честность, ни доброта не нужны. Приятно, желательно, но отнюдь не обязательно. Как латынь для банщика. Как бицепсы для бухгалтера... Но все зависит от того, как понимать прогресс. Можно понимать его так, что появляются эти знаменитые «зато»: алкоголик, зато отличный специалист; распутник, зато отличный проповедник; вор ведь, выжига, но зато какой администратор! Убийца, зато как дисциплинирован и предан. А можно понимать прогресс. как превращение всех людей в добрых и честных. И тогда мы доживем когда-нибудь до того времени, когда будут говорить: специалист он, конечно, знающий, но грязный тип, гнать его надо...» (с.45)

Но этот прогресс – прогресс фантазии авторов. Потому-то в финале повести, один из ее героев, оказавшийся волею судьбы связанным с жителями изучаемого и преобра-



зуемого Леса, произносит свой горький монолог: «Какое мне дело до их прогресса, это не мой прогресс; я и прогрессом-то его называю только потому, что нет другого подходящего слова... Здесь не голова выбирает. Здесь выбирает сердце. Закономерности не бывают плохими или хорошими, они вне морали. Но я-то не вне морали! Но, может быть, дело в терминологии, и если бы я учился языку у женщин, все звучало бы для меня иначе: враги прогресса, зажавшиеся бездельники... Идеалы... Великие идеи... естественные явления природы... И ради этого уничтожается половина населения! Нет, это не для меня...» (с.188)

Перед нами многовековая загадка сфинкса Истории: проблема отношения прогресса и морали, крайние полюса которой так четко высвечены еще у Гегеля и Достоевского. С одной стороны – торжество Мирового Духа, воплощенного в Личностях, неподсудных обычной морали. С другой – слеза ребенка, которой могут не стоить величайшие достижения того, что называют прогрессом.

И вопрос этот врастает в гущу самой жизни, причем самой современной: в нем и гулы споров о глобализме и так называемом «золотом миллиарде», и ломка копий вокруг так называемой «рыночной экономики» не менее, а, может быть, и более чуждой сантиментов и простых человеческих чувств, чем жизнь в периоды революционных ломок и гражданских войн.

Но... обратим внимание: Стругацкие, вроде бы, и мимолетом, в ворохе образов и коллизий, в духе скорее фэнтэзи, а не научной фантастики, касаются проблем лингвистики, языка. И снова всплывает мысль: только ли для музейной витрины их рассуждения? Судите сами, перечитав пару, воспроизведенных здесь фрагментов. Первый – отрывок из пародийного «Проекта директивы о привнесении порядка»: «На протяжении последнего года Управление по лесу существенно улучшило свою работу и достигло высоких показателей во всех областях своей деятельности. Освоены, изучены, искоренены и взяты под вооруженную и научную охрану многие сотни гектаров лесной территории...» (с.176)



Второй – размышления Кандида о словах и явлениях, маскируемых ими: «Я видел гибель лукавой деревни, холм, похожий на фабрику живых существ... гибель, фабрика, расправа... Это же мои слова, мои понятия. Даже для Навы (жительницы леса – Ю.Б.) – это не гибель, а Одержание... Но я-то не знаю, что такое Одержание. Мне это страшно, мне это отвратительно... и, может быть, надо говорить не «жестокое и бессмысленное натравливание леса на людей», а «планомерное, прекрасно организованное, четко продуманное наступление нового на старое», «своевременно созревшего, налившегося силой нового на загнившее бесперспективное старое»... Не извращение, а революция. Закономерность...» (с.183) (Сравните с упоминавшимися ироничными строками Евг. Евтушенко: «Исправить – значит уничтожить. Но только не под барабан»). Здесь о той же лукавой игре словами).

Конечно же, перед нами пародия на выспренне-запутанный язык своего времени. Но как она созвучна времени нашему, буквально разбухающему от расплывающихся, словно пена из бокала с пивом, слов типа «инновации», «бренды», «мэйн-стримы» и прочая, и прочая, за которыми, подчас не больше мысли и реальных дел, чем за словами, льющимися потоком в «Улитке на склоне».

Не удивительно, что для Стругацких подобные потоки слов не только сокрытие сути, но и прикрытые имитационной деятельностью, когда, казалось бы, все при деле, а особого продвижения не заметно. Скажем, как в костанайском сквере, где стало традицией из года в год рубить одни, жизнеспособные деревья, называя это озеленением и благоустройством, и сажать другие, гибнущие так регулярно, что на их место вновь и вновь селятся новые, зачастую столь же обреченные на гибель саженцы. Деятельность, как и на иных городских улицах, налицо. Озеленение в действии. А самой зелени местами становится все меньше и меньше. Но разве это беда? Почитайте Стругацких – и они подскажут, как умело окрестить любое дело. Бывает ведь важно не что и как сделать, а как назвать и как отчитаться. Вслушайтесь в разговор главного героя повести с самим собой: «... Перец,



ты что-то очень мало знаешь. Ведь все работают. Никто почти не отлынивает. По ночам работают. Все заняты, ни у кого нет времени. Приказы исполняются, это я знаю, это я сам видел. Вроде бы все в порядке: охранники охраняют, водители водят, инженеры строят, научники пишут статьи, инженеры выдают деньги.

Слушай, Перец, – подумал он, – а, может быть, вся эта карусель как раз для того и существует, чтобы все работали. В самом деле, знающий механик чинит машину за два часа. А потом? А остальные 22 часа? А если к тому же на машинах работают опытные рабочие, которые машин не портят? Само же собой напрашивается: хорошего механика перевести в повара, а повара – в механики. Все работают, выполняют свой человеческий долг, не то, что обезьяны какие-нибудь ... и дополнительные специальности приобретают...» Правда у героя Стругацких этот язвительно-благодный монолог завершается отнюдь не благостно: «В общем-то нет в этом никакой логики, кавардак это сплошной, а не логика...» (с.173 – 174)

Но к такому выводу пришел герой Стругацких. Когда же смотришь на иные СНГ-овские реформы, особенно в некоторых сферах, то так и мерещится, что их вершат, заимствованные у Стругацких повара, поменявшие род работы.

Подобные сравнения напрашиваются не раз. Так, только ли о десятилетиях прошлого боль, звучащая в обращенных к лесу словах Переца: «Мы растеряли (ум, снисходительность, внимательность... - Ю.Б.)... у нас не хватает на это ни сил, ни времени, мы только строим памятники – все больше, все выше, все дешевле, а помнить – помнить мы уже не можем...» (с.42)

Заметьте, проблема исторической памяти и сегодня не менее остра, чем тогда, когда были написаны эти строки. И, конечно же, память не сводится только к ее внешним формам, к монументам. И, конечно же, мы сегодняшние много думаем об этом и, пусть не всегда последовательно и логично, но и многое пытаемся делать.

Что ж, я лично предпочел бы, чтобы сатира «Улитки» оказалась на почтенных музейных полках. Но пока она и по сей день остается оружием и тем, что дает немало





пищи для мысли нам, сегодняшним, по крайней мере, тем, кто сумеет продраться сквозь видимый бурелом причудливых образов. Но такова жизнь. И в этой жизни, как и в любые времена, всегда должно оставаться место не только для директив, имитаций мыслительной деятельности и деятельной мысли, но и реального движения. А это значит, что думающий и жаждущий деятельности человек может и должен подобно героям Стругацких искать разумную точку приложения своих сил. Правда, успех и достижение цели не всегда бывают итогом и самых активных действий. Но и без действий-то явно ничего не будет. Действий, с любовью к той частице огромного мира, в которой нам довелось жить.

(Дано по: Улитка на склоне. – Ленинград: СП «СМАРТ», 1990. 1965 указан, как год написания)



### **«Хищные вещи века» и мы**

Сегодня, когда вспоминают братьев Стругацких, обрисовывая их, как скульпторов духа своей эпохи, попытался что-то вспомнить и я. И что? – Да практически ничего, что застыло бы в памяти и определило мои собственные умонастроения, стало бы для меня поразительным открытием. Да и вообще, что такое фантастика? – Так, игра воображения. К чему искать какие-то скрытые смыслы в этой игре, когда есть История? – Для меня, с раннего детства жившего Историей, это казалось очевидным: ведь всякие намеки на проблемы того или иного времени, на его абсурды и прочее, куда сочнее, точнее и многограннее, чем какая-то там фантастика, может предложить нам История. Почитайте хотя бы «Мудрость чудака» или «Лже-нерона» Л.Фейхтвангера – и Вы сразу это почувствуете. Не случайно, из меня, кажется, еще студента, выпорхнули несколько выпренные, но искренние строки:



Ты, кто увидел мудрость Чудака,  
Со скальпелем стоял над хилым миром,  
Взрезая мыслью гнойные века  
И потроша чванливые кумиры.

Не прошлое ты гневно обличал,  
Не старина перо твое держала.  
Как зеркало ты Время протирал –  
И нынешнее в прошлом проступало.

Рычал эфир. Лились речей дожди.  
Но падали с покатых лбов короны –  
И видел мир: владыки и вожди не боги  
А всего лишь лже-нероны...

Да и студенты-историки задорно пели: «Лишь история соль. Остальное все ноль». Исторические фильмы захватывали дух. Окунали в неведомые, **но реально** существовавшие в прошлом миры. А фантастика? – Из всех фантастических кинолент по большому счету всерьез запомнился лишь польский, название которого в русской версии звучало, как «Новые амазонки»... Да и вообще, я испытываю аллергию к кумирам и пьедесталам, будь то какой-нибудь «Великий кормчий», Великий Д Dissидент или Автор чего-то там «культового». Да и само слово «культовый» (к примеру, культовый писатель или фильм) в приложении к той, советской эпохе, звучит для меня таким же диссонансом, как, скажем бы, слово «чувиха» или «телка» звучало бы при упоминании рыцарской дамы или Наташи Ростовской...

Но перечитать, а что-то прочесть вновь захотелось. И вот в моих руках «Хищные вещи века», увидевшие впервые свет в алма-атинской газете «Ленинская смена» в 1965 году – то есть тогда, когда я сам ходил еще в школу, и, естественно, многое в них тогда, скорее всего, просто бы не заметил. А что можно было бы ожидать от меня сегодняшнего? – Судя по аннотации 1992 года, не слишком многого. Ведь сказано же: «Эта книга тоже о революции, о ее нравственных последствиях. Стругацкие предсказали «черные дыры»



научно-технического прогресса, ловушки для миллионов и миллионов людей».

Не знаю, как Вас, а меня лично такого рода сентенции не очень-то вдохновили на чтение. Все эти стенания о печальных нравственных последствиях революций, да еще тогда, когда страну буквально через колено ломали, мне почему-то представились шаманскими плясками вокруг извергающегося вулкана.

Но... взятая в библиотеке книга остается в руках. Читаешь. Все вроде бы просто. Язык достаточно добротный, но обычный язык фантастики. Собственно научных предвидений вроде жульверновских что-то незаметно. И в самом деле. Есть уже космолеты. Но ни компьютеров, ни Интернета, ни мобильной связи. Какие-то газеты, которые из молодых сейчас и в руки-то мало кто берет. Паспорта, а не чипы, карточки и т.д., и т. п. Ну какая же это научная фантастика, если Стругацкие, как и многие их собратья, даже не попытались предсказать то, что спустя считанные десятилетия войдет в жизнь уже их поколения? Словом, побрюзжать есть над чем. Ну а что, если взглянуть на это иными глазами?

Конечно же, как мне кажется, «Хищные вещи века», как и многое иное, было бы уместнее назвать не **научной**, а **социальной** фантастикой. В годы «Оттепели» и особенно так называемого «Застоя» такая фантастика будоражила мысль, не давая ей закинуть в болотах официоза. Тот, кто постарше, и сегодня может увидеть в тех же «Хищных вещах века» немало язвительных уколов именно той действительности, намеков на реалии и лже-пафос именно тех лет. Но как раз об этом писать очередной раз в дни нынешние не очень-то интересно. И в самом деле, если видеть в Салтыкове-Щедрине лишь обличителя нравов давно исчезнувшего из карт духовной жизни города Глупова, то кому он будет сейчас особенно интересен? – Разве тем, кто печется о том, чтобы заработать очередное научное звание на благодатной ниве его творчества. То же, казалось бы, можно было бы сказать и о Стругацких: ну «постебались» они над социализмом и явно ненаучной фантастикой



официальных прогнозов тех лет – и что? – Мы то живем в иное время.

Но, о чудо! Чудо, от которого даже оторопь берет. В книге 1965 г., словно в волшебном и при этом беспощадном зеркале, начинают проступать черты уже наших (да и только ли наших?) дней. И это предвидение, это предошущение болей и изломов времени начинает видеться, куда более значимым, чем прогнозирование тех или иных конкретных технических новшеств.

Однако не будем философствовать, а прикоснемся к самим Стругацким. Центральная, сквозная тема «Хищных вещей», воплощенная в так называемом «слеге» и отчасти в «дрожке», своеобразная «виртуальная реальность – одна из многочисленных форм ухода от мира в царство иллюзий. Точнее – грани этой «виртуальной реальности», когда «дрожка» - нечто вроде массовой «отключки» от приевшегося мира буден, а «слег» - аналог наркотика или вводимых в мозг электродов, описанных ко времени появления «Хищных вещей», когда участвовавшие в экспериментах мыши, готовы были до полного истощения воздействовать напрямую на центры удовольствия, касаясь лапками определенных мест своих металлических клеток.

Именно сегодня проблема «отключки» с помощью ли игровых автоматов, компьютерных игр, ухода в мир Интернета либо наркотиков, развлекательных центров, пустотелых телешоу и т.д. стала особенно зримой. Так и кажется, что, прикасаясь к прозе дней своих, Стругацкие буквально вломились в наше время. Время, когда, подобно одной из героинь повести, не столь уж немногие на вопрос: «Что вы больше всего любите делать?», ответили бы: «... чтобы было весело и ни о чем не надо думать» (с.321). Во всяком случае, вспоминая многие российские телепрограммы, можно было бы сделать именно такой вывод. И поневоле иной раз так и тянет повторить за Стругацкими: «Слег надвигается на мир, и этот мир будет не прочь покориться слегу» (с.385).

И разве дело в формах отключки, если, с одной стороны, есть массы, жаждущие уйти в мир грез от этого наскучив-



шего, приевшегося мира, а, с другой... А что с другой? – У Стругацких, к примеру, генератор оптимизма - доктор философии Опир. Вслушайтесь только в его восторженные речи: «Нам исключительно повезло. Мы родились в величайшую из эпох - в Эпоху Удовлетворения Желаний... О наука! Ты наконец освободила человечество! Ты дала нам, дашь и будешь отныне давать все ... пищу – превосходную пищу! – одежду – превосходную, на любой вкус и в любых количествах – жилье – превосходное жилье! Любовь, радость, удовлетворенность, а для желающих, для тех, кто утомлен счастьем, - сладкие слезы, маленькие спасительные горести, приятные утешительные заботы, придающие нам значительность в собственных глазах...» (307)

Ой, как несложно тем, кто постарше, увидеть в этом ученом глашатая идей научного коммунизма. И, наверное, не случайно. Намек прозрачен. Но только ли о философе здесь речь? Вчитаемся: как бы, между прочим, в перерыве между монологами доктора философии, авторы роняют: «Всегда и во все времена существовали такие люди, абсолютно довольные своим положением и потому абсолютно довольные положением общества» (с.310). И так ли уж важно, что конкретно они воспевают в то ли иное время: науку, мудрого вождя, «смак» и ломящийся от яств стол или что-либо иное? – Главное, что они самозабвенно поют свои колыбельные, убаюкивающие гимны, посвященные тому или иному очередному лику мирового прогресса. А до жизни, что рядом, им и дела нет.

И одни ли опиры – творцы иллюзий? – Вот кудесник-парикмахер, свершивший истинное чудо с обликом главного героя повести, который, встав с кресла, словно Нарцисс застыл перед зеркалом «и не мог отойти. Потом ... вдруг стало жутко. Мастер был волшебником и волшебником недобрым, хотя сам, наверное, и не подозревал об этом. В зеркале, озаренная прожекторами, необычайно привлекательная и радующая глаз, отражалась ложь. Умная, красивая, значительная пустота. Нет, не пустота, конечно, я не был о себе такого уж низкого мнения. Весь мой внутренний мир, все, что я так ценил в себе... Теперь его вообще могло бы не быть. Оно было больше не нужно...» (с.304)



И это написано без малого полвека назад! Но так, словно сказано о сегодняшних имиджмейкерах, шоу-бизнесе, сладкой лжи экранов и чудесных технологиях, преобразующих все до такой неузнаваемости, что, всматриваясь в экраны, вчитываясь в газетно-журнальные строки, все труднее определить: что же за всем этим настоящее, а не бутафорски-показное?

Впрочем, и собственно газеты в повести не забыты. Как своего рода инструменты в каморке Нового папы Карло, штампующего... дураков. Швыряя груды еженедельников в угол, герой повести восклицает: «Ну что у них здесь за тоска!.. Дурака делают, дурака заботливо возвращают, дурака удобряют... Дурак стал нормой, еще немного – и дурак станет идеалом, и доктора философии заведут вокруг него восторженные хороводы. А газеты водят хороводы уже сейчас. Ах, какой ты у нас славный, дурак! Ах, какой ты бодрый и здоровый, дурак! Ах, какой ты оптимистичный, дурак, и какой ты, дурак, умный, решаешь кроссворды!.. Ты, главное, только не волнуйся, дурак, все так хорошо, все так отлично, и наука к твоим услугам, и литература, чтобы тебе было весело, дурак, и ни о чем не надо думать. А всяких там вредно влияющих хулиганов и скептиков мы с тобой, дурак, разнесем (с тобой, да не разнести!)...» (с.347)

Конечно же, эта язвительная ода дураку – о том времени, о тех десятилетиях, когда, говоря словами уже Евг.Евтушенко, народу настойчиво втюривали «оптимизма сонный порошок». Было такое? – Было. Как говорится, из песни слова не выкинешь. Сейчас же время иное. Но вспомнишь, хотя бы желтую прессу с ее интимом из жизней близких и далеких «звезд» да мерцающий зубоскально телеэкран с опозтегизированным культом вещей, жратвы и прочего – и не так уж далеким от наших нынешних дней оказывается это возвращение дурака усердными современными масс-медиа. Конечно, таковые отнюдь не все. Ну, так и доктора опиры, волшебники-парикмахеры в той же повести не на каждом шагу. А надо же! Какие странности творятся в ее фантастическом мире!



И самая грустная, самая страшная странность – испаряющееся мировоззрение, пренебрежение воспитанием и ставка на человека функцию. Так ли это? Прикоснитесь к Стругацким и поразмышляйте сами над этими, не отягощенными философской тяжеловесностью словами: «В огромном большинстве стран мира воспитание молодого поколения находится на уровне 18-го – 19-го столетий. Эта давняя система ставила и ставит своей целью прежде всего и по преимуществу подготовленного для общества квалифицированного, но оболваненного участника производственного процесса, и поэтому вне производственного процесса человек в массе остается психологически человеком пещерным. Человеком невоспитанным. Неиспользование этих потенций имеет результатом неспособность индивидуума к восприятию нашего сложного мира во всех его противоречиях, неспособность связывать психологически несовместимые понятия и явления, неспособность получать удовольствие от рассмотрения связей и закономерностей, если они не касаются непосредственного удовлетворения инстинктов. Иначе говоря, эта система воспитания практически не развивает в человеке чистого воображения, фантазии и – как немедленного следствия – чувства юмора... Задача (же) научной педагогики как раз и состоит в том, чтобы привести в движение эти потенции, научить человека фантазии, привести множественность и разнообразие потенциальных связей человеческой психики в качественное и количественное соответствие с множественностью и разнообразием связей реального мира...» (с.384)

Можно, конечно, соглашаться или не соглашаться со Стругацкими. Но подумать есть на чем. А это так немало, в какую бы эпоху человек не прикасался к Книге.





## Современное искусство – фантом или реальность?

11 июня по инициативе молодых сотрудников «КН» в «Доме Дружбы» прошла встреча, посвященная тому, что называют современным искусством и перформансам. Встреча прошла живо, весело, с выдумкой и при этом была, что называется, «информативной». Благодаря Кате Горбик присутствующие смогли ознакомиться даже с письмом молодой московской исследовательницы М.Автонян и видеофрагментами деятельности широко известной сербки Абрамович (не спутайте с Абрамовичем). Репортаж о встрече, естественно, будет и в «КН». Но о чем же речь, если взглянуть на все глазами такого замшелого консерватора как я, который и жареную картошку не променял бы на экстравагантных устриц и осьминогов в гриле?

Суть простая. Она – в разворачивании некоего действия, на глазах у зрителей, которые в идеале включаются в это разворачивание. Например: мы видим забавное водружение «смяканной» на наших же глазах бумажной головы на оклеенного вырезками картонного человечка. Либо, уже в видеоварианте обнаженную Абрамович с красным надрезом в виде звезды на животе...

Что это? – Искусство? Надувательство? Забавный фокус? Скажу честно, называть это и нечто подобное искусством, я бы не спешил. По мне искусство – это, все-таки, то, что требует определенной искусности, мастеровитости. Скажем, «Портрет матери» надо еще суметь нарисовать, тогда как раздеться или заклеить нечто можно и без многолетних упражнений, не говоря уже о каких-то там «мифических талантах».

Но и с клеймящими оценками я бы не спешил. Возможно, тут мы имеем нечто, напоминающее сковородку в стане первобытных воинов, которые пытаются определить ее ценность. Естественно, как воины, они пробуют использовать ее в качестве щита и даже ударного оружия. А почему бы и нет? Ведь жены из анекдотов активно используют сковороды для воспитания подгулявших мужей. Но то –





жены. Воины же, в конце-концов решат, что каменный топор или дубинка в серьезном бою куда уместнее сковороды. Значит, сковорода – плохое оружие, да и не оружие вообще. И им может быть не вдомек, что у сковороды просто-напросто иное предназначение.

То же самое, как мне кажется, можно было бы сказать и о «современном искусстве». Оно не в большей мере искусство, чем сковорода – оружие. Мало того, оно может стать инструментом массового окопачивания, как это едко показал в своей книге-шарже Эрик-Эммануэль Шмит, известный костанайцам, как автор цепляющей за живое пьесы «Оскар и розовая дама».

Но оно же может существовать и как пробуждающая воображение игра, как своего рода социальное явление либо своеобразные психологические опыты, посредством которых пытаются разогнать скуку объевшегося рекламными достижениями цивилизации «общества потребления». Здесь может быть и мысль, и социально-психологический подтекст. Ведь появляется все это в мире, где фиксирующая, информирующая задача изобразительного искусства в огромнейшей мере решается техническими достижениями цивилизации. Если там, где есть экскаватор, отпадает потребность в землекопах, то почему бы не отпасть потребности в художниках-фиксаторах реальности там, где эту реальность гораздо быстрее и, зачастую, точнее можно зафиксировать с помощью чудес современной техники? – Вопрос оставляю открытым. Замечу только, что в этих условиях сторонники «современного искусства» (и только ли его?) сменили акценты, поставив своей задачей не информировать, воспроизводить внешний либо свой внутренний мир (вплоть до мира легенд и ставших архетипическими мифов), а будоражить зрителя. Не информировать – а будоражить – вот, по сути, кредо так называемого современного искусства, притормаживать внимание, как это, к примеру, делается с помощью «лежачих полицейских» и т.д., и т.п. И в нашем, перенасыщенном информацией техногенном и при этом «омассовленном» обществе рождение такого социального явления вполне логично. Оно так же естественно, как



буйство трав после ливней, либо, наоборот, обмеление рек после вырубки прибрежных лесов.

Фокусничанье, на мой взгляд, начинается лишь тогда, когда нам игры начинают выдавать за нечто иное и рассуждать о высокой философии и глубинном смысле воды в бассейне с таким ученым видом, словно перед нами океан. Это все равно, что предлагать всерьез попробовать вкус детских пирожков, «испеченных» в песочнице.

Итак, как вид игры, и как социальное явление, как психологические опыты, вынесенные на «арену», перформансы становятся вполне органичной частью определенных современных обществ. Но говорить о них всерьез, как о разновидности искусства, пожалуй то же, что рассуждать о ведьминой метле, как о виде транспорта.

Но даже здесь нужны оговорки. Клеймить не стоит. Слишком уж много клейм было понаставлено на нашей памяти. Но это отнюдь не значит, что мы вправе восторженно переносить к себе все то, что не клеймим у других. Конечно же, и мы можем играть – но в свои игры. А вот буквально повторять обнажение в местах массового скопления людей, да еще с публичными надрезами на животе – это для нас нынешних, столь же неприемлемо, как гей-парады либо воспевание прелестей однополых браков. У нас иная культура. И, увы, во многом иное бескультурье. Конечно же, меняются и они. Но, как многократно демонстрировала история, резкий слом привычных стереотипов и ценностей всегда неотделим от социальных катастроф. Потому-то и церковь, и мечеть прошлых столетий, и коммунистическая партия века минувшего, обрушиваясь на, казалось бы, мелочи в облике и бытовом поведении людей, вводя подчас ограничения и в сферу искусства (в том числе и нелепые, с позиций нынешнего дня), делали все это, потому что тысячи лет научили ценить значимость устоев. С другой же стороны, никакие ограничения не могли задушить тяги к новому, которое, опять-таки, увы, далеко не всегда было благим. И балансирование на грани нового и устоявшегося -, быть может, важнейшее из искусств. И первейшее по значимости. Но это – уже другая тема.



## Эта непростая нагота

Сегодня не редкость занимательные материалы, типа «Долой пижамы!» и прочее, представленные, подчас, как «рецепт счастья». Что ж, и в них бывает немало поучительного. Но вот кое-что лично у меня рождает сомнения. Конечно же, трудно представить мужчину, который откажется увидеть обнаженной близкую ему, а то и просто привлекательную женщину (а какая из обнаженных женщин непреклонного возраста не покажется мужчине привлекательной?)

Но вот «исторические» аргументы» в пользу наготы мне не кажутся убедительными. Взять ту же Древнюю Грецию, которая из нашего прекрасного(?) далека, видится нам эталонной. Что о ней говорится? – «Явление в обнаженном виде в общественных местах было обычным явлением в античной Греции и в Олимпийских играх того времени участие принимали абсолютно обнаженные спортсмены». Короче: «Совершенно обнаженное тело в древней Греции было предметом гордости одних и зависти других».

Боюсь, что и в этой, праматеринской для Европы и огромной части современного человечества не все было просто. Не берусь сейчас всерьез спорить о том, когда и в каких общественных местах ходили обнаженными. На самом деле, мы об этом очень мало знаем. Но хорошо известно, что на Олимпиады женщин за редчайшим исключением не пускали под страхом смерти. Похожие запреты существовали и для мужчин, которые хотели бы побывать на закрытых женских собраниях – вакханалиях. (Другой вопрос: были ли все вакханалии исключительно женскими). Правда, как пишут, в Спарте мужчин, слишком уж долго избегавших брачных уз, заставляли нагишом выходить на рынок. Но так это же в виде позорного наказания! Еще известно, что нагими ходили во времена античности в «спорткомплексах» - гимнастических залах и банях, которые были и местами отдыха. Не случайно греческую гимнастику, которая расценивалась римлянами, как изнеживающая воинов, ввели в империи лишь при Нероне, извест-



ном своим садизмом и развратностью. Как не случайно и то, что богиня любви Венера наряду с известными персонажами мужского пола изображалась скульпторами обнаженной, тогда как покровительница брака – Гера – строго одетой.

А вот в Индии многое было иначе. Среди представителей особого религиозного направления джайнизма – встречались и встречаются те, кто ходит обнаженными. Называются они «одетые светом». Столкнувшиеся же с ними во время походов Александра Македонского, представители греческой культуры назвали их «гимнософистами», то есть нагими философами. Заметьте: обратили на них внимание – значит, такого рода нагота и для греков не была обычной. Евреи же восставали против греческого владычества, распространявшегося на их территории в эпоху эллинизма, помимо прочего и потому, что не могли принять даже наготу гимнастических залов. И здесь речь идет не только об истории, поучительнейшие и интереснейшие примеры из которой можно множить и множить. Достаточно вспомнить рассказ о турецком султানে, захваченном в плен Тимуром и посаженным в клетку, из которой тот должен был смотреть на пирующих врагов. По преданию, увидев свою любимую жену, вынужденную неодетой прислуживать победителям, он не выдержал и разможил голову о железные прутья клетки.

Да и сегодня вопросы наготы, нюансов одежды (если только речь не идет о собственном доме) не раз оказываются динамитом, способным привести к оглушительному социальному взрыву. Это совершенно особая тема, которую, как мне кажется, явно не понимают служители коммерчески либеральных СМИ.

Ну и, наконец, очень и очень сомнительным представляется суждение: «Нудисты ... любят себя такими, какие они есть, любят свое тело просто потому, что это их тело. А ведь, как известно, если ты сам любишь себя, то и другие обязательно тебя полюбят».

Я, как и автор этих строк не за самоедство и смакование комплексов. Но все эти, ставшие штампованными дифирамбы любви к себе так плоски! Сколько вокруг



влюбленных в себя и очарованных самими собою особ. Но почему-то не все окружающие в таком же восторге от них, как они сами. Кстати, это почувствовали те самые древние греки, на которых так уютно ссылаться. Вспомните хотя бы миф о Нарциссе, не устававшим любоваться собою. Чем он кончил?



### **Что можно увидеть сквозь дыры в плаще философа?**

И в самом деле, что, особенно, если этот плащ одет на голое тело? – Не буду спешить с подсказкой ответа. Попробуйте пофантазировать сами. Я же замечу, что этот, странный, вроде бы, вопрос навеян... бурей, поднятой вокруг спора о допустимости ношения хиджабов в школе и необходимости соответственного возрождения школьной формы.

Я уже писал об этом. Но... до бури в соседних, российских СМИ, и потому хотелось бы вновь остановиться на этом, приглашая желающих высказать свое собственное мнение на данный счет. Начну с того, что по природе своей я – либерал и, вообще, волею непонятно каких сил, мягко говоря, не стандартен. Даже в настольный теннис – и то постоянно играл только левой, да еще азиатской хваткой. А уж школьной формы ни в какие годы и подавно не носил. Да и к галстукам (не считая пионерского) никогда особой приверженности не имел. Иными словами я – за полнейшую свободу верований, убеждений и пристрастий к одежде. Но... до тех пор, пока такая свобода и такие пристрастия не становятся вызовом другим и не превращаются в искусственно создаваемые барьеры для разделения людей.

Нет, я не за жесткие дресскоды иных салонов и саммитов, если речь заходит о школах и особенно вузах. Но почему-то никто (по крайней мере пока) не будет возражать, если в вуз не пропустят даму в бикини или топлес. И дело не просто в абстрактном приличии: попробуйте вещать



о глубинах философии или высшей математике, если вместо пиджака вас, как таитянина или Тимоти покрывает татуировка, либо – соответственно полу – вместо платья драпирует(???) лишь изысканное французское белье. Боюсь, что в подобных ситуациях наимужнейшие знания останутся не востребуемыми из-за отвлечения внимания. Но ведь совершенно то же самое может происходить, когда речь идет о подчеркнуто, а то и агрессивно подчеркнуто, религиозных аксессуарах. И они способны отвлекать и разделять, рождая ненужные конфликты и неуместное возбуждение там, где требуется сосредоточенность на деле. Лично меня девичьи платочки в вузе никогда не раздражали, тем более, что, как правило, они были на умных головках. Однако, если, идя в храм Божий, хорошо бы быть уместно одетым, то почему же при этом мы должны пренебрегать храмом науки или школой и одеваться намеренно вызывающе?

Но при чем тут плащ философа? – можете спросить Вы. Думаю: очень даже причем. Древние писали, что некогда к одному скромного вида знаменитому философу пришел, обучавшийся у того, другой. Пришел в дырявом плаще и стал вертеться перед учителем, чтобы продемонстрировать свое презрение к роскоши и заезженной обыденной морали. И что же ответил на это учитель? – «Я вижу, как сквозь дыры в твоём плаще проглядывает тщеславие».

Вполне понятно, что дело здесь не в самих дырах, а в их демонстрационности. Убежден, что глубокая вера, будь то вера не только в Бога и Божьи установления, но и вера в нечто сугубо земное, не нуждается в вызывающей демонстративности. Ведь, чем больше мы сосредотачиваемся на том внешнем, которое выделяет нас из других, то тем меньше остается времени и сил для внутренней духовной работы. Что же касается уставов, правил поведения и т.п. в вузах и школах, то они не должны быть чрезмерно жесткими, но без стержня нельзя. Поэтому повторюсь: учебные заведения имеют полное право жестко ограничивать все, что искусственно разделяет и отвлекает внимание... И только ли это? – Ведь проблемы этики и эстетики наших учебных заведений далеко не сводятся лишь к хиджабам. Но это уже – иная тема.



## Об этике журналиста

Пятого марта 2014 г. в Костанае прошел тренинг на тему «Безопасность журналиста в сети, законодательные рамки и риски журналистского расследования».

В работе с журналистами приняли участие известные у нас Ж.К.Маканов и Д.В.Горбунов. Довелось принять в ней участие и мне. Не будучи юристом, коснусь лишь того, что связано с моим собственным опытом преподавателя и автора, и того, о чем я сам говорил на тренинге.

Думаю, что этика журналиста, естественно, включает контактность, умение общаться с людьми. Без этого просто нет и не может быть журналиста. Но, как и для медика, для журналиста, все-таки, главное не улыбки, а профессионализм. Хирург может быть не улыбчив, но он не может быть не сведущим в своем деле.

Подготовленность к выполняемой работе – первое требование к этике журналиста, несущего информацию тысячам людей. Отсюда в идеале и особые требования к журналистам-студентам.

Что же включают в себя эти понятия **профессионализм** и **подготовленность**?

Первое: понимание того, что такое источник информации. В этом отношении серьезно подготовленный журналист должен обязательно иметь представление об истории, источниковедении и историографии, как о тех полигонах, где обкатывается умение анализировать информацию. Здесь очень важно четко представлять то, о чем очень хорошо было сказано на встрече юристом Горбуновым Д.М.: любые исторические, да и вообще источники – это источники, которые исходят от людей, пристрастных и вольно или невольно ограниченных в своем видении той или иной ситуации, проблемы. Поэтому, стремясь дать «жареное», острый материал, даже ради собственной безопасности опытный журналист постарается прислушаться к мнению различных полемизирующих или конфликтующих сторон.



Второе – это диалектика. Готовность видеть, особенно сложные процессы в их взаимосвязи и развитии. К сожалению, современные масс-медиа, сплошь и рядом демонстрируют обратные примеры. Примеры, которые при должном анализе уже сами по себе могут быть поучительны. Пример, российская телепрограмма с достаточно известным П., который ставит перед телезрителем вопрос: «Был ли СССР террористическим государством?» Вопрос дополняется двумя другими : каким СССР был в отношении внутренней и внешней политики? На оба даются, казалось бы, очевидные ответы: внутри государства были сталинские репрессии, а вне – убийство Троцкого и др. То есть и внутри и вне государства был террор, значит СССР был террористическим государством. Не вдаваясь в дискуссии об оценке Сталина и т.п., заметим, что перед нами – игра в истину, а не ее серьезные поиски. Что касается первого, то история Советского Союза, при всех его взлетах и падениях, отнюдь не ограничивается тем, что названо периодом репрессий. А уж, что касается реальных и декларируемых прав человека в СССР середины пятидесятых и в тех же Штатах, где даже позже «негры христиане» не всегда могли ступить на порог христианской церкви той же конфессиональной принадлежности, если только это была церковь для белых, то это, вообще особая тема. Иными словами, некорректно делать далеко идущие выводы, вырвав фрагмент из того или иного процесса, или ту либо иную отдельную историческую личность.

Что же касается второго, то тут явление просто постыдное. Как ни печально, но элементы террора – нередкие слагаемые других форм борьбы. И тут только у одних американских силовых структур и, соответственно, у американского руководства их столько, что хватит на многие и многие тома. Здесь и готовившиеся покушения на Фиделя Кастро, и восторженно встреченное в США растерзание Каддафи, и многое, многое иное.

Сказанное здесь приводится не для того, чтоб в очередной раз заклеить кого-то, а лишь для того, чтобы показать, как примитивно могут выглядеть внешне эффект-





ные подходы, если они лишены желания либо умения видеть процессы и картины в целом, а не произвольно выхваченные фрагменты.

Третье требование профессионализма – это необходимость понимать свое место, свои задачи и ограниченность собственной компетенции – то есть всегда чувствовать границы своего незнания и не стыдиться этого чувства.

Журналист, чтобы там не говорили о «четвертой власти», - не судья, а ухо и глаз эпохи. Он – своего рода блюдо, на котором преподносится информация зрителю и слушателю. И, по моему личному мнению, высший пилотаж заключается не в том, чтобы демонстрировать блюдо, а в том, чтобы нести на нем то, что существенно и, конечно же, интересно. К сожалению, современные тренды зачастую свидетельствуют об обратном. Замечательный пример этого дают разнообразные передачи В.Познера. Был период, когда в одной из своих передач он беседовал с приглашенными, взирая на них сверху вниз, с высоты специально изготовленного стульчика. Это выглядело комично. Ныне же (и не только Познер) начинают свои программы с демонстрации собственных персон, преподнесенных в разных ракурсах. Иначе говоря, зрителя как бы заранее готовят к тому, что рамка значимее картины, а блюдо – того кушанья, что нам преподносят. То есть внешнее важнее сути. Сами же манеры ведения диалога нередко таковы, что собеседник подавляется. Но это метры! И образцы того, что не стоило бы у них перенимать. Ведь, если я смотрю программу того же Познера или «Рожденные в СССР» и т.д., то мне интересно именно кого приглашают и как раскрывается то, что приглашенный мог бы сказать. Серьезному журналисту – не позеру – никогда не следует ни пытаться «перещеголять» приглашенного, ни, тем более, пытаться в чем-то его «переплюнуть». Ведь потому-то и приглашают представителей искусства, юристов, гос. структур и т.д., и т.п., что, как профессионалы, они способны дать то, на что не вправе претендовать приглашающий. Иначе зачем тогда вообще кого-то приглашать?

Четвертое: это выработка умения не просто смотреть и слушать, и а слышать и видеть, и как можно



реже исправлять авторов, чьи публикации приняты к печати. Это очень не просто, а интервью – один из сложнейших жанров. Вспоминаю, как одна из замечательнейших и очень обаятельных журналисток, после интервью со мной опубликовала в целом светлую и неплохую статью, но... в мои уста там были вложены слова о том, что первая моя публикация была чистым плагиатом. Пришлось потом в прессе, насобирав ворох подобных курьезов, писать, что я так не говорил и не мог бы сказать. Ведь, что такое плагиат, то есть похищение чужого для провинциала, поступившего в аспирантуру МГУ? – Полная катастрофа. Другое дело, что статья была слабенькой. Но это же совершенно разные вещи. И тут уместно было бы сделать по ходу две ремарки. Во-первых, молодой журналист должен стремиться к тому, чтобы, подготовив материал, обязательно ознакомиться с ним собеседника. Я сам стараюсь по мере возможности делать это в обязательном порядке. Во-вторых, чувствовать разницу между метафорическим и буквальным значением слов, как и вообще чувствовать слово. Так, слово «порнография» может употребляться и в прямом, и в переносном смысле. Во втором смысле это просто, что-то низкокачественное, но совсем не обязательно связанное с сексом и наготой. Кстати, с одной из моих публикаций произошла поучительная история. Читая свою небольшую заметку, я вдруг наталкиваюсь на слово «обнаженка» и сразу спотыкаюсь. В голове невольно прокручивается близкое по звучанию «тушенка». «сгущенка». Ничего не имею против слова. Но заковыка-то в том, что это словечко «вляпано» в мой текст», в текст, под которым стоит моя фамилия! Стилистически и по сути оно совершенно выпадает из смыслового и образного ряда моей статьи. Во всяком случае, оно не мое. И таких примеров немало. Есть и радующие обратные. Очень не люблю собственные интервью. Мне проще написать самому. Но среди тех, с кем я говорил, наверное, особенно выделил бы Владимира Дмитриевича Познанского, работавшего на радио «Россия». Мы встречались с ним несколько раз. Первый раз был популярный разговор о религии и мистике. И, когда я, в комнате



общезития МГУ, услышал беседу и свой собственный голос, то поразился органичности передачи- ведь сам-то я никогда прежде в качестве радиорассказчика не выступал. Но журналист оказался столь высоким профессионалом, так вел беседу и так скомпоновал материал, что мои слабости оказались перекрыты его ненавязчивым мастерством. Вполне понятно, что я мог бы назвать и местных журналистов. Что касается интервью, то тут я лично выделил бы Евг. Вас.Шибаршина, который мог передать не только суть, но и специфику речи собеседника, ее колорит. Хотя, естественно, какие-то неточности бывают у любого из нас. Восхитила меня и Л.И.Кайнюкова, которая без диктофона сумела очень точно передать все, о чем мы с ней говорили. С удовольствием я беседовал с О.А.Абалаковой... Из последних материалов среди самых замечательных интервью - беседа Л.Фефеловой с С.А.Колдыбаевым. О сложнейших вопросах философии и философии истории было написано так, что читалось. Но для этого надо было суметь услышать собеседника, говорящего не просто на быденном языке, а на языке науки! – Сложнейшая задача.

Я сам с удовольствием работаю с разными редакциями. Например, с «Учительской плюс», и не только. Но наиболее долго с Тимуром Гафуровым. Что меня привлекает в нем – виртуозность ведущего колонки. Мой собственный материал сокращается так, что я сам не вижу швов, сам не сказал бы, где и что убрано из-за избыточного объема. А это тоже очень непросто.

Вполне понятно, что в таких кратких заметках затронуто лишь несколько моментов. И то, высказанных не мэтром, а просто человеком, который делится бликами своего опыта. В идеале же было бы неплохо организовать своего рода электронный мастер-класс, где давались бы анализируемые образцы удач и просчетов, включая и то, что есть в сокровищнице мировой публицистической литературы и журналистики, а также, как в шахматах, приводились бы примеры финтов, обманных трюков, своего рода логических и эмоциональных ловушек.



Бондаренко  
Юрий Яковлевич

**Культура в лицах**  
**«Людей неинтересных**  
**в мире нет»**

Книга первая  
**ЗАЧИН**

Редактор Т.И. Давиденко

Подписано в печать 03.09.2014 г.  
Формат 60x84 1/16. Печать ризография.  
Бумага офсетная. Гарнитура KZ Times New Roman  
Объем 19,25 п.л. Тираж 300 экз. Заказ 1277

Республика Казахстан, г. Костанай,  
ТОО «Центрум», пр. Аль-Фараби, 117.  
Тел. 8 (7142) 54-57-02, 917-888